

ВИТАЛИЙ ОСТАНИН

КНЯЗЬ БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ

КНЯЗЬ БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ
НАМЕСТНИК
ПРОРОК

БФ-коллекция

Виталий Останин

**Князь Благовещенский:
Князь Благовещенский.
Наместник. Пророк**

«Издательство АСТ»

2018, 2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Останин В. С.

Князь Благовещенский: Князь Благовещенский. Наместник.
Пророк / В. С. Останин — «Издательство АСТ», 2018,
2021 — (БФ-коллекция)

ISBN 978-5-17-151996-4

Этот мир практически не отличается от нашего. На берегу Амура стоит город Благовещенск, а по другую сторону реки раскинулся китайский Хэйхэ. Только здесь дальневосточной провинцией управляет не губернатор, а правит князь. И магия! Черт, я совсем забыл про магию! В остальном же – никакого фэнтези и эльфиек. И естественно, никакого «ты избранный, Нео»! Только тело двойника из параллельного мира, который тут такого накрутил, что все вокруг хотят его убить. Но для этого им придется встать в очередь – я грохну эту сволочь первым!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-151996-4

© Останин В. С., 2018, 2021
© Издательство АСТ, 2018, 2021

Содержание

Князь Благовещенский	6
Глава 1. Обер-секретарь	6
Глава 2. Маньчжурский посол	13
Глава 3. Мать боярина	20
Глава 4. La femme fatale[1]	27
Глава 5. Слепой маг	34
Глава 6. Следователь	42
Глава 7. Витя-памагай	50
Глава 8. Заказчик	57
Глава 9. Боярский дар	64
Глава 10. Боярский дар – 2	71
Глава 11. Сделка	78
Глава 12. Княжич	85
Глава 13. Инквизитор	93
Глава 14. Московский негодант	101
Глава 15. Цвет магии	109
Глава 16. Целитель	115
Глава 17. Итальянцы в России	123
Глава 18. Слепок ауры	130
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Виталий Останин
Князь Благовещенский: Князь
Благовещенский. Наместник. Пророк

© Виталий Останин, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Князь Благовещенский

Глава 1. Обер-секретарь

Нужно было как-то остановить мозг. Перегретый выборами губернатора, нервотрепкой последних месяцев, суетой, скандалами, мелкими интригами и недовольством первого лица. Можно было напиться, большинство так и поступало, стоило только избиркому огласить предварительные результаты «всенародного голосования». Можно, но не хотелось. Зато было острое желание сбежать от всех этих радостных и опостылевших рож. Побить одному и подумать, что же делать дальше.

Поэтому я удрал в Первомайский парк. В отличие от Городского, здесь было тихо, а старые сосны давали тень от утреннего осеннего солнца. Присел на лавку, прикрыл глаза и вырубился. Натурально! Проснулся от телефонного звонка и несколько секунд пытался сообразить, что же за звук вырвал меня из блаженной дремы.

На экране высветились буквы, складывающиеся в слово «Сам», и рядок цифр федерального номера. «Когда это я его так обозвал?» – мелькнула мысль. Скользящим движением пальца я провел зеленую иконку вправо.

– Да, – произнес я хриловато.

– Ты пьяный, что ли, Игорь?

– С чего вы взяли, Николай Олегович? – добавив в голос немного обиды, ответил я.

– Голос хриплый, вот и подумал, – сообщил мне губернатор Амурской области. – И на совещании тебя нет. Что-то случилось?

– Все в порядке...

«Какое совещание? Утром после выборов? Да все еще пьяными валяются!»

В вопросе губернатора не было ни капли заботы. Просто вежливая формулировка, за которой, к бабке не ходи, сейчас последует...

– Живо ко мне. Люди ждут.

С минуту я тупо пялился на экран смартфона, разглядывая экран блокировки, – абонент отключился. Затем мотнул головой, поднялся и зашагал к парковке. Спокойно, хотя хотелось в голос заорать: «Какого хрена вам еще от меня нужно! Какое на хрен совещание! Победил – спи до обеда и не люби людям мозги!» Но пресс-секретарь губернатора, к тому же прошедшего на второй срок, не может позволить себе таких реакций. Спокойствие, собранность, рассеянная полуулыбка – образ, который я не снимал уже черт-те сколько лет. И совещание, пусть бы я о нем ничего не помнил, не повод менять привычки.

На парковке со мной случился конфуз. Я не смог найти свою машину. И главное, не сказать, что стоянка была забита: пять авто всего! Может, не здесь поставил? Да нет же, здесь! Или нет? Долбанные выборы! Долбаная нервотрепка! Мозги не варят уже от слова совсем!

Некоторое время я перебегал глазами с одной машины на другую, краем сознания фиксируя какую-то неуловимую странность, но не в силах зацепиться за нее и понять, в чем, собственно, дело. Потом плюнул, сунул руку в карман пиджака и вытащил брелок сигнализации. На короткое нажатие отозвалась чужая машина. Морковного цвета кроссовер, одновременно что-то напоминающий и совершенно не знакомый.

– Что за хрень творится? – пробормотал я.

С некоторой опаской подошел к машине, тронул зачем-то зеркало заднего вида.

У меня был серого цвета кроссовер «Инфинити». Это авто чем-то на него походило, но и отличалось в то же время. «Финька» дутая, вся состоящая из плавных обводов, с хищной мордой. Эта морковка тоже была хищником, но с резким силуэтом акулы. Немного походила на

«Ровер», до того как его залили до женского джипа. Я в машинах разбирался, но эта модель была мне незнакома.

Бормоча под нос маты, я пошел вокруг автомобиля, высматривая что-то, сам даже не знаю что. На радиаторной решетке красовался незнакомый логотип. Он походил на значок «Фольксвагена», только перевернутый наоборот, отчего читался как символ московского метрополитена. Дойдя до бампера, я обнаружил еще один такой же логотип. И надпись хромированными буквами на русском языке: «Москвич В-8».

– Приплыли... – произнес я без выражения.

Резко захотелось курить, будто и не было тех двух лет со дня, когда я навсегда отказался от этой мерзкой привычки.

Это не моя машина. Это вообще хрен знает что за машина. «Москвич» – ха-ха! Он же закрылся лет пятнадцать назад, этот завод. «Москвич» – это ведро с гайками и нелепым формфактором, а не сверкающий хромом и лакировкой безумно дорогой на вид кроссовер!

Розыгрыш? Но кому бы... Нет, какой розыгрыш! Это же сколько сил и денег надо потратить, чтобы потом выпрыгнуть из кустов с криком: «Повелся!» Может, сон? Может, я сплю на лавке в Первомайском парке и мое подсознание подкидывает мне эти бредовые картинки? Хотя ощущение-то такое, что не сон. Очень все реалистично! Ветерок, трели птиц, тепло нагревшегося на солнце металла под рукой. Щипок за предплечье тоже противоречил этой версии.

«Документы!» – окрылила меня спасительная мысль. Из внутреннего кармана пиджака я вытащил портмоне и, бормоча «сейчас мы их проверим, сейчас мы их сравним!», открыл его.

Водительские права. Мои – лицо и Ф. И. О. на ламинированном пластике принадлежат мне. Техпаспорт... Твою мать! Что за хрень! Сделанная принтером запись свидетельствовала о том, что автомобиль «Москвич В-8», 2016 года выпуска, с регистрационным номером КБТ 88-88, оранжевого цвета, принадлежит мне.

И никого, блин, вокруг! Ни прохожего, ни дворника, ни работника парка. Ни одной живой души, к которой можно подбежать и – да плевать уже на статус с образом! – спросить: «Что происходит? Вы видите эту машину?»

Паника поднялась где-то в животе и волной устремила в грудь, заставляя сердце стучать в ритме африканских барабанов. Усилием воли и давно нажитым навыком держать лицо в любых обстоятельствах я сумел ее удержать и запереть в куб с пуленепробиваемыми стенками. Игнорируя удары, доносящиеся изнутри этого временного изолятора, придуманного много лет назад, я попытался собраться с мыслями.

Другие машины! Да! Надо посмотреть другие машины! Сбиваясь с шага на бег, я бросился к ближайшей – тоже кроссовер, только приличного черного цвета. Явно более бюджетная модель: меньше сверкающих деталей, больше пластика в деталях корпуса. Приятная, кстати, на вид, но тоже совершенно незнакомая. На бампере, прямо над одним из стопарей, красовалась затейливая надпись «Суздалец». Три другие машины оказались «ладами» разных модификаций, также незнакомых.

Следующий шаг – телефон. Теперь я осмотрел его со всем тщанием. Не мой айфон, хотя и похож по виду. Логотипа производителя нет ни на лицевой, ни на задней панели. Кнопки включения и клавиш регулировки громкости нет, как нет и камеры. Просто черного цвета монолит, с круглой айфоновской кнопкой на нижней панели. Нажал на нее – и экран ожил.

Так, иконки чужие. Больше андроидовские, чем ионные. Трубка, сообщения, почта, адресная книга. Идем туда. Контактных много, у меня около пятисот было, здесь даже больше – шестьсот семнадцать. Забиты не мной, я так людей не маркирую. Какой-то шифр, не зная которого, определить, кто скрывается за контактом, невозможно. Быстрый поиск дал только три исключения: «Сам», принадлежащий моему шефу, «Люда» и «Мама». Остальные представляли собой «БГ-008» и «ИЗ-017». Называется, догадайся!

Звонить? Маме или этой неизвестной Люде? Ну, не губернатору же! А что сказать? «Мам, я, кажется, сошел с ума, ты могла бы вызвать скорую в Первомайский парк?» Но делать-то что-то надо!

«Езжай на совещание! – сообщил мне голос рассудка. – По ходу разберешься».

В принципе... Что я теряю? Остановят менты? Так машина по документам моя. Зато можно будет хоть что-то понять про творящееся со мной. Здесь стоять не вариант: дожусь того, что паника пробьет стены куба и затопит сознание. Так что да. Едем в правительство.

Запуск двигателя осуществлялся с кнопки. Мотор – литра три, не меньше – довольно заурчал, и я плавно выехал со стоянки. Уверенно, словно давно эту машину вожу. Засомневавшись на секунду, что я это я, глянул в зеркало заднего вида и облегченно выдохнул. Я! Привычная рожа Игоря Антошина. Вроде бы.

Сидя за рулем, я обнаружил еще одну странность. Я, кажется, похудел. Как-то одномерно и, пожалуй, килограммов на пятнадцать-двадцать разом. Убрал это наблюдение туда же, где находились все остальные странности и вопросы без ответов. Разбираться с каждым из них по отдельности – с ума сойдешь! Просто примем пока как данность этот бред. На лицо улыбку – и поехали.

Город был привычным и непривычным. Благовещенск для меня не родной, я из Владивостока, но за пять лет уже примелькался. Поэтому, выехав с Первомайской на Ленина, я отметил, что вместо кондитерской фабрики «Зея» на углу улиц стоит православный храм, которого отродясь тут не было. Этот факт даже никак не отозвался в голове, просто был отмечен. Удивляться сил уже не нашлось.

Влившись в плотный утренний поток, я доехал до областной администрации за семь минут. И тут выдержка мне изменила. На месте построенного еще в советский период типового здания стоял терем. Точнее, особняк, стилизованный под русский сказочный терем. Здоровенный, на четыре этажа, выполненный не из дерева, а из стекла и бетона, он так же, как и правительство области, выходил окнами на площадь Ленина. На которой был фонтан, но не было памятника лысому вождю народов.

Заглушив мотор «Москвича», я долго смотрел на место, где стояла скульптура. Факт ее отсутствия на площади отчего-то ударил по мне сильнее, чем сверкающий стеклом терем вместо бело-зеленой коробки областной администрации. Тяжело дыша, я уронил голову на руль, бормоча под нос маты, и подскочил, когда тишину салона разрезал пронзительный сигнал клаксона.

«Этого не может быть! Не может быть! Не может! Не может! Как?! Что происходит?! Господи, дай мне ответ! Я сошел с ума?! Почему я вижу то, что вижу?! Что происходит?! Что происходит?! Что?!»

Стук в боковое окно заставил меня вздрогнуть. Возле машины стоял военный в непривычной форме коричневого цвета и знаками просил опустить стекло. Его вопрос я услышал прежде, чем электроподъемник закончил работать.

– У вас все в порядке, Игорь Сергеевич?

«Он меня знает! Надо его спросить! – Конечно, он тебя знает! Ты пресс-секретарь губернатора! Тебя знает куча людей, которых ты не знаешь! – Спросить у него, что происходит! – И что он тебе ответит? – Я не знаю! – Делай вид, что все в порядке! Не хватало еще загреметь в психушку! – Но ведь!.. – Соберись, чертова кукла! Ничего он тебе не ответит. Просто наблюдай и анализируй! Ты же умеешь это делать? – Да, но... – Никаких но! Просто наблюдай. И делай вид, что находишься в привычном окружении!»

– Устал. Полночи не спал, похоже, отключаюсь, – адресовал я военному легкую улыбку.

– Служба у вас, Игорь Сергеевич, не позавидуешь! – с пониманием кивнул тот. – Машину в гараж отогнать?

– Да, пожалуй. Э-э...

– Матвеев Илья. Я тут второй месяц только, вы еще не запомнили.

Охранник. Просто охранник на входе в областную администрацию. Правда, раньше охранники мою машину в гараж не отгоняли. Да и почтительности такой, как в голосе у этого Матвеева, я не слышал.

– Ключи на посту охраны будут, не извольте сомневаться, – заверил меня Илья, принимая брелок.

Мне осталось только милостиво кивнуть. Показалось, что так будет уместно.

– Сам где? – Свой вопрос я сопровождал характерным поднятием бровей вверх. Чтобы исключить непонимание относительно фигуры «самого».

– В своих покоях.

– А они у нас?..

– Проверяете, Игорь Сергеевич? – с ноткой едва заметной обиды протянул охранник. – Матвеев службу знает. Не извольте сомневаться. Третий этаж.

Неопределенно хмыкнув, я направился к входу. Где получил еще один удар от взбесившегося мироздания. На стене, возле тяжелых деревянных дверей, висела табличка. Скромная и полная скрытого от меня смысла. «Резиденция князя Благовещенского и Тындинского».

«Бред!» – заключило сознание с уверенностью. А подсознание с ним с готовностью согласилось. Бред. Князь! Ха! Благовещенский и Тындинский! Два раза ха! Очень знакомое, кстати, определение. Что-то напоминает... А! Точно! Так православного архиепископа называли в реальном мире! Архиепископ Благовещенский и Тындинский.

Значит, сон все-таки. Реалистичный, но сон. Или кома, я что-то такое читал. Переутомление, тромб какой-нибудь, и лежу я сейчас под капельницей, и мозг крутит мне картинки реальности, смешивая их со всяким трешем.

Эта версия меня здорово успокоила. Приятно было уцепиться за что-то понятное и объяснимое. Паршиво, конечно, в больничку попасть, ну а с другой стороны, если брежу, значит, не помер еще. Значит, приду в себя, отлежусь на койке по уважительной причине. Отосплюсь, ха-ха, после выборов!

С укрепившимся самообладанием я толкнул дверь.

В вестибюле царил приятный полумрак и искусственная кондиционированная прохлада. Большое помещение, стены лакированного дерева, такой же потолок и пост охраны в пяти шагах от дверей. Два мужика в коричневой форме, как и у Матвеева, который сейчас отгоняет мой «Москвич» в гараж. Именно мужика: плотные фигуры борцов, суровые лица, бороды лопатами.

– Доброе утро, Игорь Сергеевич! – прогудел один из них, ростом на полголовы выше второго. И – мне показалось или нет? – слегка поклонился.

– Доброе... – Держим лицо. Держим! Как паузу Станиславского. – Я к Николаю Олеговичу.

А вот это я зря! Ой зря! Лицо высокого сложилось в гримасу удивления. Не по чину мне было им докладывать. Кем бы тут ни был человек, которого они видят вместо меня, он явно занимал высокое положение. Пресс-секретарь – фигура, конечно, известная, но не настолько значимая, чтобы перед ним так стелились.

Ну а что оставалось делать? Надо исправлять оплошность. Пошел на мужика с намерением пройти сквозь него, он едва успел в сторону отойти. Его напарник буркнул что-то неразборчивое, а я, с накатившим внезапно куражом, зыркнул на него взглядом тирана-начальника. Непроизвольно, на одних инстинктах, оба мужика вытянулись по стойке смирно. Значит, правильно. Здесь, где бы это ни было, я очень важная шишка.

Нога утонула в мягкой ковровой дорожке, ведущей к лестнице. По такой в обуви ходить грех. А ничего, лежит и вроде даже не истоптана. По сторонам огляделся и, не найдя ничего похожего на лифт, пошел по лестнице на третий этаж.

Внутри обстановка отличалась от привычных мне коридоров так же сильно, как и внешний вид терема от здания администрации. Там куцые ковровые дорожки, постеленные на паркет еще при Советском Союзе, здесь – натуральные ковры, под которыми пола не видно. Стены деревянные, как в каком-нибудь британском замке, на стенах светильники на кованых держателях, стилизованных под факелы. И очень много пустого пространства. И еще складывалось такое впечатление, что здание было не только административным, но и жилым. О чем, кстати, говорила и табличка. Резиденция.

Когда я прошел второй этаж, мимо меня пронесся мальчишка лет восьми. Синие шорты и футболка-поло, короткий ежик светлых, выгоревших за лето волос. Веснушчатое лицо мальчугана было сосредоточенным и очень серьезным.

– Драсти, дядь Игорь! – затормозил он при виде меня и кивнул с достоинством. Как равный равному. – Если что, вы меня не видели!

– Хм... Хорошо, – выдавил я.

Мальчишка тут же умчался прочь, а я, постояв некоторое время, продолжил подъем. Мальчишки, бегающие по областной администрации, были для меня внове. Но все же это было не самое удивительное событие сегодняшнего дня. В чем-то даже нормальное. И одновременно подчеркивающее бредовость происходящего.

Лестничная площадка третьего этажа вывела меня в холл гигантских размеров. Пол здесь также был покрыт ковром, вдоль стен стояли четыре кожаных дивана, а два окна выходили на площадь без Ленина. Еще по центру холла стоял простой офисный стол, за которым располагался секретарь. Именно секретарь, а не секретарша, как у наших бонз.

Худощавый молодой человек что-то сосредоточенно писал до моего появления, но, услышав мягкие шаги, поднял голову.

– Игорь Сергеевич, здравствуйте, – без всякого намека на эмоцию проговорил он. – Николай Олегович уже ждет вас. Проходите скорее. – И вновь уткнулся в бумаги.

«Крыса канцелярская! – Сам-то? Планктон офисный! – Куда идти? Хоть бы подсказал!»

Из холла вели два коридора: направо и налево. Кабинет губер... князя мог быть в любом из них. К счастью, секретарь поднял голову и стрельнул глазами налево. Мол, давай быстрее! Машинально кивнув в ответ, я двинулся в указанном направлении.

Короткий коридор упирался в массивную деревянную дверь. Открыв ее, я оказался в зале. Назвать это огромное помещение кабинетом язык не поворачивался. Замерев, я стал было осматриваться, но мне этого сделать не дали.

– Игорь! Чего замер на входе?

Голос был и знакомым, и незнакомым одновременно. Голос губернатора Амурской области, но с совершенно иными интонациями. Жесткий голос.

У дальней от входа стены стоял длинный стол. За ним, незамеченные мной в первый миг, сидели три человека. Мой непосредственный начальник и два смутно знакомых человека. Оpoznать их я не мог из-за расстояния – нас разделяло не меньше десяти метров – и волнения.

– Доброе утро, – нейтрально поприветствовал я всех скопом и направился к столу.

– Хорошая шутка, – с невеселым смешком отреагировал губер... князь.

По мере приближения к столу я стал замечать детали. Зала была практически пуста, словно это не рабочее помещение чиновника, а место для проведения балов или тренировок. В дальнем углу, справа от стола для совещаний, находился рабочий стол Николая Олеговича – массивное изделие полированного дерева, явно сделанное вручную и на заказ. Одна стена была глухой, вторая состояла из почти слипшихся друг с другом шести больших окон, прикрытых занавесками. Дальняя стена представляла собой огромный стеллаж с книгами, в котором имела едва заметная дверь в еще одно помещение. Что-то вроде комнаты отдыха и проведения неформальных переговоров. Мой реальный шеф использовал ее как курилку.

Усевшись по правую руку от Николая Олеговича, я еще раз оглядел собравшихся. Князь выглядел привычно: худощавый и невысокий мужчина лет пятидесяти. Лицо разве что жестче, волосы не такие редкие и седые, как у оригинала, но определенно он. Нос крупный, губы тонкие, тяжелая челюсть, подбородок с ямочкой. Серый костюм, белая рубашка, ослабленный галстук. Тот же самый постаревший красавчик, но... другой. Мой-то был чиновником, а этот выглядел князем. Сложно объяснить, но аура власти от него просто глушила!

Двое других тоже оказались старыми знакомцами, но со своими особенностями. Например, первый, начальник УВД области, был не тучным боровом, которого одышка мучает даже когда он сидит, а плотным мужчиной. Под форменным кителем цвета морской волны угадывались крепкие мышцы. Лицо, лишенное складок и подбородков, стало куда симпатичнее, а в глазах, во сне не тонувших на лице, светился разум.

Второй, главный эмчэсовец, и в реальности был мужиком подтянутым, а здесь стал просто каким-то качком. Рубашка с коротким рукавом обнажала серьезные даже в состоянии покоя мышцы, а верхняя пуговица едва сдерживала могучую грудь. Лицом он тоже походил на известного мне Андрея Анатольевича, но было в нем что-то от Шварценегера!

В общем, собрание мало походило на совещание чиновников. Но, с учетом действующих лиц, я мог догадаться, что оно как-то связано с безопасностью. Если, конечно, в моем бреде эти люди тоже занимались вопросами безопасности.

– Введете в курс дела? – бросил я в пространство.

Нужно же было как-то поддерживать разговор!

Князь Николай Олегович посмотрел на меня странным взглядом натуралиста. Ну, того, который букашек булавками к листикам гвоздит.

– Ты точно не пил?

– Николай Олегович! – Вот тут я уже возмутился не делано, а по-настоящему. Что он заладил: пил, не пил?

– Шестой десяток уже, слава Господу. Но ведешь ты себя странно, Игорь. Какое еще дело мы можем обсуждать, кроме маньчжурского? Третий день уже с ним валандаемся!

Ну, здорово! Это же все объясняет! Хотя чего я? Сон ведь, бред! Играем по его правилам. Что бы я сказал, оказавшись неподготовленным к совещанию у губернатора?

– Ну, это-то понятно... – Мне удалось протянуть это со значением. Мол, я в курсе дела, но, вероятно, у вас есть какая-то новая информация. И добавил, чтобы окончательно создать иллюзию собственной информированности: – Что я пропустил?

– Да ничего, в общем-то, – включился в разговор начальник милиции. Я его так пока решил называть. Для ясности. – Экспертиза, как я уже докладывал, подтверждает факт отравления посла Чжень Ю, однако чем отравили, понять пока не может. Зацепок никаких нет, следов, образцов ДНК – ничего. Персонал посольства опрошен, но... сами понимаете...

– Да ладно, Федор Георгиевич, не повторяйся. Игорь Сергеевич это и так знает! – включился в разговор Шварценеггер. Голос у него был глухим и утробным. – Давайте, раз уж все собрались, наконец, решать, что дальше будем делать.

Все сразу же закивали. Ну понятно, они-то все обо всем уже знают, только я один не в курсе. Черт! Может, не сон? Не бред? Может, на самом деле я... Господи Боже!

Липкий язык паники скользнул по нутру, явно нащупав брешь в стенах куба. Озноб ледяными искрами впился в позвоночник. Чтобы не закричать и не выдать себя лицом, я заставил себя думать об обсуждаемом предмете.

Дано: убийство посла Маньчжурии. Почему, кстати, Маньчжурии, а не Китая? Ладно, плевать! Убийство странное – отравление неизвестным ядом. По этому поводу собрано совещание, уже не первое, если брать во внимание оговорки князя. Что они тут могут решать?

И почему, кстати, пресс-секретарь в числе тех, кто должен решать? Это тоже пока опустим! Здесь, значит, может! Но что? Явно не судьбу расследования – этим следы занима-

ются с операми. Значит, если я хоть сколько-то знаю политиков и чиновников, решают они совершенно иной вопрос. А именно, как подать свою позицию китайцам, то есть маньчжурам, и как вести себя с ними дальше. Убийство посла – это же скандал. Такое у нас всех на уши поставило бы.

– Думаю, с маньчжурами надо играть максимально открыто! – выдал я наконец одну из многозначительных, но мало что значащих фраз, которых у меня за годы работы накопилось с вагон. Такие фразы незаменимы, когда на тебя смотрят и ждут реакции, а ты в предмете плаваешь, как на экзамене по логике.

– Согласен! – тут же поддержал меня Шварценеггер, на что я и делал расчет. – Им и так все известно, так что скрыть и замять все равно не выйдет!

– Ты, Михайло Генрихович, еще скажи, что мы их людей к следствию должны допустить! – тут же встал в позу начальник милиции. Предсказуемо, полицейские всегда так себя ведут.

– Если понадобится, допустим, – властно надавил князь. – Лучше пусть соседи с жандармами работают, чем границы закрывают. Мне дипломатический скандал ни к чему.

– Николай Олегович, – чуть ли не взвыл главный жандарм, – я не ошибся! – Ну, есть же оперативная деятельность, работа с агентурой!..

– Баста, Федор Георгиевич! Не туда думаешь. Что там такого они могут узнать, чего уже не знают от своих шпионов? Давайте решать, что скажем его сменщику, который уже приехал. И как обозначим свою позицию.

– Да что тут думать? – Михайло Генрихович махнул рукой, воздух вокруг которой аж загудел. – Разбираемся! Виновника найдем и накажем!

– Или передадим? – вставил я свои пять копеек.

Суть происходящего мне уже была ясна, хотя исходной информации очень не хватало.

Князь глянул на меня одобрительно:

– Важное уточнение.

– Наша земля, нам и наказывать! Отчитаться отчитаемся! – встал на последний рубеж обороны начальник милиции.

– Да пусть бы и забирали. – В этот раз взмах руки Шварценеггера вышел вялым, словно вопрос он важным не считал. – Для них это важнее, чем для нас.

– Согласен, – поддержал я его. – И лицо сохраним, и добрую волю продемонстрируем. Если сами судить будем, маньчжуры могут решить, что мы просто виноватого назначили.

– Верно, – кивнул мой шеф. – Так и решим. Ну, тогда все здесь?

Жандарм и качок согласно кивнули. Я повторил их жест с секундной заминкой.

– Ну и хорошо. Игорь, займись этим. Поговори с послом.

Мое сердце ухнуло куда-то в район паха. Худшая из всех разновидностей конца совещания – тебя назначают ответственным. Это неприятно само по себе, а когда ты неведомо где и понятия не имеешь, что происходит, даже опасно.

Силовики уже поднялись и шли к дверям, когда я подрагивающим голосом спросил:

– Я? Почему я?

Не, ну в самом деле! Это не уровень обязанностей пресс-секретаря! Это министр должен делать, замгубернатора, если тот сам не может. Но не пресс-секретарь!

– Игорь, а кто? – искренне удивился князь. – Мы должны продемонстрировать максимальную открытость в этом вопросе. И готовность к сотрудничеству. Разговор с послом должен вести кто-то соответствующий ему по статусу. Моя правая рука, например. И третий по силам боевой маг княжества. Ты же знаешь, для раскосых это важно.

Глава 2. Маньчжурский посол

К послу я отправился на служебной машине с водителем. Решение оправданное со всех сторон: во-первых, я не знал, куда ехать, в чем признаться не мог, а во-вторых, официальный визит, как ни крути. Несolidно как-то на «Москвиче» ехать, даже если он и выглядит на уровне моей «финьки». Все-таки правая рука князя Благовещенского и Тындинского и третий по уровню маг княжества! В этом месте заржать бы в голос, но я боялся, что случится истерика.

Это не сон и не бред. Стоит с этим смириться. Потому что если это сон или бред, то он очень детализированный, чего со снами не бывает, по крайней мере, у меня. Тут целый сюжет, да еще логично и последовательно развивающийся, а не обрывки и образы, как это обычно бывает.

Это не сон и не бред. А значит, я попал куда-то. Непонятно как и непонятно куда. В какую-то бредовую фантазию, где вместо губернатора сидит князь, а на площади Ленина нет фигуры вождя. Да и Первомайский парк, с которого все и началось... Не уверен, что он здесь называется Первомайским, наверняка какое-нибудь иное название носит. Например, Пятидесятилетия тезоименитства Государя Императора. Или тут нет императоров, а одни княжества? Как так вообще может быть? Если не приглядываться, все как в моем родном мире, а коснись – такие различия возникают, что на стену лезть хочется!

Вот оно. Прозвучало. Другой мир. Параллельный или еще какой – не суть важно! Другой. Чужой для меня. И что с этим делать? Что-то вообще можно сделать?

Черный, наглухо тонированный джип остановился у парадного входа княжеской резиденции. Все как и дома. Машина для важных чиновников, коим я тут являюсь. Даже логотип на этом обтекаемом, похожем на «Лексус» внедорожнике красовался привычный – заключенная в круг наклонная латинская «L». Да только обозначала она не «Лексус», а «Ладогу».

Водитель – массивный кавказец с аккуратной бородой – предупредительно открыл передо мною дверь. Я уселся на мягкий диван, бросил: «В Маньчжурское посольство», – и погрузился в мысли.

Что делать? Продолжать делать вид, что я тот, кем меня видят? И ждать, что все это кончится так же, как и началось? Может, поехать в Первомайку и попробовать там заснуть? Я в каком-то фильме видел, что нужно вернуться к отправной точке. Хотя... Бред! Какая на хрен отправная точка! Я же не сам целиком сюда переместился, а будто бы сознанием занял место своего двойника в этом мире. Как из него выбраться? Особенно если не знаешь, как в него попал...

Буду плыть по течению, в общем. Просто быть тем, кем меня считают. И пытаться разобраться в происходящем. Только нужно больше информации. Меня категорически не устраивает столь малое количество знаний о своем двойнике. Он более спортивен, чем я (в разы, если уж быть честным!), работает обер-секретарем у князя (что это вообще за должность?), доверенное лицо и – вишенка на тортике – боевой маг. Что бы последнее ни значило. Зовут его так же, как и меня, и... Да все, пожалуй!

Ладно, справимся. Выясним. Я же специалист по сбору информации и манипулированию ею! Только это-то и умею делать, если разобраться. Ну, еще язык подвешен. Так что стартовые активы неплохие. Значит, сейчас поговорю с этим послом маньчжурским и отправлюсь на поиски информации. Для начала подойдет общественная библиотека. Нужно понять, что это за мир такой с княжествами и магами. А потом, наверное, звонить маме. И еще Люда, кстати! Кто она такая и можно ли ее рассматривать в качестве источника информации?

«Ладога» аккуратно притормозила возле небольшого коттеджа. Обычного, на первый взгляд. Никогда бы не подумал, что в таком может посольство располагаться. Желтый кирпич стен, аккуратная кованая ограда, большие окна. Два флага по обе стороны крыльца: один жел-

тый, с затейливым черным иероглифом по центру полотнища, второй – бело-сине-зеленый с башней, кажется, медведем и колосьями, как на советском гербе. Надо полагать, государственные флаги Великой Маньчжурии и Княжества Благовещенского.

Откуда-то возник вполне современный воин: незнакомый камуфляж, желтый берет и штурмовая винтовка. Лицо – да, китаец. В смысле маньчжур. Я, признаться, после всей этой каши ожидал увидеть монгольского воина века из пятнадцатого. Такого, в ламеллярном панцире до земли, шлеме, отороченном лисьим хвостом, с копьём в руке и луком на поясе. Проверив документы у водителя, он нажал скрытую кнопку, и часть решетки отъехала в сторону.

На крыльце меня уже поджидал еще один маньчжур. Референт, вероятно. Совершив полупоклон, он повел рукой в сторону дверей, приглашая войти в дом.

– Посол Лин И вас уже ждет, господин Антошин.

Ну, пойдем. Посмотрим на этого посла Лин И. Примерный текст своей речи я уже подготовил, благо и в моем мире, и в этом витиеватость и обтекаемость формулировок была практически идентична.

Посол оказался мужчиной в возрасте, навскидку лет шестьдесят. Хотя с китайцами в этом вопросе ошибиться несложно. Низкий, плотный, с лицом довольного Будды из сувенирного магазина и выбритой наголо головой. Черные глазки господина Лин И были столь же прозрачны, как выключенный экран смартфона.

– Господин Антошин, – изобразил посол более отчетливую версию поклона своего референта. – Пусть предки благословят нашу встречу.

Я неумело повторил его движения и про себя выматерился. Предки! Культ предков? Он не буддист? Китайцы же буддисты! Ну, и как мне ему отвечать?

– Рад встрече, посол Лин И. Хоть радость встречи и омрачена печальными обстоятельствами.

Слова полились сами – сказала богатая практика приемов, визитов и фуршетов. Последние, кстати, китайская сторона, устраивать любила и умела. Только вот эта их анисовая водка – бр-р!

– Мы все ходим под Великим Небом, господин обер-секретарь. Ему решать, кому и когда уходить.

На русском посол говорил очень чисто, будто на родном. Китайским чиновникам провинции Хэйлуцзян из моего мира было чему у него поучиться.

– Позвольте все же принести вам свои соболезнования в связи со смертью вашего предшественника, господина Чжень Ю. Он был прекрасным человеком...

Дальше я за пять минут наговорил про неизвестного мне субъекта три короба комплиментов и вагон сожалений об утрате. И перешел к сути встречи – уверениям в полной открытости следствия для наших заречных соседей.

– Кого вы подозреваете, Игорь Сергеевич?

Отличное начало! Откуда мне знать, кого тут вообще можно подозревать?!

– Боюсь, господин посол, я не могу ответить на этот вопрос... – начал я одну из заготовленных обтекаемых формулировок.

Но он не дал мне закончить. Решительно качнул бритой головой и выдал:

– Вы же понимаете, что это триада?

– М-м...

Мое замешательство посол истолковал по-своему. Решил, что я тяну время, чтобы подыскать правильный ответ. И внес поправки:

– Игорь Сергеевич, прошу вас, давайте попробуем не играть в дипломатию. Мы понимаем, что виновником смерти являетесь не вы, в смысле не княжество, давний и надежный торговый партнер Маньчжурии. Мы также понимаем, что вы считаете, будто винить мы будем именно вас. Да, на официальном уровне до оглашения результатов вашего расследования мы

так и будем делать. Но, учитывая давние связи наших стран, мы ни на секунду не рассматривали Благовещенское княжество как ответственное за это убийство. Но неофициально...

Тут он сделал паузу, предлагая мне ее заполнить. И я его не разочаровал.

– Я понимаю, – будто ступая по минному полю, ответил я и тоже замолчал.

Давай, Станиславский, гордись мной!

– А раз так, давайте обсудим реальные версии. Для нас жизненно важно найти настоящего виновника и заказчика этого преступления. И сохранить добрососедские отношения с вами. Но последнее будет невозможно, если вы, желая нас впечатлить, назначите – как вы это называете? – стрелочника.

Старик чуть склонил голову набок и выжидательно посмотрел на меня. И я понял, что весь мой прежний жизненный опыт пасует перед опытом этого невысокого китайца, съевшего не одну собаку на подобных переговорах.

– Вы сказали, триада, господин посол... – протянул я, внутренне хохоча над абсурдностью этого разговора. – Зачем бы им?

Глаза Лин И смотрели на меня без отрыва. Он даже не мигал, этот клятый маньчжур! Добродушие с лица тоже исчезло, теперь оно напоминало терракотовую маску древнего воина.

– Им самим незачем, – ответил он наконец. – Разумеется, они исполнители. Их наняли, Игорь Сергеевич. Надеюсь, не нужно говорить, кто?

Нужно! Черт! Конечно, нужно! Но не скажешь же так!

– Китай? – произнес я, внутренне сморщившись и ожидая прокола.

Про триаду я знал немного. Преступная организация. Мафия. Что-то вроде якудзы в Японии – моей Японии, – но только в Китае. Так что мое предположение не было лишено смысла. Почему-то вспомнился один мой знакомый, тот историей Китая увлекался, мог бы, наверное, рассказать про эту самую триаду. Даже рассказывал что-то, только я сейчас ничего не помнил.

Посол на мою реплику отреагировал удивленно вскинутыми бровями и расширившимися до европейского стандарта глазами. Помолчал некоторое время, после чего сказал:

– Давненько я не слышал, чтобы империю называли этим архаичным именем. Давненько. Однако да, скорее всего, вы правы. Мы считаем, что убийство Чжень Ю – дело рук минцев.

Минцы. Минцы. Это он про китайцев? Да, что-то такое припоминаю. Империя Хань, империя Мин. Точно. Но Мин же вроде уничтожена революцией в начале прошлого века? А здесь, выходит, нет? Забавно! Ну, ты же хотел информации! Вот тебе источник, выдавай до дна!

– Тогда я все же повторю свой вопрос, господин посол. Зачем бы минцам заказывать убийство вашего предшественника триаде и валить его на нас? – Подумав немного, я добавил: – Раз уж мы говорим неофициально.

Лин И снова превратился в терракотового воина. Даже не дышал, кажется. Старик явно был знаком с системой Станиславского. Так держать паузу – это надо уметь!

– Говорить это неприятно, – наконец разомкнул он уста. И теперь в его речи не было гладкой изящности опытного дипломата. Напротив, слова и фразы выходили шершавыми и неровными. – Тем более вам. Тем более в таких обстоятельствах. Это походит на вынесение семейных проблем на публику, понимаете... Пусть все и знают об этих семейных дрязгах, но приличные люди не станут говорить о них вслух.

Я почтительно молчал, поощряя старика говорить дальше. Сейчас любое произнесенное мною слово может заткнуть его – и не видать мне информации как своих ушей.

– Маньчжурия, как вы знаете, всего сотню лет является государством независимым. До начала прошлого века мы были лишь одной из провинций Поднебесной. Потом, после революции тысяча девятьсот пятого года, но до последующей реставрации, откололись. И с тех пор сами определяем свою судьбу, без заглядывания в рот Вечному Императору. Как вы понима-

ете, это не устраивает минцев. Тут все сошлось: и застарелая обида, и наличие посредника в нашем лице в торговле с русскими княжествами. Да что там говорить, вам это и так известно, Игорь Сергеевич! Мы и Тибет – просто бельмо на глазу империи Мин!

Да, тут становилось понятнее. Если Маньчжурия раньше была частью Китая, он должен спать и видеть, как бы вернуть ее обратно. Но как с этим связано убийство посла триадой? И с тем, что подозрения пали на Россию... тьфу ты, на Благовещенское княжество? Допустим, минцы заказывают триаде отравление посла, те формируют русский след... И что дальше?

– Думаю, они планируют сыграть на охлаждении отношений между ханством и княжеством, – будто отвечая на мой вопрос, проговорил посол. – Дипломатический скандал, возможно закрытие границ, снижение объемов торговли. Напряженность в дипломатических кругах.

– А они выступают в вашу поддержку? – закончил я его мысль.

– Да, они уже поддерживают нас. Золотой дворец уже получил сообщение, в котором звучат такие фразы, как «вероломство», «предательство» и «русская угроза». Многие в нашем правительстве склонны верить этим словам. Совершенно забывая, что Поднебесная практически никогда не воюет солдатами, но продолжает прирастать территориями.

– Ясно.

Не то чтобы все, но какое-то понимание появилось. Конечно, минский след – не более чем одна из версий... Кстати, а наш верховный жандарм ее рассматривает? Надо здесь заканчивать да поговорить с Федором Георгиевичем. Хотя... О чем я вообще? Я что, собрался влезать в это расследование? Это не мое дело! Вон пусть жандарм разгребает, а я княжескую волю исполнил и отправлюсь собирать информацию!

Некоторое время мы с послом еще вели беседу, но основное было сказано и дальше тратить время на болтовню смысла не было. Я довольно толково свернул разговор на текущие дела, откланялся и покинул маньчжурский особняк.

– Куда, Игорь Сергеевич? – гортанно осведомился водитель, когда черная дверь и тонированное стекло отрезали меня от прозрачного осеннего дня.

– В библиотеку.

– Княжескую или общественную? – без удивления откликнулся абрек.

– Давай в общественную.

Посмотрим на политическую карту, почитаем про магов... А то без информации мои телодвижения становятся все больше похожими на прогулку по минному полю. Нет-нет да и проколюсь где-нибудь.

– Хорошо, – откликнулся водитель.

Мотор отозвался рыком сильного и сытого льва, тяжелая машина мягко тронулась. Я откинулся на спинку дивана, прикрыл глаза.

И в этот самый момент водитель рявкнул во весь голос:

– Щит!

Было неожиданно услышать английское ругательство от этого сына гор. Я открыл глаза, чтобы посмотреть на то, что вывело из себя моего молчаливого водителя. И увидел, как в лобовое стекло летит сгусток огня величиной с голову.

Пока внутри черепной коробки суматошно носилась мысль, состоящая из одного «что?» и нескольких нецензурных ругательств, тело все сделало само. Мышцы живота вдруг затвердели до состояния гранита, руки взлетели вверх, а рот произвел мощный гортанный выдох-крик.

Воздух сгустился в кисель, а потом и вовсе прекратил поступать в легкие. Я, будто раздвоившись, смотрел на приближающуюся огненную смерть. Одна моя половина перепуганно визжала на одной ноте, словно девица, увидевшая мышь, другая с мрачным удовлетворением

сообщала, что успела. Что именно она там успела, я понял, когда пламя расплескалось вокруг лобового стекла, но не прикоснулось к нему.

Я это сделал. Как – представления не имею! Что – без понятия! Но сделал. Спас себя, водителя и машину.

Тяжелая «Ладога» подпрыгнула, наверное, на полметра вверх, бухнулась обратно. Меня чувствительно приложило макушкой о крышу салона. И сразу сложились в одно оба «я» – перепуганное и самодовольное. Стали чем-то третьим. Изменившимся.

Воздух вновь потек в легкие. Воспользовавшись этим, я заорал:

– Гони!

Плывать, что это было! Плывать, что я сейчас сделал и как я это сделал! Валить отсюда! Валить со всей возможной скоростью! Забиться в щель и не отсвечивать! Хренов мир! Хреновы маньчжуры! Хренова магия!

– Дабьем их, боярин! – обернулся с водительского места абрек. Черные его глаза азартно блеснули, а белые зубы были плотоядно оскалены. – Стрелок выдохся! Мы их вазьем!

Его акцент, прежде мной не слышимый, тоже был признаком возбуждения. С ним водитель сразу же стал похожим на тех кавказцев, которых я знал, диких и шумных. Не дожидаясь моей реакции, он толкнул дверь и выкатился на улицу. Двигался он со скоростью, неожиданной для его габаритов.

Я не успел крикнуть: «Куда, кретин?!» – и остался в машине один. В салон сразу же проникли звуки. Гудение – пламя, не получившее в пищу машину, что-то все-таки пожирало. Визг сигнализации – ударной волной зацепило стоящие по обочинам авто. Испуганные крики – случайные прохожие торопились покинуть опасный район набережной Амура. Топот – кто-то бежал совсем рядом с «Ладогой».

«Придурок! – прошла мысль по краю сознания, когда я, вслед за абреком, выскочил из машины. – Ты-то куда прешься?!»

В сторону домов от машины улепетывал худощавый мужчина. Я лишь мельком глянул на него – не по мою душу, и ладно! Перевел взгляд на водителя. Тот уже дрался. Двигаясь все с той же фантастической быстротой, он наносил удары, получал их, отскакивал и снова нападал. И все время что-то кричал. Или пел – я не разобрал. Его противники, трое мужчин, пытались попасть по нему какими-то саблями, но пока им этого сделать не удавалось.

На моих глазах абрек подставил голое предплечье под одну из сабель, и клинок отскочил от кожи, не причинив никакого вреда. Я, кажется, даже звон услышал! Характерный такой, железа по камню. Может, глюк, конечно. В таком состоянии чего только не покажется. Воспользовавшись замешательством противника, водитель тут же нанес удар. И – я клянусь! – рукой пробил тому грудь насквозь! Я отчетливо увидел, как голая рука одного человека вошла в грудь другого и вышла наружу! Окровавленная!

«Господи! – Я, кажется, по-бабы приложил руки к щекам. – Да что происходит?!»

Тот, другой я, который остановил летящее в машину пламя, больше не проявлялся. А без него импульс, толкнувший меня выскочить из машины вслед за водителем, как-то быстро иссяк. Я не представлял, что делать дальше: стоять и смотреть на драку, бежать, спрятаться опять в машину или все-таки помочь кавказцу? Хотя чем я могу помочь человеку, которого не берет сталь и который крошит грудные клетки, как пенопласт?

Тут ситуация стала развиваться совсем уж нехорошо, и все мои сомнения разом разрешились. Осталось только решить, в какую сторону бежать. От стоящего слева дома ко мне бежали трое китайцев с саблями в руках. Трое одетых в деловые костюмы, похожих на клерков какой-нибудь юридической фирмы китайцев неслись на меня с саблями в руках!

Я запаниковал. Мозг тут же выдал серию каких-то невнятных рекомендаций, собранных из просмотренных фильмов, прочитанных книг и советов «бывалых». Следуя им, я бросился за машину, рассчитывая прикрыться ею от китайцев. Но тут же сообразил, что у них не огнестрел,

а значит, прятаться за броневиком нет никакого смысла. И припустил к ближайшему дому. Просто чтобы максимально увеличить дистанцию между собой и тремя мужиками с колюще-режущим оружием.

Сквозь шумное дыхание перепуганного оленя я не сразу услышал выстрелы. Черт! Так у них все-таки есть огнестрел? Может, все же за машиной спрятаться? Или поздно? Далеко я от нее отбежал? Быстро глянув назад, я увидел, как один из клерков-китайцев вытягивает в мою сторону руку. Вспышка! Защищаясь, я поднял руку и, пробежав по инерции еще несколько шагов, остановился.

Сантиметрах в пяти-семи от моей растопыренной ладони в воздухе висела пуля. Как приклеенная! Не просто висела. Она крутилась вокруг своей оси с бешеной скоростью, будто сверло перфоратора! Но продвинуться вперед не могла ни на миллиметр.

– Это я, что ли?

Собственный голос показался мне чужим. Детским, беспомощным, жалким. В нем были нотки непрорвавшихся слез, обиды и, как ни странно, восторга. Так ребенок, сделавший что-то, бывшее для него раньше невозможным, смотрит на дело своих рук и не верит.

«Третий по силе боевой маг княжества», – всплыли в памяти слова князя. Так это я пулю остановил? Так же, как и пламя, летящее в машину? Это, выходит, и есть магия?

Вторая пуля прошла где-то над головой, обрывая мысли, делая их явно лишними. Я тряхнул ладонью, избавляясь от прилипшей гадости. Пуля упала на землю, а я развернулся и побежал. Маг, не маг, какая на хрен разница, если пользоваться этим не умеешь! Потому что вот эти спорадические всплески – это ни фига не умение!

До стены многоэтажки я добежал первым. Брошенный на преследователей взгляд сообщил, что они совсем рядом, метрах в пяти. Бегут сосредоточенно, саблями сверкают, стрелять больше не пытаются. Только моего положения это совсем не улучшает. Впереди стена, никаких дверей не видно, людей тоже будто корова языком слизнула. Что делать?

Вот эта задумчивость меня и подвела. Сбавил скорость, осматриваясь, и первый из подбежавших китайцев полоснул меня саблей. Заточенный металл прошел в сантиметрах от лица, обдав щеку потоком холодного воздуха. А клинок уже шел обратно, целя острием мне в живот. Я сжался, как кролик перед удавом, с тупой покорностью ожидая смерти. Только-то и хватило меня на то, чтобы выдавить из глотки протестующий крик.

Всех трех нападавших отнесло от меня шагов на пять. Натурально подняло в воздух и швырнуло на землю! Еще и проволокло по ней какое-то расстояние. Не веря, полуприкрытыми от страха глазами я наблюдал, как двое из упавших поднимаются, дезориентированные, а третий продолжает лежать, зажимая рукой рану на животе. Кажется, в падении он налетел на собственный клинок.

Лица у китайцев были злыми и почему-то обреченными. С такими лицами в старых фильмах про войну советские солдаты поднимались из окопов в самоубийственную атаку, чтобы бежать под огнем противника вперед или падать грудью на ствол пулемета. Без надежды выжить, но и не праздная труса.

«Третий по силе...»

«Они меня боятся! – не сразу дошло до меня. – Точнее, не меня, а того, кого знают в этом мире под именем Игоря Антошина. Только они ни черта не знают, что я – не он!»

Но это был шанс. Единственный шанс, который я видел. Что-то такое, чем я мог управлять самостоятельно, не ожидая вспышек памяти тела и его бессознательной помощи. Ну, как управлять... Хотя бы попытаться!

Я театрально раскинул в стороны руки и изобразил самую вычурную из боевых стоек. Леденящая кровь смесь из гимнастики ушу, йоги, на которую меня таскала одна из подружек, фильмов с Брюсом Ли и трюков Джеки Чана. На лицо я натянул выражение озверевшего от крови убийцы и каркнул хриплым от бега и страха голосом:

– Мордой в землю, твари узкоглазые! Иначе в фарш размелю!

Китайцы только переглянулись друг с другом и стали заходить на меня с двух разных сторон. Не кричали, не махали своими железяками, просто приближались максимально осторожно, но при этом очень решительно.

Не сработало! Могло сработать, но не сработало. Да, они меня боялись, но со страхом своим вполне справлялись.

– Последнее предупреждение!

Китайцы подняли сабли острями вверх, прижимая рукояти к груди. Получилось очень по-самурайски. И доходчиво, если рассматривать это движение как ответ на мое требование. Сейчас ударят! Одновременно, с двух сторон!

Я напряг пресс, пытаюсь как-то разбудить силу, что остановила огонь и пулю. Мышцы послушно затвердели, но больше ничего не произошло. Сабли убийц взлетели вверх... а затем грудь одного из них взорвалась мне в лицо кровавым фонтаном. Второй фонтан забрызгал меня с полусекундным интервалом. Метрах в десяти за их спинами опустил пистолет водитель.

– Зачѐм живой хател брать? – спросил он спустя несколько секунд, приблизившись ко мне и двум мертвым телам. – Это жэ триада, толка на дапросе – нол!

Обе его руки были в крови: видимо, одной пробитой грудной клеткой он не ограничился. В правой лапище он держал массивный револьвер, похожий на легендарный сорок пятый калибр, известный мне по американским боевикам.

– А я смотрю, бежит боярин! Сначала нэ понял, потом дошло: растягивает боярин чертей, чтобы скопом не напали. – По мере того как боевое возбуждение отпускало водителя, из его речи исчезал акцент. Под конец он уже говорил на чистом русском, разве что слегка выпячивая согласные. – Хорошо, кстати, придумали, Игорь Сергеевич! Вшестером у них шансы были. Пока со своими разбирался, думал, вы своих уже порешили давно. А вы зачем-то играть с ними затеялись! В плен брать! Запоматовали, что триада молча умирает?

Все, что меня волновало в этот момент, – не выдать себя и не проблеваться прямо на своего верного абрека. Я стоял весь покрытый кровью с головы до ног и прятал гримасой, выдаваемой за улыбку, рвотные позывы. Оправдываться и что-то ему объяснять было не нужно, водитель сам прекрасно выстраивал логику моего поведения. Он, разумеется, не мог поверить, что «третий по силе маг княжества» просто трусливо убежал. Чего разубеждать хорошего человека.

– Надо жандармов вызвать, – тараторил он по пути к машине. – Пусть приберут. Да и князю позвонить надо, он не любит последним новости узнавать.

– Угу, – бормотнул я в ответ, напуская на себя вид крайне задумчивый. – Вот и займись. А мне подумать надо.

Водитель кивнул. Приказ, как я и рассчитывал, не вызвал у него никакого удивления.

– И давай заедем куда-нибудь переодеться. Ты меня всего кровью забрызгал.

– Простите, Игорь Сергеевич! На инстинктах же, не думал совсем! Тут ваша матушка неподалеку живет. К ней?

Глава 3. Мать боярина

У нас после стрельбы уже все кишело бы силовиками. Носились бы, опрашивали, растягивали заградительные ленты. Бродило бы с важными лоснящимися лицами начальство, отчитывались злые от усталости опера. А тут – тишина! В смысле люди разбежались, а полиции нет! Хотя вру. Вон в отдалении завывала сирена – едут правоохранители! А ведь не захолюстье, престижный район, у нас Золотой милей назывался. Могли бы и поспешить!

Водитель, сменив возбуждение на маску бесстрастности, как и положено сопровождающему важного лица, занялся решением вопросов. С полным, как я видел, пониманием собственной безнаказанности. Будто бы это не он сейчас поубивал голыми руками кучу народа! Приехавшей полиции сунул под нос какую-то ксиву, поставил задачи по оцеплению – с такой уверенностью, будто право на это имел, – и спокойно вернулся к машине. Да, тут многое по-другому...

Власть – она, конечно, в любом из миров одинакова. Как и люди, которые эту власть воплощают. Что положено Юпитеру... Но у нас так откровенно не было.

Меня после схватки с триадой на удивление не трясло. Я тем временем позвонил князю. По зрелом размышлении решил не перекладывать эту почетную обязанность на абрека.

– Триада, наверное, Николай Олегович. Нет, живых не осталось. Сразу, как от посла вышли, да. Понял. Да. Хорошо. Только заеду переоденусь – и сразу к вам.

Голосом я выражал абсолютное спокойствие. Само хладнокровие, мать его! Нужно держать лицо перед людьми, которые меня знают. Пусть думают, что попытка меня убить – привычное для обер-секретаря дело. И летающий по воздуху огонь. И страшная смерть шести человек у него на глазах.

– Сам-то не пострадал?

Вопрос был задан самым последним. И явно формально. То ли князь был абсолютно уверен, что шестеро убийц для его правой руки не угроза, то ли плевать ему было.

– Нормально. Водитель помог.

– Мишико?

– Угу...

Ну надо же! Грузин! Я думал, чечен какой или абхазец. Хотя я ведь в кавказцах совершенно не разбираюсь. Вот китайца от корейца или вьетнамца отличу. Сказывается жизнь на Дальнем Востоке.

– Он берс толковый. Хорошо, что его с собой взял, а не один поехал. Чувал что?

– В каком смысле? – не понял я его уточнения.

– Почему поехал с водителем и на служебной? – снизошел до пояснения князь. – Что-то почувствовал?

Хм! И вот как ответить? Местный Игорь Антошин еще и экстрасенс, ко всему? Хотя после трюков, которые исполняло его тело, я бы не удивился.

– Не вполне... – дипломатично съехал я с темы. – Сербело что-то...

– Понял. Жду. – И князь отключился.

А я поехал к маме. Не предупредив ее звонком. По дороге прокручивал в голове, что ей можно сказать и что не опасно спросить. Кстати, а здешний Игорь живет с матерью?

Сперва я думал, что визит к ней – риск неоправданный. Все-таки мать. Может и опознать подменыша. Вторым поводом не ехать была мысль, что появляться перед пожилой и чувствительной женщиной (каковой была моя мама) в том виде, что у меня сейчас, не самый умный поступок. Оба соображения я отмел как несостоятельные. Точнее, не имеющие решающего характера. Отличие от местного Игоря можно списать на шок от покушения, а окровавленный

костюм добавит образу убедительности. А потом, в качестве источника информации мать куда лучше библиотеки. Хотя и библиотеку стоит посетить.

«Моя» мама оказалась дамой суровой. Стройнее, чем моя настоящая, с лицом строгим, даже чопорным. Рано, как и у моей, поседевшие волосы были собраны в пучок на затылке. И глаза такие же, как у настоящей, – живые и очень обеспокоенные.

– Игорь!.. – выдохнула она, увидев меня. Всплеснула руками (очень привычный жест), после чего неожиданно спросила: – Серьезных повреждений нет?

Вот вроде бы мелочь! Моя бы спросила чуть по-другому – все ли со мной в порядке. А эта – серьезны ли повреждения!

– Кровь не моя. Я не пострадал.

– Слава Господу! – После выплеска эмоций «мама» вернулась к сдержанному поведению. – Проходи, не стой на пороге.

– Я ненадолго. – Оказавшись в просторной прихожей, квадратов пятнадцать, не меньше, я принялся оглядываться. – Мне бы переодеться...

– И ты вспомнил, что твоя старушка держит в готовности твои костюмы...

Тон был ехидным, но за ним пряталась обида. Я давно не был у матери?

– Мам!..

– Иди умойся, я пока рубашку поглажу, – отмахнулась женщина.

И никаких вопросов! Ни «что случилось?», ни даже «куда катится мир?». Железная леди, а не мама!

А у местного Игоря Сергеевича с матерью отношения явно непростые. Живет она роскошно, если сравнивать с моим миром, но сыном явно недовольна. Поругались? Из-за чего? Стоп! Давай еще эти загадки начнем решать, голове же больше заняться нечем! Так, где тут ванная комната?

Когда я, освежившись, возился с галстуком, мать с некоторой нерешительностью спросила:

– Чаю выпьешь?

Как я ждал чего-то подобного! И не представлял, как начать интересующий меня разговор, хотя саму беседу уже по полочкам разложил.

Улыбнувшись, я ответил:

– С удовольствием, мам!

Кухня была размером с зал в моей холостяцкой квартире. На стенах никакой легкомысленности в виде обоев в цветочек, просто ровная, окрашенная в теплый персиковый цвет поверхность. Гипсокартон, вероятно. Вдоль стен стояли шкафы самого разнообразного назначения из светлого дерева и стекла. Дорогая обстановка, даже богатая, я бы сказал. И чувство стиля на высоте.

Ирина Олеговна (так я решил про себя называть «маму») разлила по чашкам тонкой керамики чай, подвинула вазочку с медом и принялась выжидательно на меня смотреть.

Под ее пристальным взглядом я сделал небольшой глоток и спросил:

– Что?

– Ты странно выглядишь, сын.

– Мам, на меня только что напали! Как, по-твоему, я должен выглядеть?

– Игорь, что за детские увертки. Я говорю не об этом.

Проницательная и жесткая мама у здешнего Игоря! Для нее неудивительно, что на сына нападают посреди бела дня неизвестные, что он прибегает сменить окровавленную одежду к матери домой! Но удивляет его странный вид!

– Ты на себя не похож. Какой-то затравленный. Не хочешь мне рассказать, что с тобой происходит?

И ведь вопрос не подразумевает рассказа о нападении. Он для нее рядовой случай из жизни сына. Эту женщину интересует другое. Ну ладно, я где-то так и планировал. Для начала нужно перехватить инициативу.

– Я потерял контроль над даром.

– Что?!

Ирина Олеговна даже из-за стола вскочила. Лицо покраснело, глаза испуганные, холёные руки аристократки дрожат. Мне кажется, скажи я ей, что ее внук попал под машину, она обеспокоилась бы меньше.

– Как?! Как это произошло?

– Я не знаю...

– Наркотики?

– Мам!..

– Женщина?

– А что, у меня целибат?

– Не паясничай, Игорь! Ты прекрасно понимаешь, что я имела в виду!

Вообще-то нет, не понимаю. Но тебе не скажу.

– Это очень серьезный вопрос!

А сын в кровище – несерьезно? Ну, мать!..

– Я не знаю, как это произошло, мама. Сегодня с утра встал, какое-то странное чувство, будто часть души вырезали. Не поверишь, из головы повывлетали вещи, которые я вроде бы знать обязан, но не все, а избирательно. А во время схватки я только дважды смог применить магию, и то бесконтрольно. Будто бы остатки дара, понимаешь? Чуть не погиб.

Врать я мог, как дышать: вот уж где профессия пригодилась! На Ирину Олеговну мой треп, судя по всему, действовал. Она с задумчивым видом кивала, шевелила губами, будто перебирала несказанные слова, даже сочувствие во взгляде появилось.

Когда я закончил, она не стала обвинять меня во лжи, только спросила хмуро:

– Кто еще знает?

– Никто!

– Пусть пока так и остается.

– Ты так говоришь, будто понимаешь, о чем идет речь...

Она стрельнула глазами в сторону, точь-в-точь как моя, когда не хочет отвечать на вопрос. Будто бы ее прямо сейчас очень заинтересовала лепнина под потолком.

– Что со мной произошло? – надавил я.

– Бабушка по отцовской линии с тобой произошла, вот что! – недовольно фыркнула «мама».

– Не пояснишь?

Железная леди замолчала. Надолго. Вероятно, раздумывала, открывать ли мне доступ к какой-то семейной тайне, информацией о которой не владел и мой двойник, и намек на которую она сейчас сболтнула.

Решившись, наконец, она сказала:

– Бабушка Ева... Ты ее не помнишь, она умерла до твоего рождения. Она была... как бы это сказать? Она была странной.

Бабушка Ева в моем мире была. Только звали ее Анна. Точнее, как я узнал уже после ее смерти, при рождении ее называли как раз Евой, но затем она почему-то сменила имя на более русское. То ли евреям сложнее было, то ли еще что. К стыду своему, эти сведения у меня из головы уже успели выветриться.

– В молодости она владела такой силой, которая не каждому мужчине подчинится, а это, как ты знаешь, редкое дело, – продолжала Ирина Олеговна. – Но годам к пятидесяти она забросила практику, разогнала учеников, даже своих детей владению силой не обучала. Замкнулась,

уехала в деревню, ни с кем из родни не общалась. В роду она считается сумасшедшей, и говорить о ней не принято. Даже внукам рассказывают лишь, что была такая бабушка Ева, умерла молодой, и на этом все.

– Но там не так все просто?

– Умирая, она призналась моему отцу, что потеряла дар. Весь остаток жизни искала способ его вернуть, но успехов не добилась. А родных бросила, чтобы тень на семью не уронить. Боярский род, в котором такое происходит... Ты понимаешь, что это значит...

Здесь «мама» замолчала. Глаза ее наполнились слезами, но ни одна из них не посмела сорваться вниз. Я тоже молчал, не зная, что сказать. С одной стороны, хорошая версия, многое объясняет. Не для меня, конечно, для Ирины Олеговны. Выражаясь языком шпионов, книжки о которых я глотал в совершенно неумеренном количестве, перед матерью Игоря я легализован. И любую мою странность она спишет на «наследственную болезнь». А вот с другой стороны, все не так благостно. И одну из проблем я вижу прямо сейчас, глядя на пожилую женщину, сдерживающую слезы. К бабушке не ходи, мама начнет меня лечить.

– Надо покопаться в семейном архиве, – вымолвила Ирина Олеговна. И подтвердила мои опасения: – Может быть, удастся что-то найти... Как-то вылечить. Или сразу к целителям?

Не хочу к целителям! Раз тут все такие маги, есть немаленькая вероятность, что целители вскроют правду про меня на раз-два!

– Посмотри пока архивы, мама. – Успокаивая ее, я положил свою руку поверх ее ладони. Железная леди вздрогнула от неожиданности, а я выругался про себя: такое проявление нежности для здешнего Игоря было нехарактерно. – А я соберу информацию другими методами. Бьюсь об заклад, мой случай не уникален. Наверняка такое случалось много с кем, но все молчали, боясь огласки.

В дверях меня остановил ее вопрос. Как будто мне мало было вопросов без этого.

– Твое решение по переезду окончательное?

Да вашу же мать! Добить меня решили совсем? Обер-секретарь у нас еще и переезжать намылился. В принципе, это объясняет холодность его матери. Решила кровиночка бросить семью и могилки предков, оставить ее одну на старости лет, без опоры и поддержки. Куда тут, кстати, народ отправляется за лучшей жизнью? В моем мире маршруты разнообразием не отличались: Москва, Питер, Краснодар. Хотя мечтали-то уехать в Таиланд на ПМЖ...

– Я не хочу об этом говорить, мама, – подобрал я самое нейтральное определение для своей неосведомленности. – Обсудим это позже.

Обиженное «конечно» я услышал уже приглушенным закрытой дверью.

– Давай к князю, Мишико, – буркнул я, падая на диван «Ладоги».

По правде сказать, надо бы в библиотеку ехать, собирать сведения о мире, но, боюсь, Николай Олегович не поймет. И Мишико не поймет. Какая библиотека, когда тут такие дела!

– Игорь Сергеевич, я же вас просил!

Недовольный голос водителя вырвал меня из водоворота собственных мыслей.

– О чем?

– Не называть меня Мишико! Есть же у меня имя, при крещении принятое. Михаил. Так и зовите. – Здесь абрек сделал паузу, будто усомнившись в собственном праве указывать вилперсоне. И добавил: – Если несложно.

– Ничуть! – кивнул я. – Ты прости, с этой всей суетой забыл уже.

– Да я ж понимаю! – с готовностьюотреагировал Михаил. И завел машину.

В пути от дома матери до княжеской резиденции я смотрел в окно, подмечая разницу между своим городом и Благовещенском, в который меня закинуло. Если не приглядываться, как я и делал, впервые сев за руль в этом мире, то и не слишком-то в глаза бросается. А вот если уже знать, на что смотреть, то города отличались очень сильно. Из сходства – расположе-

ние улиц по типу римского лагеря и много деревьев. В свое время Благовещенск мне этими вещами и понравился. Заблудиться в нем невозможно, хотя некоторым знакомым удавалось. И дышится не в пример легче, особенно если сравнивать с родным Владивостоком.

А вот дальше начинались различия. Главным (этого я раньше не замечал) было полное отсутствие типовых панельных хрущевок. Высотки были, много и очень разных. Стояли они примерно там же, где многоквартирные дома в моем городе. Это, кстати, легко объяснялось. Благовещенск расположен на перекрестке двух рек – Амура и Зеи. И почвы тут топкие, что диктует застройщикам определенные правила. Взять, например, микрорайон, построенный у нас еще при Советском Союзе. Стоит он фактически на болоте. Проектируя его, советские еще строители специально так расположили высотки, чтобы по микрорайону постоянно гулял ветер, подсушивая грунт. Ну и в центре проблема гуляющих земель тоже довольно остро стоит.

Так что дома находились там же примерно, где и у нас, и это объясняло, почему я сразу не обратил внимания на чуждость этого города. Но были они другими – более высокими и архитектурно разнообразными. У нас совсем недавно на набережной Амура построили три «свечки» этажей по двадцать пять – самые высокие здания в городе. Обычно же выше четырнадцати этажей не строили. А здесь голову приходилось задирать постоянно, чтобы увидеть, где кончается очередная башня.

Из материалов преобладал отделочный красный кирпич, зеркальное стекло и, как ни странно, дерево. Последнее не являлось основным строительным материалом, но в отделке его использовали повсеместно.

Названия улиц тоже отличались. Содержащие топонимы названия сохранились, разве что переключались немного: Амурской улицей называлась та, что шла следующей от набережной Амура (в моем мире – улица Ленина), а Зейская располагалась не параллельно ей, а перпендикулярно, очерчивая берег Зеи. Что, если подумать, было довольно логично: Амурская по Амуру, Зейская по Зее. Но непривычно.

А вот вместо улицы 50-летия Октября, центрального и вечно перегруженного транспортом проспекта, имелась улица Большая. Была она и правда широченной – по четыре полосы в каждую сторону против двух у меня дома – и смотрелась презентабельнее. Как и в моем Благовещенске, вдоль этой улицы располагались основные казенные учреждения, прокатив мимо которых, мы выехали к резиденции князя.

Кстати, еще одно отличие, которое бросилось в глаза. В городе, по крайней мере, вдоль центральных улиц, было оборудовано множество парковок. И соответственно, не было забитых машинами крайних правых полос. Вроде бы мелочь, а о власти в городе... тьфу, княжестве, эта деталь сказала мне многое – за порядком здесь следили не только на словах.

– Доклад от Федора Георгиевича я уже получил, – встретил меня князь, коротавший время в компании со Шварценеггером. – Так что давай твои впечатления. И детали.

Как я уже понял, обер-секретарь здесь с пресс-секретарем ничего общего не имел. У нас это «говорящая голова» плюс некий информационный поверенный князя... да чтоб меня! Губернатора! Должность моего двойника больше походила на первого заместителя по общим вопросам. Планирование, анализ и, с учетом скидок на реалии, боевые операции. Блеск, да? Звучит не так страшно, если облечь все в казенные чиновничьи формулировки, но совершенно не помогает подобрать ответ на поставленные передо мной вопросы.

Князь знает, что нападающих было шестеро. Знает, что сначала машину пытались подорвать огненным сгустком, а затем пошли врукопашную. Знает, что все нападавшие мертвы. Тут я ему ничего нового не скажу, а проколоться могу, не зная местных терминов. А вот чего он не знает, так этого нашего разговора с маньчжурским послом. Кто бы ему рассказал? Значит, с него и пойдем.

– В нашей беседе посол Лин И говорил, что неофициально возлагает ответственность за убийство Чжень Ю на триаду. Точнее сказать, он считает триаду исполнителями совершенного преступления, а заказчиками называет империю Мин. В то же самое время Лин И подчеркнул, что официальная позиция Золотого дворца будет направлена на предъявление обвинений Благовещенскому княжеству, а не истинным виновникам.

И князь, и Шварценеггер смотрели на меня широко раскрытыми от удивления глазами. Сперва я решил, что такую реакцию вызвали сообщенные мною факты, но когда Николай Олегович открыл рот, понял, что ошибся.

– Ты чего казенщиной сыпешь? Не журналистам интервью даешь.

Прокол. Дело даже не в самом факте использования обтекаемых чиновничьих оборотов, а в том, где и когда я их использовал. Видимо, на совещаниях у князя приветствовалась более простая манера общения. Ладно, это довольно легко поправить.

– Контузило, видать, – смущенно хохотнул я.

Князь шутки не принял и взгляделся в меня пристальнее.

– Гребаным пульсаром?

То же самое явно хотел произнести и князь, но Шварценеггер его опередил. Менее дипломатично, но емко – не отнять.

Николай Олегович укоризненно глянул на воеводу, или кто он там по должности, после чего вернул внимание мне.

– Я тоже удивлен, Игорь, – произнес он. – Ты с утра сам не свой.

«Знал бы ты насколько!»

– И Мишико еще отчитался, что ты косоглазых хотел живыми взять. Будто не знал, что смысла в этом никакого нет.

Молчать. Молчать! И держать лицо! Намек на улыбку, серьезный взгляд, расслабленная поза. Начнешь оправдываться, только хуже сделаешь. А так князь, глядишь, выговорится, и можно будет свои карты разыгрывать.

– А еще силу только в защиту использовал, – влез здоровяк.

Замолчали оба. Смотрели на меня выжидательно, но, слава богу, без угрозы. Только с легким оттенком недоумения. Мол, что же ты, братец! Ждали, в общем, моей реакции.

«Никогда еще Штирлиц не был так близко к провалу!» – всплыла в памяти фраза бородатого анекдота. Интересно, а в этом мире был разведчик Исаев? И владел ли он магией?

– И вы, судари мои, на основании банального отравления решили заподозрить меня в сговоре с триадой?

Я же тут почти равный, да? Вот и будем так себя вести! Борзо.

Шварценеггер хохотнул.

Глаза князя потеплели, но ответная речь прозвучала строго:

– Все-таки пил?

Двойник-то мой, похоже, алкоголик еще тот! Сколько раз мне это подозрение уже князь озвучил? Три? Четыре раза?

– Мне казалось, что мы договорились, Игорь. Ты обещал, что капли в рот не возьмешь после Хабаровска! На кресте клялся!

Ого! Ну, точно алкаш! Странно, по телу и не скажешь. Спортивный, подтянутый. Ни одышки, ни характерной слабости. Я-то знаю, любил на стакан присесть. Элитные коньяки, вискарик... Но все же не до такой степени, чтобы мне губернатор на это пенял.

– Я не пил, Николай Олегович! – отрезал я. – Просто съел что-то несвежее, вот и все. С утра от всего воротит, и соображаю туго.

– Я раз вот капустой траванулся квашеной! – явно в мою поддержку высказал мысль воевода. – Два дня пластом, а потом еще неделю, как не в своем теле! Никогда такого, главное, не было...

– Михайло Генрихович! Давай вот только без твоих историй! – сморщился князь. – И оставим тему. Значит, Лин И считает, что минцы нас руками триады хотят с маньчжурами поссорить? Что ж, звучит логично. Шестьдесят процентов всего торгового трафика в империю идет через Маньчжурию, так что неудивительно. Но почему сейчас-то?

Я пожал плечами, используя принятую отговорку об отравлении.

– Так ведь мост же, княже!

Синхронно мы с князем повернулись к Шварценеггеру. Только я – с недоумением в глазах (какой еще мост?), а мой шеф – со вспыхнувшим азартом.

– Точно! Ну, точно! Сходится все! Сколько там до конца стройки осталось? Мы же в графике?

Вопрос был адресован мне. Скорее всего, мне. Ну не спрашивают обычно силовиков о степени готовности строящихся объектов. Но я применил хорошо развитое умение переводить внимание с себя на соседа, без которого любому чиновнику жить можно, но сложно. Встретил взгляд князя, кивнул со значением: мол, вопрос понятен, ответ очевиден, а значит, не нуждается в озвучивании. После чего вперил глаза в лицо Михайло Генриховича и со значением вскинул брови.

Здоровяк, как загипнотизированный, тоже кивнул и сделал то, что от него требовалось. А именно – ответил вместо меня:

– В графике. Через два месяца сдача вроде.

– Вот! Вот! – Князь треснул по столешнице кулаком. – Вот что мы проморгали!

– Да почему проморгали-то?

Что еще за мост, из-за которого такой сыр-бор?

– А потому, драгоценный мой племянник, учти ты в прогнозе активность минцев применительно к строительству моста через Амур, у нас не случился бы труп маньчжурского посла и сегодняшняя пальба на набережной!

Мост через Амур? Племянник? Да вашу же мать, товарищи бояре! Может, хватит меня каждые полчаса ошарашивать? Нервные клетки не восстанавливаются, между прочим, а я их за половину сегодняшнего дня угробил столько, сколько за предыдущие тридцать лет жизни не смог!

– С позиции настоящего времени очень легко судить о прошлом, – все же сумел я сохранить лицо и даже выдать какую-то подходящую фразу из цитатника.

– Ты мне еще Сунь Цзы процитируй! – рявкнул князь.

По тому, как сжался шкафообразный воевода, я сделал вывод, что у Николая Олеговича наступил некий предел терпимости и сейчас он начнет карать невиновных и награждать виноватых. Если сейчас еще чего-нибудь ему под горячую руку не ляпнуть. Нужно было что-то делать, причем срочно. Господская немилость – штука паршивая, а если еще учесть, что здешняя элита, скорее всего, поголовно маги, то ну ее на фиг, такую немилость!

– Прости, княже! – Вовремя повиниться тоже стратегия. Главное, не переиграть. – Моя вина, мне и отвечать!

Несколько долгих секунд бешеные глаза Николая Олеговича сверлили меня – куда там пуле, которую я рукой остановил. Аж кожа зачесалась. Потом покрасневшее лицо моего шефа и дяди (!) стало возвращаться к обычному цвету.

– Ладно, чего сейчас стрелочников искать, – выдохнул он наконец. – У нас кризис. Будем решать.

– Да, княже!

Непонятно как (явно память тела включилась), но гаркнули мы это в унисон с воеводой.

– Юристов ко мне с договорами по мосту. Подрядчиков. Сами – носом землю рыть, но исполнителей убийства найти. – Здесь князь невесело усмехнулся, посмотрел на меня со значением и добавил: – Желательно живыми.

Глава 4. La femme fatale¹

– Спасибо! Очень мне помогли! – с улыбкой сказал я библиотекарше, поставившей на стол еще одну стопку запрошенных мною книг.

Проводил ее взглядом – ничего так фигурка! – и вернулся к чтению. Но едва прочел название очередной главы – «Тенденции и закономерности в развитии отношений между европейскими правящими домами в конце двадцатого века», – шепотом выругался и двинул от себя очередной том по истории. Устало вздохнул и потер слезящиеся глаза.

Со студенчества таких бдений в библиотеке не устраивал, а тут уже третий час без отрыва гранит знаний грызу. Изучаю историю этого мира: от школьных учебников до громоздких трудов маститых, но неизвестных мне исследователей. Листаю атласы с картами и подшивки с пожелтевшими газетами. Ну а что! Учиться ведь никогда не поздно! Применительно ко мне данная поговорка звучала с особенной издевкой. Зато правда! Что мне еще остается? Чудом ведь первый день протянул! Без знаний о мире на второй я обязательно проколюсь. И черт знает, каковы будут последствия. Особенно с учетом занимаемой должности...

Общественная библиотека все же дала мне общую картину мира. Три часа, как уже говорил, и – вуаля! – я владею знаниями о новом мире на уровне ученика начальных классов школы. Вижу и примерно даже понимаю чудную и страшную картину, от которой я даже не знаю, чего больше хочется: плакать или смеяться? И то и другое, наверное.

В общем, если собрать результаты моих исследований в емкое выступление перед кружком любителей альтернативной истории, звучало бы оно примерно так.

Дорогие коллеги! Вот что мы имеем. При огромном количестве внешних схожестей, этот мир кардинально отличается от нашего. Я не буду углубляться в детали, пройду лишь по ключевым отличиям. Нет возражений? Прекрасно, тогда приступим!

Первое. В этом мире нет и не было сверхдержав. Ни Китая, ни России, ни Индии, ни Америки. Никто не доминирует на мировой политической арене, никто не навязывает своего образа жизни другим. То есть (уточнение) пытаются. Но у всех выходит, прямо скажем, хреново. И еще одна поправка, коллеги. Когда я говорю, что тут нет США и России, я имею в виду, что их нет именно как сверхдержав. Сами-то страны в наличии, даже называются схожим образом. Но гегемонами на своем участке суши они не являются.

Китай, например, если кому интересно, называется Империей Мин. Против привычной нам Поднебесной она вдвое меньше и заканчивается ровнехонько под срез Великой стены, которую китайцы строили для защиты от внешнего врага, да так в средневековых границах и остались. Индия, коллеги, представляет собой связанное союзными обязательствами лоскутное одеяло из ханств, султанатов и княжеств, которые непрестанно друг с другом воюют, в основном на религиозной почве. Американские штаты здесь так и не стали Соединенными, и, судя по газетам, та еще глушь. Ну и, конечно же, Россия! России тут нет, друзья. Есть Конфедерация русских княжеств, покрывающих ту же территорию, что и у нас.

Забавно, правда? Так это, скажу я вам, далеко не все. В неизменном виде осталась только старушка Европа. По крайней мере, страны на карте называются так же, как и у меня дома, и располагаются там же. А вот Латинской Америки, всех этих прекрасных Бразилий, тут нет. Там здешние индейцы живут. Много разных. Не дикари, но по уровню развития – как Средняя Азия против Европы двадцать первого века. В Южной Америке, кстати, единственное в мире демократическое общество, чем краснозубые страшно гордятся. Это уже я подхожу ко второму тезису своего доклада.

¹ La femme fatale (фр.) – роковая женщина. – Здесь и далее прим. авт.

Итак, второе. Это мир победившей монархии, друзья мои! Тут нет республик, олигархий, диктатур – только монархии. Абсолютная, конституционная, парламентская, сенатская и даже выборная! Но именно монархия. Во главе каждой страны стоит свой император, король, царь, герцог или, как в нашем случае, князь. Исключения, как я уже говорил, имеются. Демократическая республика с непронизимым названием в Южной Америке – те самые индейцы – и Мальтийский орден на одноименном архипелаге в Средиземном море, под руководством магистра Юргена Тишайшего. Да-да, коллеги! Рыцари! Они тут сохранились, представьте себе!

Третье. В этом мире не было крупных войн. По крайней мере, я не встретил ни одного упоминания о знаковых исторических событиях своего мира. Наполеон тут был неизвестен, как и Гитлер. Двух мировых и тяжелейшего их наследия здесь не случилось. Нет, не поймите меня превратно! Люди тут такие же, как и у нас. Алчные, завистливые хомячки. Они тут и воюют, и интриги плетут, да и религии мировые – один в один – спать спокойно не дают. Вроде бы все как у больших, но иначе. Масштабы не те. Я бы назвал местную мировую политику камерной. А войны, если сравнивать с масштабами нашего мира, цивилизованными. Почему? Чуть позже, коллеги. Сперва четвертый тезис. Он все объяснит.

В этом мире существует магия. Что это такое, как подобное возможно и прочие дурацкие вопросы пока опустим. О них нет ни слова в книгах, находящихся в общественной библиотеке. Полагаю, это потому, что владеют магией (даром, силой) далеко не все, а примерно один процент населения шарика. И этот самый процент и определяет развитие здешней цивилизации.

Вот это-то, на мой взгляд, и объясняет всю дикую альтернативизацию, замешанную на феодализме. Правящий класс – маги. Колдуны, ведьмы, экстрасенсы – не знаю, как правильно. Но это неоспоримо. Каждый монарх и его ближайшее окружение являются носителями дара. Который – внимание! – передается по наследству. Ну как тут не остановиться на милой махровой монархии?

Этим же (тут я могу только предполагать) объясняется и лоскутность политической карты мира. Государства все, по нашим меркам, очень небольшие. Исключением является только Китай, но узкоглазые всегда были странными ребятами. Какая, спросите, связь? Очень простая, коллеги! Охотничьи угодья любого хищника определяются возможностью их контролировать. Грубо говоря, сколько потребуется времени тигру, чтобы обойти свою землю из края в край и по периметру? А больше ему и не надо. Ну, если добыча не мигрировала. Так и с магами. Они владеют той территорией, которую могут защитить своими силами и силами верных им людей. Получается, что здешний мир поделен хищниками.

Из чего я сделал такие выводы? А я объясню! Оружие массового поражения. Все эти чудесные ядерные ракеты и атомные бомбы, которые в нашем мире являются сдерживающим фактором для начала Третьей мировой войны. Про них тут ни слова в газетах не пишут. Ни слова! Никто не мерится дальностью полета баллистических ракет. Политологи и военные аналитики не обсасывают инсайды в этой области. Это что может значить? Есть два варианта. Либо до расщепления атома тут еще не дошли, во что я, простите, поверить не могу, да и колонки про будни тружеников атомной энергетики мне в газетах встречались. Либо же ядерное оружие тут не играет такой роли, как в нашем мире. Другие тут средства сдерживания. Я подозреваю, что магия.

Ну вот, собственно, и все, коллеги! Прошу вопросы!

На самом деле я не был так уверен в своих умозаключениях. Может, так, а может, по-другому. Много ли можно понять за три часа работы в общественной библиотеке, даже обладая моим опытом в деле сбора и анализа информации? Немного, скажем честно. Да и начал я, по правде сказать, не с того. Искал информацию по Благовещенскому княжеству в частности

и по России в целом, а вышло, как всегда получается при работе с Википедией. Это когда заходишь на нее почитать статью про англо-бурскую войну, а через пару часов с удивлением обнаруживаешь, что читаешь про быт самураев.

Вот так и я. Начал с княжества...

Про Россию, точнее про Конфедерацию русских княжеств, я все-таки почитал. И проникся. Как я понял, тут все пошло не так – с учетом магии, разумеется, – со времен Великой Смуты. Ну, той, которая Семибоярщина, вторжение поляков, Минин и Пожарский и воцарение дома Романовых. Тут все это тоже было. Только без последнего пункта. Романова не случилось, объединения бояр вокруг нейтральной фигуры не произошло, да и желания такого ни у кого не было. Маго-дворянские фамилии собрались в кучу только для того, чтобы выпнуть поляков за пределы своих границ, а потом решили, что у каждого князя свой путь, долг и стол.

Так и жили. Потом Сибирь захватили, образовав несколько новых княжеств. Следом – Дальний Восток, вышибив отсюда чжурчжэней и дауров. В начале девятнадцатого века, а именно в году одна тысяча восемьсот двенадцатом, когда в нашем мире Российская империя морозила в лесах солдат Наполеона, возник первый прообраз Конфедерации княжеств. Никаких элементов государственности, по сути – военный союз, просуществовавший почти сто лет.

У союза княжеств была Думная палата и московский князь, ее возглавлявший, но ничего не решавший. В начале двадцатого века Конфедерация оформилась в некое подобие США, была даже делана попытка унифицировать законодательство во всех княжествах. Провалившаяся, я не стал изучать причин этого. С тех пор так и живут – вроде бы вместе, но сами по себе. С учетом отсутствия других крупных хищников, вполне жизнеспособная модель.

А! Еще одна занятная деталь. Московское княжество (все как у нас) постоянно предпринимает попытки объединить земли под своей рукой. Попытки проваливаются одна за другой, но пыл москвичей не остужают. Примерно раз в поколение они начинают какую-то мутную интригу, цель которой – встать во главе всех русских княжеств. Но пока у них ничего не вышло. И, как я лично считаю, слава богу! Те еще хитрецы, сядут на шею и ноги свесят. Проходили уже. Не здесь, понятно, но не думаю, что люди тут другие.

Магия, блин! Как такое вообще возможно? Мне это мозг крушит сильнее, чем князья с боярами. По сути-то – не более чем другие названия. В моем мире, современном и демократическом, тоже ведь так. Возьмем губернатора такой провинции, как Амурская область. Кто он, если не пограничный барон? Делает что хочет, но помнит, что ходит под императором. Налоги платит, порядок обеспечивает, деньги у престола кланчит на обновление пограничных крепостей.

Но магия!.. Управлять какими-то совершенно не представляемыми энергиями. Метать огонь и сбивать людей с ног потоком воздуха! Голыми руками ломать противникам грудные клетки! Дичь! А главное, наука-то тут тоже есть! И техника. И компьютеры с интернетом. И сотовые телефоны с сенсорными экранами! Как это все уживается в одном мире, я не понял, как ни искал ответа в книгах. Может, если порыться в княжеской библиотеке, куда у меня наверняка есть доступ, станет понятнее?

С другой стороны, грех жаловаться. Три часа я очень даже продуктивно потратил, в отличие от половины дня до этого. Теперь, когда я понимаю, что это за мир, можно ставить более внятные цели. Например, разобраться: что я тут делаю? Как сюда попал и как отсюда обратно смыться? Можно даже опустить «кто виноват?».

Не то чтобы тут все очень плохо, здешнее положение, пожалуй, покруче моего статуса в родном мире. Но там меня не пытаются убить. А это очень важный нюанс.

Литературу про попаданцев я читал. Не фанат, но какое-то количество книг про них осилил, пока они не стали походять друг на друга не только глянцевыми обложками с перекатанными бруталами, но и сюжетными ходами. Истории в них довольно неприятны и,

по мне, предсказуемы. Но прекрасно подходят для человека, который хочет расслабиться, а пить не хочет.

Герой в таких сюжетах с колеи не сворачивает. Попадает неведомо куда, быстренько во всем разбирается и тут же начинает перекраивать мир под себя. Если мир средневековый (а именно туда попаданцы стараются угодить), начинается дичайшее прогрессорство: пушки в девятом веке, истребители в семнадцатом. Если в недалекое прошлое, то сразу же идут на прием к Сталину и громят фашистскую Германию по всем правилам военной науки начала двадцать первого века.

Ну а если в миры с магией, то моментально обретают дар и умение им пользоваться. По пути, естественно, обзаводятся гаремами, полными моделей, адамантовыми мечами, мифриловыми кольчугами, сапогами-сороходами и всепробивающими копьями. К счастливому финалу это уже не человек, а установка залпового огня, работающая под прикрытием новейших систем ПВО и действующая против диких зулусов. Вот мне бы так!

Так нет же! Магия есть, но пользоваться я ею не умею. Научиться, наверное, можно, но у кого и как? Тут признаться в отсутствии дара смерти подобно! Представляю, как будет воспринят вопрос обер-секретаря к тому же князю: «Николай Олегович, не посоветуете хорошего учителя по магическим дисциплинам? Надо, знаете ли, немного освежить знания!»

Моих знаний никому не надо, сами не дураки. Более того, нету у меня никаких знаний! Все, что я знаю, это как заставить журналистов действовать в нужном мне направлении да лавировать между интересами чиновников, отщипывая порой свою толику малую от проносящихся мимо финансовых потоков. Ну да, аналитик неплохой, организатор и переговорщик. Но достаточно ли этого, чтобы играть на одной доске с магами?

Сталина, блин, и того нету! Что вот делать в такой ситуации? До гарема явно не доживу...

Пока я занимался самообразованием, а после самобичеванием, мне часто звонили. Трубку я не брал и, в конце концов, немного покопавшись в незнакомом интерфейсе, поставил телефон на беззвучный режим. Решил, отбращусь потом, если нужно будет. Не князья чай звонят! Перетопчутся, господин обер-секретарь очень занят! Может, и не самый умный поступок, но все лучше, чем мямлить о чем-то неведомом незнакомому человеку.

Когда аппарат в очередной раз зажужжал, я автоматически скосил глаза на оживший экран. Это был не звонок – сообщение. Эсэмэска или что-то в этом роде. Синяя иконка с изображением голубя настойчиво подрагивала, требуя уделить адресату внимание.

Ну что ж, пора было возвращаться в мир. Я тыкнул пальцем в ярлычок и прочел короткое сообщение от абонента с именем «Люда»: «Привет. Нужно встретиться».

А вот и гарем! Ну, или первая его насельница! Сообщение, правда, не содержало в себе никакой романтики, напротив, было насквозь деловым, но не зря же в моей контактной книге именами были помечены всего два абонента – мама и Люда. Определенно, это девушка боярина Игоря Сергеевича.

«Привет! – отстучал я по экрану. – Когда и где?» – «На том же месте. Через десять минут», – тут же пришел ответ.

Женщины! Воображают, что у мужчин в головах устроено точно так же, как и у них! На каком «том же»? Могу я забыть? Могу! Я занятой человек, правая рука князя и все такое.

«А поточнее?»

Отмажусь, если что. Скажу, голова забита делами государственной важности, вот и не сообразил сразу.

«В Даурии».

Скорее всего, «Даурия» – это кафе или ресторан. Значит, не будем утяжелять свою вину, по карте как-нибудь доберемся. В моем «Москвиче» есть навигационная система, я видел.

«Ок». – «Что?»

Блин! Прокол! Тут не пользуются этим англицизмом! Вот баран!

«Еду».

Сперва хотел добавить закрытую скобку улыбки, но решил, что это станет еще одним промахом. И отправил так.

По закону жанра на встрече девушка Люда должна была сообщить мне о том, что беременна. Ну, чтобы совсем меня добить! Предыдущих же событий для этого было явно недостаточно! Я все еще на ногах и даже пытаюсь мозгами ворочать. Так что беременность моей пассивности – самое то, чтобы закончить первый день в новом мире на минорной ноте.

Навигатор у «Москвича» оказался замечательным. Примерно как карты Яндекс, то есть очень удобным и понятным. Ввел слово «Даурия» и выяснил, что это действительно кафе. Ехать до которого, как утверждал бортовой компьютер, было всего ничего – шесть минут. Как раз успеваю.

По пути я уже не смотрел по сторонам, сосредоточившись на вождении. Как в первые дни после получения прав. Я тогда в машину садился, закрывал глаза и с минуту бормотал придуманную самостоятельно мантру: «Только я и дорога!» Глупость, быть может, но мне помогало.

К счастью, не было проблемы в опознании незнакомой мне девушки. Как и всякая дочь Евы, она прикрепила к профилю мессенджера свою фотографию. Симпатичная. Яркие зеленые глаза и ямочки на щеках от улыбки. Губы полные, но не надутые вареники, что в последнее время стало очень модно в моем мире. Волосы темные и прямые. Не мой типаж, *la femme fatale* я стараюсь по большому кругу обходить. А двойник мой, видать, нет.

Она уже ждала меня за столиком в дальнем углу просторного зала. Людей по случаю будней было немного: парочка у окна на входе да пожилой мужчина возле барной стойки.

– Привет! – приблизился я с рассеянной полуулыбкой донжуана.

Я над ней много работал и считал почти безотказным оружием при знакомстве с противоположным полом. А у меня же знакомство, верно?

– Привет.

Отзыв был довольно сухим, я бы даже сказал, холодным. Ни улыбки при встрече, как на фото, ни привставания для поцелуя. Плохо расстались в прошлый раз? Что же вы, Игорь Сергеевич, так паршиво с людьми контактируете? И мать на вас в обиде, и девушка в Снежную королеву играет.

Ей, кстати, шло. Бледно-голубое платье с белым кантом по вороту и плечам, собранные в тугой узел на затылке темно-русые волосы, узкие очки без оправы. Нетронутая чашка с кофе, над которым еще поднимался парок, сообщала, что сидит она недавно.

– Садись. И перестань смотреть на меня с глупой улыбкой.

Точно обидел. Сейчас выдаст мне про беременность, про то, что ей ничего от меня не надо и ребенка она воспитает сама.

– Ну, рассказывай, чего звала?

Если мы такие оскорбленные, то я подыграю. Не впервой, богатейший опыт по этой части. Данная политика с расстроенными женщинами срабатывала лучше, чем участие и настойчивые расспросы.

– Игорь, ты идиот? Ты сам не понимаешь?

Тут я очень отчетливо понял, что Люда не моя девушка. То есть не девушка здешнего Игоря. В ее голосе не было обиды, а холод был не личным, а вполне деловым. Она не была расстроена поведением Игоря как любовника. Она была чертовски зла, что какие-то их общие дела идут не так, как планировалось. Они коллеги или что-то вроде того.

Приплыли! Все мои заготовки предстоящей беседы можно было выбрасывать. Беда только в том, что заменить их нечем. Я даже приблизительно не могу представить, какие могут быть общие деловые интересы у правой руки князя и симпатичной девушки. Ну ладно, женщины: теперь-то я вижу, что ей ближе к тридцати.

– Не пояснишь?

Тон выбрал под стать ей. Холодный арктический ветер. Ни капли симпатии, только сожаление о потраченном времени. Я же очень, очень спешу!

Люда склонила голову чуть набок, отчего сразу стала похожа на сову. Долго, секунд десять, изучала меня из-под стекла очков, делавших ее глаза в полтора раза крупнее истинного размера.

– Люди, которых я представляю, выполняют свои обязательства? – спросила она наконец.

– Ну, допустим... – протянул я.

– В полном объеме?

– Почему ты об этом спрашиваешь?

– Ты уходишь от прямого ответа!

– А ты задай прямой вопрос!

Она вновь качнула головой по-совиному. Глядя не мигая, спросила очень проникновенно:

– Ты же не решил пойти на попятную, Игорь Сергеевич?

Я ответил ей столь же пристальным взглядом и полным молчанием. Давай же! Сделай хоть какой-нибудь вывод и начинай играть открыто! Я же ни черта из твоих намеков не понимаю! Точнее, понимаю, что у вас какая-то сделка, причем даже не у Игоря с Людой, а у Игоря с людьми, которых представляет Люда. И что ты недовольна скоростью выполнения условий сделки со стороны Игоря. А теперь и вовсе подозреваешь, что Игорь решил кинуть твоих нанимателей.

– Решил, значит. – В зеленых глазах мелькнуло удовлетворение. – А князю уже донес?

Князю? Блин, Игорь Сергеевич, ты что же, решил играть против кормящей тебя руки? Вот ведь придурок!

– Ты хотя бы понимаешь, кто люди, меня пославшие?

Фаза запугивания. Ты Эдика Качипурова знаешь? Я сейчас знаешь кому позвоню? Проходили уже. Помолчим, девушка явно заводится, а значит, может проговориться.

– От тебя не так уж и много требовалось, Игорь! Всего-то обеспечить участие нашей компании в уставном фонде! Мы ведь договорились!

– И очень четко выполняете свои обязательства, – с сарказмом ввернул я.

Не знаю почему, но мне показалось это уместным. В теневых сделках (а от этой просто тянет таинственностью) ни одна из сторон на сто процентов свои обязательства не выполняет. Это аксиома. Все норовят друг друга обьегорить, заплатить поменьше, получить побольше. Так что со своей репликой я практически не рисковал. Если выстрел был в пустоту, она просто его опровергнет и спишет на мои расшатанные нервы обманщика.

Но я попал в самый центр. Правда, ее ответ не только приоткрыл карты, но и заставил меня ощутить противный озноб на загривке. Будто бы к основанию черепа приставили холодный ствол пистолета.

– Ты про триаду? Поверь, Игорь, это просто накладка!

Мне очень захотелось домой. К привычным и мирным подковерным играм чиновников, где ставкой была не жизнь, а деньги и некие очки влияния. Здесь же играли по-крупному, с фишками куда крупнее миллиона. И господин обер-секретарь впутался в самый центр этой игры.

– Уверена? Про накладку?

Я делал шаги в полной темноте, ориентируясь на звук. На эхо, отраженное от невидимых стен. Выискивая глазами малейший источник света. И ежесекундно ожидая, что под ногой окажется не твердый пол, а бездонная яма. Но ведь пока еще не провалился! Да и какой у меня выбор?

– Мы можем это обсудить.

– Ну, давай обсудим.

– Ты хочешь компенсации?

– Компенсации?

Я так выразительно изогнул бровь, что самому тупому собеседнику стало бы понятно, что я издеваюсь.

– Тогда чего? Не играй со мной, Игорь!

Ну вот! Опять угрозы. Но за ними – я не ошибся? – страх.

– Ты считаешь, что это я играю?

– С триадой была не моя инициатива! Насколько я понимаю, это была...

– Страховка?

– Вероятно.

– Какая-то хлипкая страховка, Людмила. – Чуть порисуемся, сейчас это к месту. – Послать шестерых бойцов и одного стрелка на меня. Как ты считаешь, после такого я исполнен доверия?

Она была умной женщиной. И опытным переговорщиком. Глядя на то, как она просчитывает ситуацию, отслеживает любое изменение моей мимики, я понял, почему неизвестные наниматели послали на встречу со мной ее.

– Ты мне угрожаешь?

В голосе страх. Игра или по-настоящему? Скорее всего, пополам. Раз я здесь такая опасная фигура, то меня не грех и бояться. Ну и женская защитная реакция: глазки захлопали, губки задрожали. Ты же не ударишь женщину?

– Разве я позвал тебя на встречу и требую ответа?

Не сорвавшиеся слезы сразу же высохли, губы сложились в улыбку. Да, милая! Актриса ты потрясающая. Я даже почувствовал, что сквозь панцирь настороженности, который я не снимал с утра, пробивается чувство симпатии к этой Мата Хари. Есть у меня слабость к умным женщинам. Даже если понимаю, что они те еще стервы.

– Чего же ты тогда хочешь?

Время, Люда! Мне нужно только время! Чтобы разобраться во всем и в идеале – свалить в свое тело и в свой мир. И пусть местный Игорь Сергеевич сам разбирается с кашей, которую заварил. Повар, блин!

– Объяснений. Не от тебя. От твоих нанимателей. Личной встречи. Пересмотра условий сделки с учетом нанесенного ущерба.

– Ты как себе это представляешь? Благовещенск от Москвы не близко!

Москва! Чудесно! Дорогая моя столица! Даже в этом мире она меня не оставляет.

– А что, авиарейсы отменили?

Борзеть так борзеть! Я же шишка на ровном месте! И не последний маг!

Люда молчала недолго.

– Я тебя понимаю. Наверное, с твоей точки зрения, все действительно выглядит как попытка оказания давления. Я не буду пытаться убедить тебя в обратном. Попробую организовать встречу.

То есть шестеро китайцев с мечами и один маг, мечущий огонь, – это не попытка убийства, а всего лишь «давление»? Ну-ну!

– Замечательно! – Внешне уверенный, но внутренне трясущийся от страха и возбуждения, я поднялся, показывая, что считаю встречу завершенной. – Созвонимся.

Глава 5. Слепой маг

Свой домашний адрес я нашел в паспорте, а сам паспорт – в бардачке машины. Все бы мои проблемы так просто решались! Ввел адрес в навигаторе и через некоторое время припарковался у высотки, занимавшей в этом мире место гостиницы «Азия». Факт сей я отметил мимоходом, лишь слегка улыбнувшись.

Поднялся лифтом на последний этаж, открыл дверь квартиры и с усталым выдохом уселся на пуфик в прихожей. Ну, вот я и дома! В своей холостяцкой, слава богу, квартире. А то для завершения этого чудного дня не хватало, чтобы мой двойник оказался женатым отцом семейства! Этого я бы точно не перенес.

Немного посидев и погоревая о нелегкой своей судьбе, отправился осматривать владения. Не то чтобы это в конце безумного дня меня так сильно интересовало, но нужно же было понимать, где спать, а где мыться?

Квартирка оказалась роскошной. Зал и единственная комната – настоящая студия с панорамными окнами и выходом на балкон, на кухне вальс можно танцевать, не цепляясь за углы, а в прихожей – отрабатывать строевой шаг отделению новобранцев. Мебели немного, та, что есть, демонстративно простая, упор сделан на минималистичность. Я и сам к такому стилю испытывал симпатию, но реализовать его дома мне всегда что-то мешало. Копился хлам: в одежде, в мебели, в подарках. Выкинуть его было жалко, и он оседал на квадратах моей двушки, превращая ее в логово запасливого хомяка.

На кухне я принялся искать чай. Не сказать, что являюсь большим любителем этого напитка... Как все, наверное. Хотя, если по-честному, хотелось коньяка. Залпом, граммов так стописят! И байки. Но, памятуя о словах князя и подозревая своего двойника в неумении останавливаться на одном бокале, пришлось ставить на плиту никелированный чайник.

Дождавшись закипания воды и залив кипятком сухие листья, с керамическим заварником в одной руке и массивной кружкой в другой я отправился на балкон. Думать. На балконе оказались пара плетеных кресел и такой же, со стеклянной столешницей, столик. Поставив на него свои припасы, я уселся и натурально завис.

Прямо передо мной, буквально руку протяни, тянулась блестящая жидким металлом извилистая лента Амура. Возможно, обман зрения или следствие перегруженного впечатлениями мозга, но мне показалось, что она примерно вдвое шире, чем дома. Заходящее осеннее солнце отражалось от неподвижной с этого расстояния поверхности воды. Балкон располагался несколькими уровнями выше крыш соседних зданий, позволяя любоваться Благовещенском, рекой и раскинувшимся за ней китайским городом Хэйхэ. Или маньчжурским, с другим названием.

Некоторое время я просто заворуженно смотрел на реку, и вода вымывала из головы все суматошные мысли, ищущие выход из сложившегося положения. Сколько я так просидел, бог весть, но когда очнулся, почувствовал себя необыкновенно спокойным и собранным. Словно мой разум сам стал водой: текучей, прохладной и невозмутимой. Сделав глоток уже слегка остывшего чая, стал приводить в порядок факты о своем положении.

Я попал в другой мир. Параллельный или что-то в этом роде. Влетел прямо в тело своего двойника, заместителя здешнего князя. Который, ко всему прочему, аристократ, или, как они тут именовались, боярин. И маг. Он влиятелен, судя по всему (тут надо ревизию провести) богат и очень амбициозен. Почти как я, если сравнение «Бугатти» с коллекционной моделькой уместно.

Дальше. Я могу пользоваться его социальным положением, его имуществом и деньгами, даже его тело мне послушно, но его сверхъестественные способности мне недоступны. А в этом мире они неразрывно связаны с такими вещами, как влияние, власть и, что меня куда больше

волнует, безопасность. Скорее всего, я могу – в теории – обрести контроль и над ними. Но как и сколько на это потребуется времени – непонятно.

Еще у Игоря Сергеевича какие-то проблемы с алкоголем. Его мать предположила, кстати, что «потеря дара» может быть связана с этим. Или она говорила про наркотики? Да, точно, про наркотики! И князь поэтому каждый раз психует, стоит только заподозрить своего миньона в возлияниях? Ладно, пока отложим. Дара этого у меня пока все равно нет, так что вопрос неактуальный. Не будем тратить на него время.

Вопрос возможности возвращения домой тоже отложим до времени. Почему? Потому что я понятия не имею, как здесь оказался и как можно вернуться! И любые попытки найти выход с таким количеством вводных данных будут подобны поиску пожарного выхода бегающим по кругу человеком, орущим на одной ноте «а-а-а!». К тому же я могу банально не дожить до понимания своего положения. Грохнут меня, да и вся недолга! Желающих, кстати, достаточно. Так что откладываем и этот вопрос.

Что куда серьезнее, так это интриги двойника, в которые я оказался вовлечен. Именно благодаря его активности и служебным обязанностям я могу отправиться не домой, а в мир иной. Поэтому приоритетом определяем разбирательство в делах Игоря Сергеевича и приведения их в относительный порядок. Хотя бы до такого уровня беспорядка, при котором меня не пытаются убить.

Мысленно я создал в голове белую офисную доску и написал на ней синим маркером «Убийство посла». Обвел кружком и задумался. Это отправная точка того блудняка, в котором я оказался. Каким-то образом данное событие связано со всеми другими, случавшимися со мной сегодня. Как? А черт его знает! Будем разбираться.

Быстренько написав на воображаемой доске слово «триада», я провел от него стрелочку к «убийству». Над стрелкой написал «Лин И». Затем добавил слова «мост», «Москва» и «измена», соединив последние два еще одной стрелкой. Подумав секунду, внес исправления: между «Москвой» и «изменой» добавил кружок с именем «Люда». Ну, вот так как-то. Теперь давай смотреть, что у нас получается.

Кто-то убивает посла Чжень Ю. Его сменщик Лин И уверяет, что сделали это китайские «ниндзя». Но не по своей инициативе, а по заказу империи Мин. Для того чтобы поссорить Маньчжурию и Благовещенское княжество. Вроде бы логично, да и последующее нападение триады на меня вроде как доказывает состоятельность этой версии. Как и упоминание князем некоего моста, который, я подозреваю, есть не что иное, как мост через Амур, строящийся и в моем мире тоже. Объект важный, я бы даже сказал, стратегический. У меня дома его пуск позволит в разы увеличить объем грузоперевозок, а значит, и дохода с таможенных сборов и торговли. Здесь, думаю, тоже.

Если дело крутится вокруг моста, то минцев понять можно. Их северный сосед начинает резко богатеть на торговле с русским княжеством, да и сам Благовещенск усиливается изрядно. Вполне достойная причина поссорить стороны и саботировать строительство моста. Сохраняется статус-кво, у минцев даже появляется рычаг влияния на маньчжуров и шанс вернуть отколовшееся царство в лоно империи.

Но тут всплывает Люда и косвенно упоминает о триаде как о средстве давления на меня. Причем не по делу убийства посла, а по некоему контракту, который Игорь Сергеевич имел глупость заключить с москвичами. Предположительно с москвичами. И вот каким тут боком они? Судя по тому, что я понял из разговора с Людой, мой двойник должен был обеспечить финансовое участие московской компании в уставном фонде некоего предприятия. За что ему полагалось вознаграждение и, вспомним слова его матери, переезд. Видимо, в Москву. Для здешних людей это, наверное, тоже такой карьерный рост – переезд из глухого дальневосточного угла в центр.

Поправка. Тут не так, как у нас. Москва – не столица нашей родины, а лишь одно из русских княжеств. А еще тут феодальные отношения, согласно которым Игорь – вассал князя Благовещенского. Что делает его желаемый переезд в Москву не карьерным ростом, а форменной изменой своему господину. И пойти на такое можно только из-за очень большой и сладкой морковки. Вопрос – какой? Чего такого могли предложить москвичи богатому и влиятельному на своем уровне боярину, что он готов кинуть своего князя? Деньги? Власть? Да он и так вроде не бедствует!

В порядке бреда: а что если он потерял дар до моего заселения в его тело? Ирина Олеговна ведь отмечала его странное поведение и до сегодняшнего дня. И алкоголь, за который его постоянно стыдит князь? Что, если я не причина, а следствие? Он теряет дар, держит это в тайне и ищет способ его вернуть. Для мага это, наверное, похуже импотенции будет! Был всемогущим, для которого люди – букашки, и вдруг – бац! И тут появляется Люда, которая каким-то образом узнает о проблемах обер-секретаря и предлагает ему помощь – полное восстановление способностей! Взамен надо лишь предать своего князя и проверить некую сделку!

Возможно! Но что за предмет сделки? Что за компания, в уставной фонд которой стремятся попасть москвичи?

– Вечер добрый, сосед! Любуешься закатом?

Вздрыгнув от неожиданности, я повернул голову на голос. На соседнем балконе, отделенный от меня полутораметровой перегородкой из толстого стекла, стоял пожилой мужчина. Даже старик: среднего роста, со сморщенным печеным яблоком лица и коротким ежиком седых волос. Ко всему прочему он был слепым, обращенные на меня глаза были затянuty белесой пленкой. Жутковатое зрелище, особенно для человека, погрузившегося в мысли и вырванного из них неожиданным приветствием. Голос, кстати, такое хриплое карканье, очень ему подходило.

– Добрый вечер, – поздоровался я чуть настороженно. Соседи – это плохо. Они могут знать Игоря и завести разговор, в котором я могу проколоться. – Да, закат впечатляющий.

Красный шар солнца и правда наполовину ушел за горизонт, окрасив ленту Амура в медь.

– Я не вижу, ты же знаешь! – усмехнулся старик. И внезапно сменил тон со светского на деловой и требовательный: – Игорь, а почему я тебя не чувствую?

«В каком смысле?» – чуть не выдал я вслух. Это было бы неуместно. Тон, которым был задан вопрос, предполагал, что я должен понимать суть сказанного.

– Хм-м? – многозначительно ответил я вместо этого.

– Пожалуй, соглашусь, вопрос бестактный, – произнес сосед, по-своему истолковав мое хмыканье. – Для любого другого. Но не для меня.

А мы что, родственники? Что он вообще имеет в виду? Я почувствовал, как паника поднимается из глубины безмятежных вод. Вот ведь не было печали!

– Э-э...

Что отвечать, я не знал, проклятый старик застал меня врасплох!

– Да ты не Игорь! – выдал тот внезапно.

Лицо его стало суровым. В следующий миг он легко, даже изящно, перепрыгнул стеклянную перегородку, оказавшись в полуметре от меня. Рука-ветка с неожиданной силой схватила меня за рубашку и выдернула из кресла.

– Кто ты такой?

Это уже был не старик. То есть внешне-то сосед выглядел как прежде – божьим одуванчиком, но от него исходила какая-то такая сила, что я воспринимал его совсем иначе. Этаким здоровяком, которому ничего не стоит уделать меня одной левой.

– Я могу все объяснить!.. – выпалил я задушенно.

– Да уж, изволь.

Рука старика разжалась, и я рухнул обратно в кресло. Сам же он спокойно присел в соседнее. Безошибочно, словно зрячий, нашел на столике чайник, налил в мою кружку настоя, сделал маленький глоток.

– Я слушаю.

Начал я с попытки убедить его в том, что он ошибся. Что я – Игорь Антошин, собственной персоной. Что живу я в этой квартире, вот мой паспорт, вот прописка. Только когда сунул ему под нос раскрытый документ, сообразил, что глупость сделал – он же не мог видеть! Старикан слушал меня внимательно, не перебивал. Просто сидел и пил мой чай. Когда я иссяк и с минуту затравленно смотрел на незваного гостя, раздумывая, не пристукнуть ли его для сохранения инкогнито, он поставил чашку на стол и спросил:

– Ты закончил? Тогда расскажи мне правду.

Ага, щас! Во-первых, не твое дело, во-вторых, не поверишь, а в-третьих – сам-то ты кто такой? Этот вот вопрос, третий по счету, я ему и озвучил. И тут же понял, что на нем и погорел. Мой двойник знал этого человека, а я только что сообщил ему, что он мне незнаком.

– Ну вот видишь, – отметил данный факт старик. – Даже наставника своего не узнаешь. Какой же ты Игорь? Рассказывай давай.

Наставник, блин! Принесло же на мою голову! Зло глянув в затянутые пленкой глаза гостя, я неожиданно для себя вывалил ему все. Как перепуганная девица! Не знаю почему: может, устал в себе правду носить, а может, и правда испугался этого жуткого старикана.

Тот выслушал меня, не дрогнув лицом. Словно бы каждый день ему рассказывали истории про пришельцев из иных миров, занявших тело старых знакомцев. Не задал ни одного уточняющего вопроса, не кивнул, не протянул «да уж». Замер истуканом в кресле и молчал.

Когда же заговорил, первые его слова были такими:

– Что ж. Это все объясняет.

– Правда? – слыша в своем голосе нотки истерики, воскликнул я. – А мне объясните?

– Я говорю про твое поведение, а не то, как ты оказался в теле Игоря.

– Меня, кстати, тоже Игорем зовут! И фамилия такая же! И выгляжу так же... почти так же.

– Двойник, значит. Доппельгангер.

– Кто?

– Двойник, на старонемецком. Темная сторона личности, антитеза ангелу-хранителю, если хочешь.

– Я не доппельгангер!

– Да понятно, – махнул старик тонкой ручонкой. – Это я так сказал, для образности.

– А мне бы очень конкретики хотелось!

– Конкретики, Игорек, у меня для тебя нету, – хохотнул он. – Конкретики, мой дорогой пришелец, мне и самому хотелось бы. Кстати, давай уже знакомиться тогда. Иван Павлович Кобяков. Наставник высшей квалификационной категории, в отставке. Прежний Игорь меня просто дядей Ваней звал. Да и все, кто знает, если подумать. Так что ты тоже так зови.

– Очень приятно, – автоматически откликнулся я и пожал протянутую руку, которая оказалась совершенно обычной: стариковской, мозолистой и слегка подрагивающей. Никакой скрытой силы.

– И мне. Никогда, веришь ли, с пришельцами не общался.

– Я не пришелец!

– А кто, мил друг? Чужой ты в этом мире. В теле этом – чужой. Вот и выходит, что пришелец. Хоть незлонамеренный, и то хорошо. Как же тебя за целый день-то никто не раскусил?

Я пожал плечами и высказал волновавший меня вопрос:

– А вы как?

– Аура у тебя другая, Игорь. Я хоть и в отставке, но наставник, не забывай. У настоящего тугая спираль из трех цветов – решительный парень... был. И маг сильный, с пацанов у меня в обучении. А у тебя будто каракатица щупальца во все стороны тычет. И дар тлеет так глубоко, что присматриваться нужно.

Иван Павлович пальцами показал, как выглядит моя аура. Сидел расслаблено и явно не торопился бежать и ставить князя в известность о подмене. От прежней строгости на лице не осталось и следа, теперь со мной соседствовал добродушный старичок, заглянувший в гости на вечерний чай. Его, казалось, полностью удовлетворил мой рассказ. И он хоть и находил его необычным, но все же не настолько, чтобы пытаться меня о том, куда я дел прежнего насельника.

Но я все же поинтересовался его планами.

– Дядя Ваня, – тьфу ты, как пацан какой! – а вы про меня теперь кому-то расскажете?

Тот, не вставая, повернулся ко мне. Морщинистое его лицо выразило полное недоумение.

– Зачем бы? Ты человек неплохой и не злой, просто в оборот попавший. Кому польза будет, если я про тебя расскажу? Тебе точно не будет.

– Ну как же! – неизвестно отчего стал я играть роль адвоката дьявола. – А если я сюда со злым умыслом отправлен? Князя известить! А вам сейчас вру, чтобы бдительность усыпить!

«Антошин, ты чего несешь, кретин? Ты, вообще, чей друг – мой или медведя?»

– Да ну! – отмахнулся наставник высшей квалификационной категории. – Глупости не городи. Тоже мне – злоумышленник! У Николая Олеговича дар на порядок сильнее, ты ему ничего сделать не сможешь, кроме как разозлить. К тому же Игорев-то дар в тебе спит. Ты сейчас, мил друг, хомо ординарус! Куда тебе супериорам вредить!

Это он, как я понял, на латыни заговорил. Ординарус – это обыкновенный, а супериор – тоже все понятно.

– Но если ты тревожишься, то давай я тебя попытаю. Чего делать собираешься? Какие планы в новом мире?

Я беспомощно развел руками.

– Не знаю. Попытаюсь выжить и разобраться, как назад вернуться.

– Достойный план, – кивнул старик. – Нелегко тебе придется. Попади ты в человека попроще – и не заметил бы никто. А так... Все же правая рука князя...

– ...И третий по силе боевой маг княжества! – закончил я за него и заржал. Целый день хотел это сделать.

– Чего смешного-то? – недоуменно каркнул дядя Ваня. – Так и есть где-то. Я, конечно, за таблицами уже год как не слежу, но да. Третьим Игорь был.

Давя приступы смеха, я попытался объяснить соседу соль шуток. Про магов, точнее их полное отсутствие в моем мире, про сказки-фэнтези, в которых они обычно фигурируют.

Это пояснение впечатлило Ивана Павловича куда больше истории про переселение сознаний.

– Вона как... – протянул он. – Совсем людей с даром не рождается?

– Ага. Есть всякие бабки-ведуньи, целительницы и экстрасенсы, но это шарлатаны.

– Как же вы тогда... – Старик казался сбитым с толку. – А кто правит тогда людьми? И на каком основании?

Теперь вопроса не понял я.

– Что значит «на каком основании»? Правит... ну, Россией – президент.

– Всей, что ли? – Дядя Ваня открыл рот и продемонстрировал прекрасные протезы. – А князя не против?

– Так нету князей!

– Как так – нету?

Пришлось делать отступление и вкратце обрисовывать Ивану Павловичу принципы административного управления и политической системы современной России.

К концу рассказа на старика было больно смотреть.

– Вот ведь ересь-то, Игореша!.. – протянул он обескураженно. – Как вы там живете-то?

– Да нормально вроде...

– Да где ж нормально-то! – вскричал старик. Мой ликбез явно его разозлил. – Владелец не просто так владельцем зовется! Свое право стоять над прочими он силой доказывает! Сможет ли защитить свою землю и людей, живущих на ней, в случае чего? Хватит ли силы рубежи оборонить и врагов не пустить? А? Как он это сделает без личного дара и без дара присягнувших?

– Да не кипятитесь вы, дядя Ваня, – успокаивая собеседника, поднял я руки, но вспомнил, что этого жеста он не увидит. – У нас есть армия, современное вооружение...

– Детские игрушки! – отмахнулся тот. – Как ваша армия Пламень Небесный остановит? Или современное вооружение с Шестой казнью справится?

– Так нет у нас такого! Ни Пламени, ни Казней!

– А, ну да, – будто опомнился старик. Злость его разом схлынула, оставив на песочке растерянность. – И вправду... Но до чего же чудно вы живете, Игорь!

– И не говори, дядя Ваня, – хмыкнул я, думая совсем о другом.

О том, в частности, что начинаю творящийся со мной бред воспринимать серьезно. Всех этих магов-колдунов, князей и их карликовые страны. Даже соседа своего, учителя магов, способного видеть чужую ауру, я воспринимал вполне нормально. Естественно. И это немного пугало.

С дядей Ваней мы просидели на балконе до наступления темноты. Я жадно впитывал все, что старик говорил о своем мире, он живо интересовался тем, как обстоят дела с тем или иным предметом в моем. Проговорили бы и за полночь, но осенняя прохлада загнала нас в дом. В мою квартиру. Где на кухне мы и продолжили разговаривать.

В конце концов, раз уж пошла такая откровенность, я решил вывалить на своего собеседника события сегодняшнего дня. И попросил совета.

– Ну, в целом мысли-то у тебя правильные возникли, – сообщил дядя Ваня, когда я сказал ему о своей догадке измены Игоря князю. – Переезд для боярина его уровня – это измена.

Не сговариваясь, мы стали говорить о настоящем Игоре в третьем лице.

– Но я, как и ты, не могу придумать достойной причины, которая бы оправдала такое. Понимаешь, боярские роды у нас князю служат поколениями. Князь с присными – это уже сам по себе род. Нельзя в него просто так войти, и тем более нельзя выйти. Так что причина должна быть очень веской.

Я тут же выдвинул свою теорию про потерю дара. Старик ее разрушил одной фразой.

– Вчера с ним на балконе беседовали. Все с ним в порядке было. Нет, тут что-то другое.

– А убийство? И триада? Это же как-то связано с его изменой?

– Как-то связано, тут спорить не стану. Но как – не вижу. Надо бы тебе этот вопрос хорошенечко изучить.

– Да я же не сыщик!

– Теперича сыщик, – отрезал дядя Ваня. – Хочешь выжить и домой вернуться – ищи разгадку. Не просто так это твое перемещение произошло. У Господа Бога ничего за просто так не происходит!

– Это что же, он меня сюда? – пошутил я.

– Сам-то вряд ли, – не принял тона старик. – Есть у Него кому частными вопросами заниматься.

Он, похоже, уже ответил для себя на вопрос, как я оказался в теле его воспитанника. Свалил все на Творца, что свойственно людям старшего поколения. В некотором роде я понимал такой подход, хоть и не разделял его. Хорошо иметь такую непрошибаемую ничем веру. Всегда подобным людям завидовал.

Про себя я могу сказать, что верю во что-то. Во что-то, стоящее над человеком. Некий Высший Разум или вроде того. А попытки придать этому непознанному характеристики человеческие, типа Христос или Аллах, считаю обычными спекуляциями. Моя мать, в смысле моя настоящая мать, называла такой подход «всуеверием», то есть верой во все: и в Создателя, и во влияние черной кошки.

Но вот дядя Ваня помянул Бога не как некую Силу, что было присуще большинству моих знакомых, а как личность. Как часть своего мира и его порядка. И при этом не выпендриваясь, без малейшего мистичного оттенка. Как... я не знаю... князя! Да! Как князя! Правителя, которого большинство людей никогда вживую не видят, но при этом ни капли не сомневаются в его существовании. Это... вызывало уважение!

– Опустим это пока, ладно? – Разговоры на тему Бога я принимал только после трехсот граммов коньяка. – А мост? Это же мост через Амур? Россия – Китай? То есть Благовещенск – Маньчжурия?

– Верно. – Наставник-отставник не заметил возникшей паузы или просто не обратил на нее внимания. – Старый уже проект, года три назад только князь и сумел с маньчжурами договориться о строительстве. Выгода-то от того моста всем немалая, но постоянно будто мешало что-то! То денег нехватка, то маньчжуры в отказ идут. Ты вот сейчас рассказываешь, а я и думаю: может, и правда мешало? Точнее, мешали!

– Так могли из-за того моста китайцы... минцы посла убить?

– Да запросто. Лин И тебе все верно сказал. Минцы спят и видят вернуть отколовшиеся сто лет назад земли. Это вопрос национального престижа, как они говорят. Только за возможность вернуть маньчжуров в империю они спокойно на убийство посла пойдут. На Благовещенск-то не полезут: триумвират дальневосточных княжеств им так в пятьдесят шестом всыпал, что они до сих пор от страха икают! Шестая казнь в исполнении отца нынешнего князя – это вам не сухарики с печки таскать! Даманский вон до сих пор пустой стоит!

У них, выходит, конфликт на Даманском тоже был, только на тринадцать лет раньше, чем у нас? Интересно, что это за Шестая казнь такая? Это же библейское что-то? Казни египетские, точно! А что там было шестой по счету?

Мысли о природе отдельного боевого заклинания перетекли к общим вопросам магии. А именно, к овладению даром Игоря.

Немного опасаясь отказа, я все же спросил у старика:

– Дядя Ваня, а меня можно магии научить?

Ответил он не сразу. Сперва всмотрелся в меня своими жуткими глазищами, чему-то там в своей голове кивнул и подтвердил словами:

– Можно. Дар Игорев в тебе имеется. И ты уже обращался к нему сегодня.

Пришлось рассказать дяде Ване свой позорный опыт применения способностей. Про остановку пульсара, пули и опрокидывание нападавших какой-то воздушной волной.

После моего рассказа клюющий носом старик оживился и стал требовать деталей.

– Голой силой бил, выходит! Без техники! Ну надо же! Кровь носом не шла потом?

– Нет... Вроде нет.

Хотя мог ведь и не заметить. После пальбы Мишико из «миротворца» я весь в кровище был.

– Хороший потенциал! – одобрил наставник.

– А вы... вы меня научите? – Опасаясь отказа, я затараторил: – А то ведь если мне в этом окружении магией не владеть, я же проколюсь на раз-два! Ну и хочется хоть как-то уметь себя защитить!

Иван Павлович вновь взял паузу, буравя меня белыми буркалами. Он явно пребывал в сомнениях. Одно дело – выслушать бред незнакомца в теле своего бывшего ученика и не донести о том князю. Тут отбрехаться легко: например, сказать, что не принял пьяный треп

обер-секретаря всерьез. И совсем другое – поверить, взять его в обучение. Какие у них тут правила вообще?

– Научу, – решил он наконец. – Тайно, разумеется. Ни к чему иным знать. Да и я в отставке, не положено по правилам-то.

– Да я никому, дядь Ваня!..

– Можем прямо сегодня и начать. Все одно заболтал ты меня, не усну уже.

– Ух ты! – Я аж с места подскочил. – Правда?

– Правда-правда. – Дядя Ваня хохотнул довольно и с каким-то непонятным мне злорадством. – Пойдем в зал.

Минуты через две я, босой и с голым торсом, сидел в подобии позы лотоса в центре зала и пытался узреть точку своего дара внутренним взором. Естественно, ни фигура ее не находя. Вредный старик в этом нисколько не помогал. Явно скучавший много лет без обучения молодняка, он сидел в нескольких шагах от меня и мерно каркал.

– Смотри в центр себя. Ищи узел. Прикоснись к нему.

Чего туда смотреть? Пуп там! Пупа я, что ли, своего никогда не видел? С другой стороны, а чего я хотел? Что он сразу же научит метаться огненными шарами? И останавливать пули? Наивный чукотский юноша!

Глава 6. Следователь

Выспался я прекрасно, хоть и лег часам к трем ночи. Упрямый наставник не отпускал меня до тех пор, пока я не узрел узел дара, хотя подозреваю, что разглядеть мне удалось лишь черные мошки перед глазами. Одну из которых я и принял за пресловутый узел. По крайней мере, никакого изменения в организме я не ощутил. Такого, чтобы швыряться молниями, по крайней мере.

В теоретической части магии, к слову, я вообще ничего не понимал, а мой обретенный наставник не спешил развеять невежество ученика. Ну нельзя же назвать уроком теории его невнятные объяснения!

«Три вида дара есть, Игорек. – Осознавший, что перед ним не могучий маг и замкнязя, а «китайская подделка», старикан стал именовать меня так, как и мать с четырнадцати зареклась. – Царский, боярский и мирской. Про первый тебе вряд ли кто-то сможет рассказать: носителей царского дара и среди князей-императоров осталось едва ли пара десятков человек на весь шарик. А те, что владеют, сами потомков учат, чужих в тайну не пускают. Известны несколько проявлений царской силы, в частности Шестая казнь. Жуткая штука, Игорек! Ни своих, ни чужих не разбирает, бьет по площади в сотни квадратных километров. Будет время – почитай про Даманский. Это единственное, что доподлинно известно.

Второй дар называют боярским. Или боевым, из одного корня слова-то. У боярской магии применение одно – бой. Этот дар мы в тебе и пытаемся разбудить, так что ты слушай, да про узел не забывай! Тренированный маг на то и силы не тратит – всегда перед внутренним взором его держит. Ровно как обычный человек пистолет, или, как сейчас вот, телефон. Всегда ведь знаешь, в каком кармане он лежит. Носителей боярского дара на свете больше других, даже среди простых людей порой рождаются. Но в основном, конечно, в древних семьях, кровь не мешающих. Боевой магией можно убить, покалечить, обездвижить множество людей. А вот вылечить – ни одного.

Лечение во владении третьего вида дара – мирского. Его еще магией подобия называют, или целительской. Хотя человек с мирским даром не только лечить способен, но и убить. Проклясть, например, так, что сам зачахнешь, а врачи и причины не найдут. Но носители дара отчего-то с трудом вредительство делают, а вот лечат без всяких проблем. Одно у них ограничение – объектом применения дара одномоментно является один человек».

И ни слова о том, как колдовать! Нужно чертить знаки на земле? Кричать слова на мертвых языках? Использовать кровь некрещеных младенцев или девственников? Или достаточно было возжелать чего-то, и оно происходит? В каких пределах? И есть ли они, эти пределы? В общем, вроде много дядя Ваня болтал, пока я в пупок пялился и со сном боролся, а толком-то и не рассказал ничего.

Словом, вопросы, вопросы, вопросы. Добро пожаловать во второй день вопросов без ответов! На самом деле это я просто брюзжал с утра от недосыпа. План на день у меня, спасибо дяде Ване, сложился, да и вопросов все же поменьше стало.

Первым делом поехал к главному жандарму. К Федору Георгиевичу, которого я ни по фамилии не знал, ни по должности. Даже номера его телефона не имел, хотя он и мог быть в зашифрованных контактах телефона. С другой стороны, я был замом князя по общим вопросам и умел пользоваться навигатором. В котором и нашел здание управления жандармерии княжества.

Остановив «Москвич» прямо у парадного подъезда управы, я намеревался было уже идти внутрь, но был остановлен строгим жандармом в черной, как у киношных эсэсовцев, форме. Худощавый усач неодобрительно посмотрел на припаркованную как попало машину, остановил меня у дверей и произнес:

– Не положено, боярин!

Сказано это было без агрессии, даже с некоторой почтительностью, но без капли виноватости. Так обычно говорят люди, на сто сорок шесть процентов уверенные в собственной правоте, но не страдающие синдромом вахтера. Ожидавший поведения, как у вчерашнего охранника, я даже растерялся.

– Что?

Услышал свой голос, жалкий, в лучших традициях притесняемой интеллигенции, и рывкнул:

– Что?!

Вот! Так значительно лучше!

Жандарм, хоть и отпрянул на полшага, не сдался.

– Не положено, боярин, – твердо повторил он. И голову чуть опустил, будто бычок, бодаться собравшийся. – Парковать машину на подъезде к управлению запрещено.

Вот еще беда! На каждом шагу в коровьи лепешки вступаю! В нашем мире я бы так нагло не поступил, по крайней мере, на личном транспорте. А вот если с кем из министров, на служебной – да. И уже с минуту объяснял бы зазнавшемуся гаишнику, где будет находиться его следующее место службы. А здесь отчего-то решил, что мой статус позволяет вести себя, как... боярину среди смердов. И ошибся.

Как быть теперь? С одной стороны, мой здешний статус значительно выше. Если судить по манерам того же Мишико, командовавшего «копами» после стрельбы на набережной, я мог этим жандармом улицы мести, а он бы только подсказывал, где еще грязь осталась. С другой стороны, мое поведение могло нарушать какие-то неписанные правила, а я ведь и писанных не знал!

Послушаться и отогнать машину? Потеря лица, без вариантов! Что за замкнязя, которого обычный вахтер гоняет? Наорать и пригрозить лютой магической расправой? То же самое, только с другой стороны. Вон как служивый уперся! Умеете вы, Игорь Сергеевич, создавать себе сложности! Явно для героического их затем преодоления!

К счастью, мозг не подвел. Выловил в своих недрах фразу охранника резиденции князя: «Матвеев службу знает». И дал мне достойный выход из самостоятельно созданного тупика.

– Как фамилия? – строго спросил я жандарма.

Усач вытянулся, только что каблуками не щелкнул.

– Марьин!

– Благодарю за бдительность, Марьин!

Вышло, вроде как проверял я его. Как, мол, жандармы службу несут? Не допускают ли нарушения устава в пользу чинопочитания? Не допускают, молодцы!

Короткий кивок в ответ. Тут явно не принято орать в ответ: «Рад стараться, ваше превосходительство!» – хотя было бы забавно! Но стоять остался на месте, то есть прямо у меня на пути. Ну, держи вторую порцию, служба! Здесь моего двойника с пеленок учили магии, я же в родном мире со школы постигал основы манипулирования людьми.

Придвинувшись к жандарму, я вполголоса произнес:

– Будь другом, Марьин. Отгони на парковку. Спешу, спасу нет! Федор Георгиевич уже заждался, поди!.. – И, не давая ему опомниться, сунул в руки ключи от машины.

– Спасибо, выручил! С меня причитается. – Это я ему уже через плечо бросил.

Выкрутился! Время потратил, чуть на конфликт ведомств не нарвался, но выкрутился! Поосторожнее нужно быть, Игорь Сергеевич. Титул боярина тут барства чиновничьего не предполагает.

– К Федору Георгиевичу? – Еще один жандарм, дежурный, опередил меня с вопросом. Выскочил из боковой двери, едва я только к лестнице подошел. – У него совещание, но вы...

– Ты, мил друг, вперед ступай да доложи, а я за тобой пойду, – не дал я ему закончить и даже уместно вернул дядь-Ваниного «мил друга». – Нехорошо будет, если я посреди важного собрания ворвусь.

Собственное положение в местном обществе мне решительно нравилось! Второй жандарм тут же нашел для меня провожатого, и я, следуя за этим живым навигатором, быстро добрался до кабинета начальства. Выждал полминуты, пока обо мне доложат, и вошел внутрь. Заодно и фамилию с должностью главного жандарма выяснил: Фочин, генерал-аншеф от жандармерии.

У Федора Георгиевича оказался классический такой кабинет управленца-силовика. Универсальный, наверное, для каждого из миров, сколько бы их ни было. В нем имелся длинный стол для совещаний у одной стены, поодаль – рабочее место с компьютером, зеленой лампой и стопкой бумаги, а на стенах висели, уравнивая друг друга, флаг княжества, портрет Николая Олеговича и иконка с горящей под ней свечой. Верный сын православной церкви даже красный угол на работе организовал!

Владелец кабинета, сидевший во главе совещательного стола, при моем появлении пристал и поздоровался. Следом за ним, скрипнув стульями, поднялись еще трое полицейских. Руководители направлений, ни дать ни взять! Все мордатые, но не хряки домашние, как у меня на родине, а будто лесные секачи. Грузные, но не толстые. На бывших борцов-вольников в тяжелом весе похожи.

– Доброе всем утро! – жизнерадостно возвестил я. Пожал руку начальству, кивнул всем остальным. Уселся на свободный стул и спросил: – Ничего, если я присоединюсь? Одно же дело делаем.

Последнюю фразу я произнес с нажимом. И со значением глянул на Федора Георгиевича. Тот понимающе кивнул и буркнул:

– Располагайтесь.

Я собирался самым наглым образом влезть в расследование убийства маньчжурского посла. Выяснить все, что известно главному полицейскому и его людям. Использовать, так сказать, служебное положение в личных целях. И по счастью, попал прямо на совещание по данному вопросу. Хотя вряд ли это везение. Если прикинуть, то ничего более важного у жандармов просто быть не могло!

– Коллеги уже отчитались о ходе расследования убийства посла Чжень Ю. Ничего нового, коротко говоря. Отрабатываем след триады, но косолазые после вчерашнего залегли на дно, и найти кого бы то ни было стало весьма непросто. Сами же знаете, Игорь Сергеевич, как встает диаспора, когда кого-то из них ищут.

Я кивнул – знаю, мол. И в самом деле знал. Не уверен, что в моем Благовещенске были представители триады, но абсолютно убежден, что все китайцы встали бы стеной, укрывая своего соотечественника. Их сплоченности в минуту опасности русским остается только завидовать.

– Есть одна зацепка, – подал голос один из замов начальника. Голос у него был хриплым, про такой еще говорят: прокуренный. – Один из моих людей может знать, где лежка у триады.

– Так чего мы еще не там? – ощутив азарт охотничьего пса, вскинулся я.

Жандарм замялся. Он уже явно сожалел, что открыл рот при начальстве, но дороги назад не было.

– Не уговорили еще, – вытолкнул он фразу. С таким видом, будто избавился от завтрака.

– Чего? Кого не уговорили?

Жандармы переглянулись. Все четверо, даже начальник управы! И на меня не смотрели, словно я исчез в одночасье. Вопрос внутренней кухни, к бабке не ходи! Какие-то сложности, выносить которые на суд посторонних было совсем не с руки.

Но обстоятельства перевесили тяжесть круговой корпоративной поруки.

– Самойлова, – как старший, ответил за всех Федор Георгиевич. – Вячеслава Антоновича сын.

Таким тоном, будто мне сразу должно было все сделаться понятно. То есть кое-что я понял: некий подчиненный Фочина – Самойлов – был норовистым и своенравным сукиным сыном. И сыном местной шишки, раз его закидоны терпели.

– Того Самойлова? – сыграв понимание, спросил я.

Четверо жандармов синхронно кивнули. Того, мол, самого. Кого же еще!

Важно покачивая головой, что на языке жестов чиновничьего сословия означало примерно «как же, как же, его я помню!», задал следующий вопрос:

– И что же с ним не так? Почему его уговаривать нужно?

Слава русскому языку, самому, на мой взгляд, могучему инструменту на земле в области намеков и недоговорок. Умеющий им пользоваться может часами вести разговор на тему, в которой не смыслит ничего. Да и потом, мог обер-секретарь о чем-то запомнить? Мог! Без Самойловых, знаете ли, хватает информации!

Силовики вновь переглянулись. Для меня это было как текстовые сообщения: «Кто будет говорить?» и «Что же, ему теперь все рассказывать?»

Когда обмен данными закончился, заговорил Фочин.

– Вы, должно быть, пропустили эту историю, Игорь Сергеевич. С Самойловыми. Там скандал на всю столицу гремел, но больше, конечно, в светской направленности. Пару лет назад.

– Похоже, пропустил, – пожал я плечами, всем своим видом демонстрируя, насколько не играют роли для заместителя князя светские сплетни. – Что там такое?

– Глеб Самойлов хотел девицу без дара и рода в семью ввести. Влюбился – мальчишка! Отец воспротивился – род-то их древний – и изгнал наследника из семьи. До тех пор, пока тот не образумится. Ну а сын в него – яблоко, как говорится, от яблоньки. Тоже упрямый. Женился на девице, отдельно жить стал. Да еще и в жандармерию бумаги подал – примите, мол, на службу следователем. Явно в пику отцу. Князь, неофициально, велел брать. Да я и сам рад был, если честно. Следователей недокомплект, а с даром так и вовсе никого! Только дэберы, но те больше по части ломать, не разговаривать.

– Кто? – автоматически отреагировал я на неизвестное слово.

И тут же обозвал себя последними словами. Наверняка ведь известный всем термин!

– Дружина быстрого реагирования, – без удивления моей неосведомленностью отозвался зам Фочина. – Мы между собой их дэберами зовем.

– А, эти! Так и что там с Самойловым дальше?

– А ничего. Служит уже два года. Точнее, служил. Как раз по международной теме работал, с триадой плотно общался. Я уже думал ему старшего следователя давать, как он сорвался и на задержании погрошил в фарш трех человек.

– В смысле?

Ничего себе у них мажоры развлекаются! Трех человек! Я вспомнил пробивающего рукой грудные клетки Мишико и подумал, что оборот «погрошил в фарш» вряд ли является образным преувеличением.

Фочин бросил взгляд на говорливого зама, едва заметно кивнул ему. Рассказывай, мол. Твой человек.

Тот едва заметно вздохнул и заговорил фразами короткими и обрывистыми. И кажется, злыми.

– Сорвался. Бывает такое у следователей. Баба там была и дите новорожденное. На цепи. И этих – трое.

– Андрей Евгеньевич! – одернул его Фочин, видя, что доклад заместителя выходит не совсем понятным. – Извольте толком говорить!

– Виноват! – тут же собрался жандарм. Речь его тут же изменилась с человеческой на казенную и потекла гладкой речкой. – Следователь Самойлов вел дело о похищении людей с мирским даром. Два месяца назад в ходе расследования он вышел на след группы лиц, ответственных за это. Точнее сказать, на местную ячейку преступной организации, которая занимается похищением людей с даром, преимущественно женщин. Похищенных использовали...

Здесь жандарм на пару секунд замялся: стройный его канцелярит не мог подобрать верного слова. На помощь ему тут же пришел Фочин, буркнувший вполголоса:

– Как маток.

– С целью получения от них детей с даром, которых потом продавали в преступные сообщества по всему миру, – тут же закончил фразу заместитель. – Самойлов выехал на задержание самостоятельно, не уведомив о том руководство. Оказавшись на месте, где содержалась одна из похищенных и ее новорожденный ребенок, а также трое похитителей, он, по неуставленным причинам, устроил самосуд. А именно – применил боярский дар со смертельным исходом для всех троих подозреваемых. После чего доставил женщину, находящуюся в бессознательном состоянии, вместе с ребенком в целительский центр «Лоза». А затем самостоятельно прибыл в управление, признался в намеренном убийстве подозреваемых и был задержан. С тех пор находится в камере и ждет суда. Никаких пояснений о происшествии не дает. На контакт не идет, ни с кем не общается. Дело-то мы закрыли, да и похищений больше не было, но вот...

Жандарм развел руками, завершая фразу. Он был на стороне этого Глеба Самойлова, без вариантов. И сожалел, что хорошего человека, раз оступившегося – а кто бы тут не оступился? – приходится держать в камере. И не собирался этого скрывать, хоть и прятал свои эмоции за чиновничьими формулировками.

– М-да... – протянул я после некоторой паузы.

История диковатая: преступная организация, похищения женщин, продажа детей с даром, слетевший с катушек следователь-маг. Вот тебе и тихий провинциальный Благовещенск! Хотя чего я ждал? Это в моем мире он провинциальный областной центр, где жизнь течет гладко и размеренно. Здесь Благовещенск – столица! Граница, торговля с другими странами, преступность соответственно. И все без оглядки на федеральный центр.

– Я с ним сегодня пытался поговорить, – продолжил жандарм, вновь сменивший обороты чиновника на людскую речь. – Он ведь точно знает, как на триаду выйти. Но нет! Сидит истуканом, на стену смотрит и молчит.

Что-то в этой истории с Самойловым мне не нравилось. С чего бы следаку мочить преступников, а потом сдаваться своим? Ну, психанул, допустим, ребенка увидев, сорвался. Грохнул злодеев. Замел бы следы, да и вся недолга! А спасенная женщина, даже если и видела чего, из благодарности поддержала бы любую его историю! Определенно, что-то не так тут. С другой стороны, оно мне надо? Меня другое должно интересовать.

– А он точно знает? – спросил я.

– Плотнее всех с триадой работал! Ни у кого таких контактов с косыми нет! – уверил меня Федор Георгиевич. – Толку, правда...

– Надо уговаривать. – Я поднялся. Триада была единственной зацепкой в деле. А его раскрытие – способом выжить в чужом и не очень спокойном мире. Этот Самойлов был мне нужен, и точка! – Проводите?

– Куда? – не понял генерал-аншеф.

– К задержанному, куда же еще!

Спорить со мной не стали. Точнее, едва начали пытаться, как я оборвал их властным взмахом руки и словечком из лексикона князя:

– Баста!

После чего был сопровожден по запутанным коридорам управы и выведен на задний двор. Здесь стояли служебные автомобили – желто-зеленого окраса джипы с уже знакомым

логотипом «Ладоги» – и несколько построек. Одной из которых оказался изолятор временного содержания. Внутри он, как и все подобные места, пах мочой и куревом, хотя выглядел светлым и чистым.

Сопровождавший меня Андрей Евгеньевич остановился у стальной двери с цифрой 4 и дал знак охраннику открыть ее.

– Со мной не входите, – попросил я его.

Получил в ответ кивок, шагнул в камеру.

«Чистенько!» – отметил я, оглядывая место содержания мага-следователя.

Длинная и узкая коробка с белыми стенами. Вдоль одной стены – лавка, место для сна, у другой – крошечный умывальник и унитаз. Окон нет, единственный свет исходит из закрытого частой решеткой плафона под потолком.

На лавке сидел арестант в застиранной синей робе, вроде больничной пижамы. Щуплый паренек из категории ботанов: редкая клочковатая бороденка, сальные светлые волосы, узкое лицо мышонка и большие очки. Сидел ровно, словно прилежный ученик на уроке, сложив на коленях тонкие руки и закрыв глаза.

– Здравствуй, Глеб, – произнес я, остановившись посреди помещения, в двух маленьких шагах от него.

Сразу решил вести себя с ним просто, без чинов. Ему, должно быть, сейчас на мои регалии с высокой колокольни плевать.

Самойлов никак не отреагировал. Восковая скульптура, а не человек. Даже веки не дрогнули.

– Я обер-секретарь князя Игорь Антошин.

Тишина. Полный, тотальный даже, игнор.

– Глеб, мне нужна твоя помощь. Я расследую убийство маньчжурского посла. Есть подозрения, почти уверенность, что это сделала триада.

Чуть дрогнул мизинец на левой руке. Едва заметно, но я смотрел во все глаза. Тема ему интересна? Или мой интерес к ней? В любом случае ему не наплевать. Как бы он ни демонстрировал обратное.

– Триада залегла на дно. Ты знаешь, где их лежки. Скажи – где?

Неподвижность и молчание. Непробиваемое. Сверху чуть слышно гудел плафон дневного света, а во мне росло раздражение. Гнев на этого ботана! Тоже мне, моральная травма у него! Покрошил троих бандитов, и что? Перепугался результата? Никогда последствий своих способностей не видел? А мне тогда каково? Я ведь магию сказками считал! Я, блин, тоже имею право на душевные страдания! В чужом мире, в другом теле, и вообще, маг на побегушках! Давай я тоже замкнусь и буду переживать? Всем сразу станет хорошо!

Хотелось рывкнуть на него, обложить матом этажа в четыре, схватить задохлика за грудки и пару раз приложить к стене! Махом бы вся апатия слетела! Останавливало только понимание, что он тоже маг, только, в отличие от меня, даром своим владеющий. Ведь как-то он порешил трех бандитов, этот хлипкий на вид парень. В фарш.

Вместо этого я тяжело вздохнул, подошел к лавке и сел рядом с Самойловым. Принял ту же позу, что и он, даже глаза закрыл. И после непродолжительного молчания произнес:

– Я в такой заднице, Глеб, ты не представляешь. Даже половину тебе рассказать – не поверишь. Второй день какого-то сплошного блудняка, все летит к чертовой матери, а я даже понять не могу, что тому причиной. Реагирую только на последствия, мать их! Сейчас сижу рядом с тобой и думаю: а может, как ты поступить? Закрыться тут, послать весь мир на хрен и ждать, пока он взорвется! Или не взорвется. Только пусть без меня, а то сил уже нет.

Мне показалось или ритм дыхания Самойлова изменился? Стал менее расслабленным, что ли? Хорошо, если так, значит, какое-то внимание проявляет, хотя и не подает виду.

И я продолжил говорить. Не о себе, а о деле. Опуская, понятно, предположения (почти уверенность, чего там!) об измене моего двойника. Рассказал ему о словах маньчжура Лин И (и его подозрениях), пересказал, слегка приукрасив, нападение триады. Выдал версию с мостом. И услышал вдруг:

– Триада не лезет в политику.

Повернул голову в сторону и столкнулся со взглядом серых глаз. Внимательных, цепких глаз.

– Чего?

– Триада в политику не лезет. Особенно в имперскую. У них об этом с минцами договор подписан лет пятьсот назад. И они ему следуют неукоснительно. Если заказ на убийство маньчжура поступил от империи, те бы просчитали последствия и отказались, даже задатка не вернув. И минцам это известно.

Голос у Глеба оказался под стать внешности: высокий, слегка дрожащий, хриплый от длительного молчания. Но говорил он уверенно, как человек, знающий предмет на пять.

– А чего они на меня полезли тогда?

Про московский след я ему не рассказывал. Но пробудившийся интерес арестанта следовало подкормить.

– Третья сторона. Ты стал мишенью по другому поводу. Не связанному с убийством посла. Совпадение.

А он хорош! Просчитал все на раз-два! По короткому моему рассказу и при отсутствии иной информации.

– Тем не менее с триадой нужно поговорить.

– Они не разговаривают с властью. – Позы Глеб до сих пор не поменял, только голову повернул в мою сторону. – Ты должен это знать.

– Да, знаю! Но это единственная зацепка!

– Ну почему же? Выйди на посредника, сделай заказ на информацию. Не действуй как власть. Действуй как заказчик.

Серьезно? Так можно было? С другой стороны, почему нет? Я плачу триаде за сбор информации о заказчике покушения на меня. Бред, но...

– Если заказчик покушения на тебя не оговорил в контракте такой пункт, как запрет на последующее расследование нападения, что вряд ли, совесть исполнителя чиста.

– Бред какой-то! – Теперь уже я выдал это вслух.

– Это триада, – чуть пожал плечами Глеб. – Такой у них кодекс. Когда с ними работаешь, надо знать правила.

– Китайцы! – буркнул я. – Все у них не как у людей! А на посредника выйти как?

– Походи по городу, поспрашивай. Тут много минцев.

– Ты издеваешься?

– Ага.

Ни капли веселья, однако, в глазах следователя не было. Серьезный взгляд. Оценивающий. В этих глазах я прочитал, что никакого морального страдания от убийства трех человек Глеб не испытывает. Более того, сделал он это рассудочно, с отчетливым пониманием причин и последствий своего поступка. Тогда зачем?

– Ты мне можешь помочь? – спросил я вместо этого.

– Да.

– Чего хочешь в обмен?

Самойлов замолчал надолго. То ли формулировал свои условия, то ли просто не знал, чего требовать за помощь. Потом осторожно проговорил:

– Я выйду. Буду работать по делу с тобой. Когда его раскроем, ты работаешь по делу со мной.

– По какому?

Напарник в виде следователя мне совсем не мешает, но ведь он не про кражу печенья с полки говорит! А это, выходит, что из одного блудняка он мне выбраться поможет и тут же втравит в другой.

– По моему делу. Потрошители.

– Это ты похитителей так называешь?

– Их так по всему миру называют! – внезапно повысил голос следователь.

– Так закрыто же дело?

– Это я его закрыл. Я и открою.

– Глеб, я не следователь...

– Мне не следователь нужен, а именно ты! Ниточки от местной ячейки этих тварей идут очень высоко! Один я ничего не сделаю. С тобой – шансы неплохие.

– Ты раскрываешь, а я прикрываю?

– Да. Такие условия. Решай сейчас. Или проваливай.

Глава 7. Витя-памагай

Очень быстро выяснилось, что парковать машину у входа в жандармскую управу боярину нельзя, а вот вытащить из ИВС – запросто! И даже особо с бумагами возиться не пришлось. Так, пара подписей.

Генерал-аншеф и его присные, конечно, возражали. Но не активно, а так, для галочки.

– Как же так, Игорь Сергеевич! Есть же решение суда о содержании заключенного! И что мне говорить, если кто спросит?

– Валите все на меня, Федор Георгиевич, – посоветовал я ему в ответ. – С князем я сам все решу. – И покинул управление, вместе с переодетым в гражданское Самойловым.

С князем я и правда решу. Ему же результат нужен? Так я и работаю на результат!

Забрал ключи и еще раз поблагодарил Марьина, уселся за руль и спросил:

– Куда?

– В любой ресторан, – откликнулся Глеб. – Очень хочется приличной еды.

Он не выглядел человеком, который радуется освобождению. Как и человеком, который хочет в ресторан. Такой же собранный, серьезный ботан, каким был и в камере. Разве что отрешенность пропала. И в серых глазах проглядывала угрюмая решимость.

– А к жене потом не отвезти? – с издевкой уточнил я.

– Ни в коем случае! – не заметив сарказма, отозвался бывший следователь. – До поры лучше ей не знать, что я вышел. В целом, чем меньше людей будет об этом осведомлено, тем лучше.

Паренек мне нравился, с некоторой, правда, оговоркой. Дерзким он был. Совершенно не улавливал, кто тут главный и кому он обязан. Складывалось впечатление, что он меня считает своим помощником, а не наоборот. И это немного раздражало. Но не устраивать же скандал на ровном месте в первые пять минут сотрудничества? Подождем полчаса. Пусть покушает.

– Как скажешь, – выдал я.

И повез его в «Даурию». Другого общепита в городе я не знал.

Наблюдать за тем, как Самойлов ест, оказалось очень интересно. Потому как делал он это неторопливо, обстоятельно и с таким искренним наслаждением процессом, что сразу же хотелось к нему присоединиться. Он отрезал от бифштекса небольшой кусочек, аккуратно обмакивал его в соус, клал в рот и, закрывая глаза от удовольствия, неспешно его пережевывал.

Я так в армии котлету ел, единственную за два года срочной службы. Растягивал удовольствие от этого подарка судьбы, благодарил приехавших в часть с проверкой генералов и дождался все-таки, что мясо-хлебное изделие остыло до состояния полной непригодности. И все равно съел.

– Не хочешь рассказать про потрошителей? – прервал я молчание, когда Глеб расправился с бифштексом и принялся за пирожное. – Что случилось во время задержания?

Мы же напарники теперь. Нужно знать, чего ждать от человека с даром и тремя трупами за спиной. Я ведь понимал уже, что в его истории с нервным срывом все не так просто. Точнее, предполагал.

– Я их убил.

Десертная вилка отрезала еще кусочек и понесла бисквитно-кремовую массу ко рту.

– Просто так? Вспылил?

Белая чашка с чаем поднялась к губам. Я не надеялся, что он ответит, но ошибся.

– Нет. Так нужно было.

– Зачем? Кому нужно было?

Салфетка с хирургической точностью убрала пятнышко крема из уголка рта.

– Мне. Чтобы дело считалось закрытым и ответный ход потрошителей не ударил ни по кому, кроме меня.

– То есть ты инсценировал нервный срыв, чтобы все решили, будто следак устроил само-суд?

– Да. Я поел. Поехали к Вите.

Манера Глеба отвечать на вопросы меня тоже раздражала. Особенно с учетом того, что здесь ко мне все относились как к птице очень высокого полета. Я даже привыкать уже стал. И тут этот заморыш с раздутым самомнением. Как человеку удастся давать ответ и одновременно посылать сообщение «не лезь ко мне»?

Витей оказался китаец – посредник триады. Средних лет (у азиатов возраст довольно трудно определить), черноволосый и с белым пятном на смуглом лице. Какая-то кожная болезнь с частичной потерей пигментации. Я не помнил ее названия, но людей с очертаниями материка на лице уже встречал.

Нашли мы его на рабочем месте, за прилавком с золотыми и серебряными украшениями, который располагался на первом этаже огромного торгового центра на набережной Амура. Хорошее прикрытие: люди всегда подходят, прицениваются, вопросы задают. Не знаешь, так и не догадаешься, что тут принимаются заказы на преступления.

– Глеба?

Многие китайцы, даже неплохо говорящие на русском, так делают – заканчивают гласной непривычные имена. Хотя мне всегда казалось, что они издеваются, а не испытывают сложности с языком.

– Твоя... Отпустили? Свободна?

Хитрые черные глазки Вити перебежали с Глеба на меня. Вероятно, он пытался понять, зачем его знакомец притащил на встречу еще одного человека.

– Сбежал, – ровно ответил Самойлов. – Только что. Ты сильно занят? Разговор есть.

Непонятно, принял ли китаец шутку Глеба. Он просто продолжил изучающе глядеть на нас обоих.

– Конечно. Давай говорить.

– Не здесь.

– Ты знать: много людей ходи – никто не видеть! – на китайский лад исковеркал поговорку про лес и дерево посредник. – Тут говорить.

В принципе, он был прав. Но мне все равно было немного не по себе говорить об убийстве с посредником триады, стоя возле прилавка с ювелиркой. Понижая голос каждый раз, когда мимо проходили люди.

– Человек хочет сделать заказ, – кивнул на меня следователь. – Триада напала на него, хотела убить. У него нет претензий к исполнителям. Он хочет купить информацию о том, кто заказал нападение.

Взгляд китайца вновь остановился на мне, сделавшись сразу очень холодным. Что-то мелькнуло в глубине черных глаз. Что-то похожее на удивление. Что тебя удивило, раскосый?

– Прости, Глеба-друга! Никак нельзя. Не могу памагай.

Говоря это, Витя продолжал смотреть на меня, никаких эмоций больше не проявляя.

– Заказчик оплатил запрет? – Теперь удивление продемонстрировал Самойлов. Сделал шаг к прилавку: – Seriously?

– Такой умный человек! – восхитился Витя. Он перестал буравить меня взглядом и расплылся в неискренней улыбке торговца. – Видит все! Знает все! Хочешь кольцо жене купить? Минское золото! Высшая проба!

– До свидания, Витя.

Моментально потеряв интерес к разговору, Глеб ухватил меня за локоть и потащил к выходу.

– Скидка хорошая! Потом приходи!

Уже на улице Глеб резко толкнул меня в грудь и прижал к стене здания. Прошипел, как рассерженный кот:

– Ты зачем мне врал?

– В смысле?

Я опешил настолько, что даже забыл о сопротивлении.

– Витя тебя знает. Ты к нему приходил. Как заказчик приходил! Что за игра, Игорь?

Так вот в чем причина пристального взгляда китайца и этой неуловимой тени удивления, которую я заметил. Он узнал меня. В смысле Игоря. Здешнего. Ну двойник! Не устает оставлять мне подарки! Найти бы и прибить сволочину! А то наворотил дел и смылся в неизвестном направлении!

Оторвав от рубашки руку Глеба – сильная хватка у задохлика, – я попытался выиграть время, задав встречный вопрос:

– Уверен?

– Что значит – уверен? Ты сам видел, как он на тебя смотрел.

– Видел. Но не понял.

Я лихорадочно подыскивал слова, которыми можно было объяснить происходящее, но не углубляться при этом в теорию переноса сознаний между мирами. Разумеется, ни черта я не подобрал.

Глеб, приняв мое молчание за нежелание говорить правду, отступил на шаг.

– Пошли в машину. Едем в тюрьму.

– Зачем?

– Затем, что я втемную играть не буду. Возвращаюсь в камеру.

Вот что с ним было делать? С одной стороны, да и черт бы с ним! На посредника он меня вывел, даже подкинул новую зацепку: китаец меня знал. Дальше можно действовать и без него, так что пусть себе возвращается в свою камеру, узник совести недоделанный. С другой же стороны, он опытный следак. Знает, как искать информацию, о чем я имею представление только из прочитанных детективных романов. Да и силой на китайца давить нет никакого смысла, если верить утверждению, что «триада умирает молча».

Значит, нужно заставить Самойлова остаться. При этом не сообщая ему всей правды обо мне, хватит дяди Вани. Пойти по промежуточному варианту, как с матерью? Давай попробуем!

– Ты ведь со мной тоже не до конца откровенен, Глеб. Потребовал от меня согласия на помощь в деле с потрошителями, а сам ничего толком не рассказал. У всех есть вещи, о которых говорить не хочется. К тому же мы с тобой едва знакомы. Ты же не ждал, что я тебе все вывалю?

– Логично, – неохотно признал тот. И тут же вскинулся: – Но в расследовании мелочей не бывает. Я должен знать все!

– Как и я, верно? Если хочешь полноценного сотрудничества, давай строить его на откровенности. Ты рассказываешь мне, что за хрень у тебя произошла с потрошителями, я объясняю свою ситуацию. И после этого продолжаем работать, как договорились.

В этот момент завибрировал телефон у меня в кармане. Взглянув на экран, я, не выдержав, выругался. Пресветлый князь Николай Олегович собственной персоной!

Сделав знак Самойлову, я ответил на вызов.

– Слушаю?

– А ты, Игорь Сергеевич, не перегибашь палку? – ласково начал князь Благовещенский и Тындинский.

– Вы о Самойлове?

– О нем. Какого, прости, хрена ты вытащил заключенного из камеры за неделю до суда и обвинительного приговора?

Гнева, впрочем, в голосе шефа я не слышал. Скорее всего, он не особенно возражает против моего самоуправства, но, получив доклад Фочина, посчитал нужным дать мне начальственного нагоняя.

– Есть хорошая зацепка с послом, Николай Олегович. Прямо сейчас отрабатываем. Самойлов со мной, никуда не денется.

– Хотел бы удрать – не пришел бы сдаваться, – справедливо заметил князь. – Что за зацепка?

– По телефону?

– Хм... Ну да. Ладно. Держи старика в курсе.

Звонок князя значил только одно – он одобрил мои действия. Что вернуло мне чуточку самообладания и даже кроху надежды на удачное завершение дикой этой истории.

Убрав смартфон в карман, я пояснил Глебу:

– Князь. Беспокоится.

– Я уже понял. – И без перехода вернул меня к прерванному разговору: – Согласен. Говорим друг другу все честно. Потом работаем.

Вот так! Я ему, выходит, нужен был не меньше, чем он мне. Это хорошо!

– Начинай тогда.

Вот так и возвращается утраченное лидерство, мальчик Глеб! Учись!

– Пошли в машину, – буркнул тот.

Он долго устраивался на сиденье, всячески оттягивая начало рассказа. И начал его, только когда я нетерпеливо кашлянул.

– Перед тем как убить потрошителей, я их допросил. Девчонка ничего не видела, ее и ребенка я усыпил. Допрашивал жестко, уже тогда понимал, что в управе мне этого сделать не дадут. Догадывался, что за рядовыми похитителями стоит крупная фигура из местных бояр. В принципе, так и оказалось. Арцебашев.

Тут Самойлов сделал паузу, как бы предлагая оценить размах бедствия, открывающегося с оглашением этой фамилии. К сожалению, сделать этого я не мог, поскольку фамилия была мне совершенно незнакома. Но я сделал большие глаза и повторил:

– Арцебашев?

– Угу, – кивнул Глеб. – Воевода наш.

Боясь ошибиться, я плюнул на осторожность и уточнил:

– Ты сейчас про Михайлу Генриховича говоришь? Здоровенного такого дядьку?

– Да. Про кого же еще?

– Просто уточнил! – вскинул я руки. – Слушай, но ему это зачем? Он же приближенный князя!

– Ты знаешь, сколько стоит младенец с мирским даром на черном рынке?

– Нет. Не интересовался как-то.

– От ста тысяч рублей мальчик и двухсот – девочка.

В покупательской способности здешнего рубля я еще не до конца разобрался, но уже понимал, что суммы, названные следователем, огромны. К примеру, за его обед в «Даурии» я отдал два с половиной рубля.

– Да ладно! Чего в них такого ценного? Это же не носители боевой магии!

– Игорь, ты чего? Из младенца с мирским даром можно воспитать идеального убийцу! Если переломать ему сознание и научить даром не лечить, а убивать. Направь такого на цель, и у жертвы почти не будет шансов. Только целитель и сможет спасти, да и то без гарантии. Да, при таком воспитании выживает хорошо если один из десяти детей: это же против природы идти, да и живут убийцы недолго. Но все равно это почти идеальное оружие.

Я даже присвистнул вслух. Ну ничего себе! Это же практически контрабанда ядерного оружия, если с моим миром сравнивать! В Благовещенске! И крышует ее добряк Михайло Генрихович. Мне стали куда понятнее причины, отчего Глеб принял обет молчания.

– Когда я всю правду узнал, понял, что Арцебашев на что угодно пойдет, чтобы дело замять. А мне если и поверят, то не сразу – все-таки он фигура значимая и влиятельная. Даже на боярском круге я его обвинить не смогу: формально я изгнан из рода. А значит, у него будет время хвосты подчистить и дел натворить. Мог ведь и Аню...

– Жену?

– Ага.

Я посмотрел на парня совсем другими глазами. С уважением, если честно. Он не стал бросаться грудью на баррикады, подставляя всех вокруг себя под огонь, а предпочел принести себя в жертву. И дело закрыл – потрошители после той расправы затихли и никак себя не проявляли, – и никому больше пострадать не позволил. И воевода уверен, что следак, под него копающий, сорвался, как институтка. По мне, такое поведение больше на героизм походит, чем бросок в штыковую на пулеметы. Сдохнуть глупо – тут большого ума не надо.

А Самойлов сидел и ждал, когда случай позволит ему добить ячейку вместе с головой. И дождался. Меня. Блин, парень-то на меня рассчитывал! И будь на моем месте настоящий обер-секретарь, делал бы это не напрасно. У моего двойника хватило бы силы и влияния прижать Михайлу Генриховича. А вот у меня...

Хотя чего раньше времени загадывать? Влияние заместителя князя от меня никуда не делось, это же не магическая сила. А в деле с потрошителями дар и не нужен. Там только донести князю, а уж он с Арцебашевым сам разберется. Конечно, нужны веские доказательства. И по-хорошему, полная победа в деле с убийством посла. Для усиления, так сказать, позиций при дворе.

– У тебя доказательства есть? Что-то, кроме слов похитителей?

– Нет. Но я знаю, как их добыть. Секретный счет воеводы в банке Саха. Один из потрошителей рассказал. На него он получал проценты с каждой продажи ребенка. Оформлен он не на него лично, но если покопать, его уши точно выглянут. А еще можно сопоставить даты платежей с каждым случаем похищения... У меня есть записи, я по всему княжеству случаи поднял за три года. И на всякий случай еще по Хабаровску и ханству Якутскому...

Ну, в принципе, если доступ к этому счету найти, доказать его связь с Арцебашевым, может сработать.

– Слушай, а что применил для убийства? – Уж очень мне хотелось узнать значение оговорки жандармов «покрошил в фарш». И пояснил на всякий случай: – Я рапорта о твоём деле не читал.

– Лезвия, – пожал плечами Глеб. – У нас не очень сильный род. Четыре воздушных клинка с каждой руки, да еще пара мелких заклятий – вот и весь мой арсенал.

Я чуть в голос не расхохотался, услышав его объяснение. У меня в напарниках Росомаха ходит! Настоящий Логан с клинками из воздуха! Только выглядящий не так брутально! Не, ну правда! Я еще к самому факту существования магии едва привыкать начал, а тут – на тебе, клинки из воздуха! Но сдержался, к счастью. Не хотелось рушить едва возникшее между нами доверие. Глеб ведь никому, кроме меня, этой истории не рассказывал.

– Ну, а у тебя что с триадой? Откуда тебя Витя знает? Посчитав, что свою часть договора он выполнил, Самойлов потребовал выполнения своей и от меня.

Я уже подготовил версию, которая являлась смесью моей беседы с матерью и парочки новых вводных. Частично, кстати, почерпнутых из его рассказа.

– Я не буду от тебя требовать, чтобы ты все в тайне хранил – и так понятно, верно? – усмехнулся я невесело. – Память я потерял. И дар.

Судя по расширившимся глазам Глеба и приоткрытому рту, он был удивлен. И еще, пожалуй, не очень мне верил.

– А так бывает?

– У бабки по отцовской линии так было, – качнул я головой. Нет ничего правдоподобнее смешения правды с правдоподобным вымыслом. – У нее только дар, памяти она не теряла. Я не знаю, как это произошло и как это можно исправить. Но сам понимаешь, трепать о таком на каждом углу не станешь. Даже вопросы задавать и то опасно. А тут еще кризис с убийством посла. Попробуй только скажи, что обер-секретарь... Ну, ты понял. Так что, отвечая на твой вопрос про Витю, я допускаю, что знаком с ним и даже сотрудничал. Но я ничего об этом не помню.

– Как давно?

– Память потерял?

– Ну да. И сколько не помнишь?

То есть мое объяснение как рабочую версию он пока принял. Уже хорошо.

– Вчера с утра встал и понял, что не могу вспомнить, что было вчера. И днем раньше. Так сказать, на сколько я не помню, не могу. Но события месячной давности, например, вспомнить могу.

Я решил, разу уж парень проторчал в камере два месяца, остановиться на сроке в один месяц. Так ему сложнее будет поймать меня на вранье. Тут же вылезла паническая мыслишка, прооравшая что-то вроде «досочинаяешься!», и скрылась.

– Проклятие, может?

– Я лично считаю, что это как-то связано с моими делами, – решил я вернуть наш разговор к проблемам, меня волновавшим. – Никак этого подтвердить не могу, но чуйка вроде такое говорит.

– Чуйка?

Еще одно незнакомое слово? Блин, да как же тут легко впросак попасть!

– Ну да, чуйка. Чутье, интуиция...

– Да не, я понял, – махнул рукой Глеб. – Странно просто: ты говоришь, дар потерял...

А интуиция у нас, выходит, составная часть дара! Ну здорово!

Чтобы ничего не объяснять и не завязнуть в собственном вранье еще глубже, я ответил пожатием плеч. Не знаю, мол, что тебе и сказать. Так как последнее утверждение было правдой, выглядело, должно быть, убедительно. Во всяком случае, следователь перестал меня разглядывать, погрузившись в мысли.

– Он странно на тебя смотрел, – выдал он через некоторое время, проведенное нами обоими в молчании.

– Витя? Ты говорил уже.

– Нет, погоди, я не о том сейчас. Он удивился, что ты пришел. И еще больше удивился, что ты хочешь узнать о нападении на себя.

– И что? Ты же сам сказал, что я был его заказчиком.

– Тут, понимаешь, есть еще одна странность. – Следователь прикрыл глаза и говорил будто бы с самим собой. – Про то, что можно закрыть возможность получения информации о заказчике, заплатив за это, знает очень немного людей. И ты к ним не относишься – в других сферах крутишься. Но это ладно, можно списать на то, что ты каким-то образом знаком с кодексом триады. Но!

Тут он поднял палец. Точнее, ткнул им в крышу машины, не рассчитав силы.

– Представь себе поведение твоего недоброжелателя: он заказывает триаде нападение на тебя, но не уверен, что у них получится, и предусмотрительно блокирует возможность получения информации о себе через минцев. Кто, скажи мне, так делает? Тот, у кого цель – не убить.

Тут он взял паузу и пристально на меня посмотрел, явно наблюдая за реакцией. Ну, пусть полюбуется, Шерлок благовещенский! Про то, что меня хотели припугнуть москвичи, я уже знал.

– Допустим, – подбодрил я его. – Допустим, меня не хотели убивать, а только надавить. Где-то я узнал больше, чем заказчику хотелось. При моем положении, как ты понимаешь, это неудивительно. Но могло быть и по-другому. Я что-то узнал, недоброжелатель запаниковал и кинулся с заказом к триаде.

– Предусмотрев возможность того, что выживешь и придешь к Вите за информацией?

– Почему нет? Если это китаец, в смысле минец, он мог знать о кодексе триады.

– Ну да, ну да, – по-старушечьи покачал головой Самойлов. – Слушай, а давай одну версию проверим? Только ты делай как я скажу, ладно? Я ничего объяснять не буду, а то Витя нас раскусит. Просто подыграй мне.

И, не дожидаясь моего ответа, выскочил из машины.

Витя по-прежнему стоял за прилавком. Увидев нас, он радостно оскалился и вскричал:

– Решил покупать жене кольцо? Хорошая скидка дам!

Вот теперь я был абсолютно уверен, что китаец паясничал, а на самом деле по-русски говорил не хуже меня. Не знаю, почему появилась такая уверенность, я словно бы прочитал его. Не мысли, а его самого. Или вспомнил? Сорокапятилетнего мужчину, которого на самом деле зовут Гуань Пэнь, женатого, имеющего взрослую дочь...

«Что это? – тут же возопила часть меня в страхе. – Откуда я это знаю?» – «Заткнись! Отголоски памяти владельца тела!» – быстренько выдала заключение другая моя часть.

Я, наблюдавший за этим коротким спором откуда-то сверху, сразу же согласился с версией всплеска памяти. Очень логичной и все объясняющей. Согласился официально и тоже призвал к порядку паникера. Но на самом деле сделал это без уверенности.

– Нет, продолжить наш разговор, Витя, – жестко пресек кривляния китайца Глеб.

– О чем? – удивился тот. – Мы все сказать!

– Не все. Мой друг подтверждает снятие запрета на информацию и не имеет финансовых претензий.

«Что?»

Китаец взглянул на меня вопросительно. Он ждал моего ответа.

– Н-н... Да. – Да гори оно все огнем! Что еще за игры? Я потом из этого Глеба всю душу выну! – Я подтверждаю.

– А я принимаю, – чуть поклонился Витя. – Прошу вас пройти в кабинет. Моя дочь приготовит чай.

Он толкнул дверь в стене и приглашающе повел рукой. Говорил он совсем без акцента.

– Это что значит, Глеб? – спросил я, уже зная, каким будет ответ.

– Ты и есть заказчик, – ответил Самойлов, глядя на меня с интересом исследователя царства насекомых. – Пойдем послушаем, на кой ляд тебе это понадобилось.

Глава 8. Заказчик

За дверью оказалась небольшая комната, служившая хозяину и складом, и местом для отдыха. Одна из стен была полностью занята стеллажами с разноцветными коробками – надо полагать, с украшениями. В центре помещения стоял круглый стол, за которым сидела юная китаянка, занятая шитьем.

– Моя дочь Сюин, – представил ее Витя.

Девушка тут же вскочила и поклонилась. Симпатичная дочка у посредника китайской мафии.

Глеб, удивив меня, поклонился девушке в ответ и, обращаясь к Гуань Пэнь, произнес:

– Она действительно прелестный цветок. Со времени нашей последней встречи девочка просто расцвела.

Витя кивнул, принимая похвалу. Было видно, что ему очень приятен комплимент, адресованный дочери. А Глеб-то у нас дипломат! Никогда бы не подумал!

– Сделай нам чай, милая.

Молча кивнув, девушка метнулась к дальней стене и стала там колдовать над маленьким столиком. А мы уселись за большой.

– Начни сначала, – поторопил Глеб китайца. – Как на тебя вышел Игорь. – И качнул головой в мою сторону, поясняя, кто тут Игорь.

Я же сам в разговор не лез. Слишком был ошарашен. А кто бы не был? Самому себя заказать!

– Будет ли озвученная мной информация использована во вред братству?

– Сознательно – нет. Но последствия могут задеть.

– Это приемлемо, – согласился посредник. – Нельзя вести деятельность в обществе и не быть зависимым от него.

Он по-пролетарски шмыгнул носом. И начал рассказ.

– Рука князя пришел к нам как частное лицо, три дня назад. Его интересовала инсценировка покушения. Он сам предложил схему нападения, сам назвал количество участников, время и способ. По его словам, никто не должен был пострадать. После нападения он должен был бежать.

Я старался смотреть только на китайца, боясь встретиться глазами с Самойловым. Мне было невыносимо стыдно, будто это я сам заварил кашу, а не мой двойник, за которым мне теперь порядок наводить. Хотя с точки зрения следователя так все и выглядело. Он же не знал, что я не тот, за кого себя выдаю. Вот и выходит: вытащил его из тюрьмы, ввел в дело, а теперь оказывается, что расследуем мы мою же собственную деятельность. Нетрудно представить, что он сейчас думал.

Подошла Сюин и поставила на стол поднос с чайниками и плошками, которые у китайцев за стаканы. Замолчавший Гуань Пэнь позволил ей расставить посуду и разлить горячий чай по чашкам. Одобрительно кивнул, и девушка снова убралась подальше от стола. Поднял свою чашку, чуть увеличенную версию наперстка, двумя руками и с некой торжественностью омочил в ней губы. Глеб, а с некоторой задержкой и я, повторили за ним ритуал.

– Рука князя хорошо заплатил. Он знал кодекс и оговорил, что информацией о его заказе в братстве не должен владеть никто, кроме него. Это он оплатил отдельно.

– Три дня назад? – уточнил Самойлов.

– Это так.

– Продолжай!

– Мы выполнили все требования заказчика. Был использован маг-наемник со стороны и наши солдаты в качестве его прикрытия. Никто из исполнителей не знал о том, что нападение –

инсценировка. А потом заказчик перебил всех исполнителей. Только магу удалось уйти. – И китаец с вопросом, но, что странно, без осуждения взглянул на меня.

Я с самого начала беседы напялил на лицо маску «чиновник на переговорах» и встретил его взгляд прямо и без тени желания давать пояснения.

– Риск – часть нашей работы. И случилось так, как должно было случиться. У нас нет претензий к заказчику. Семьи погибших получили компенсацию, братство будет заботиться о них.

Ему было любопытно, зачем заказчик пришел и просит рассказать ему то, что он сам сделал. Но вопросов посредник не задавал. Вывалил всю эту историю и сидел, смотрел на нас хитрыми своими глазками. А я пытался уложить в голове его рассказ.

Три дня назад? Я тут второй день. Выходит, мой двойник заказал покушение на себя накануне моего тут появления. Он что, знал? Знал, что в его теле будет другой человек, который не владеет магией и не сможет остановить пущенный в машину «гребаный пульсар», как его назвал воевода? Но как это возможно? То есть возможно, но это же получается, что именно он, мой двойник, и забросил меня в свое тело. А сам, получается, свалил в мое? И сейчас ездит на моей «финьке» и страдальчески морщится, обнаружив себя не слишком значительным чиновником в провинциальном российском регионе.

Если это так, то он хотел убить свое тело и нового его носителя! Он заметал следы, тварь такая! Наворотил тут дел, а когда все пошло наперекосяк, воспользовался магией и ушел красиво! Набить бы морду сволочи!

Я был зол! Чудовищно, непередаваемо зол! Терпеть не могу подставы, а это была именно она, родимая! Подстава самого паршивого толка! Мною просто воспользовались, чтобы замести следы своих мутных делишек! Как презервативом! Одноразовой резинкой!

Чайник на столе стал мелко подпрыгивать и дребезжать крышкой. Секунда – и из-под нее начал валить пар, будто глиняная посуда стояла на открытом огне и кипела.

В глазах китайца появилась обеспокоенность. Он рывком отодвинулся от стола.

– Прошу вас прекратить! – В голосе его был страх.

Что прекратить? Это я, что ли, делаю? Но я ничего такого не хотел! И не делал! Или делал? Я закипел – забулькал чайник. Выходит, я? Долбаная магия!

– Три глубоких вдоха! – рывкнул на меня Глеб.

Крик человека, которого я знал как сдержанного и спокойного, подействовал отрезвляюще. Я стал послушно дышать, набирая полные легкие воздуха и шумно выпуская его через рот. Дрожание чайника стало мельче и вскоре совсем прекратилось.

– Мы очень тебе благодарны, Витя. – После недолгой паузы, во время которой мы все таранились друг на друга, Глеб поднялся и слегка поклонился посреднику. – Был рад снова увидеть твою дочь. Она стала совсем невестой. Надеюсь, ты найдешь ей достойного мужа.

– Всегда рад тебя видеть, Глеб, – выдавил китаец, поклонившись в ответ. Голос его слегка подрагивал. Умный Витя понимал, что был сейчас на волосок от смерти, но держал лицо. – Пусть предки будут к тебе благосклонны.

Я сказать ничего не успел. Безо всякого почтения Самойлов схватил меня за руку и выволок из подсобки. Протасив таким манером через весь торговый центр – а я и не думал сопротивляться, – втолкнул в машину. А потом долго смотрел на меня злым взглядом и молчал.

– Везти тебя обратно в тюрьму?

Моя фраза была и шуткой, призванной немного разрядить ситуацию, и вполне серьезным вопросом. Я прекрасно понимал, что после того, что рассказал посредник, доверия у Глеба ко мне нет ни на грош. И еще я каким-то образом смирился с тем, что все летит к чертовой матери под откос. Точнее, плевать мне уже было. Особенно после того, как я узнал, что был лишь тельцом на заклятие.

– Ты не терял память.

– Нет. Не терял.

Ну а что было делать? И без того шитая белыми нитками версия расплзлась на глазах.

– И дара не терял.

– Тут все сложнее. Нельзя ведь потерять то, чего не имеешь.

– Ты не Антошин.

– Ответ на этот вопрос тоже не будет однозначным. Строго говоря, я Игорь Антошин. Но не известный тебе как обер-секретарь князя Благовещенского.

И хотя Самойлов ничего больше не спрашивал, я ему все рассказал. Делать это во второй раз оказалось куда проще. Я уже не путался в словах, как делал в беседе с дядей Ваней, а вполне осмысленно и связно излагал историю. Даже дополнял ее своими догадками о причинах и следствиях. И в чем прелесть мира, в котором магия – реальность, никто сходу не называл меня сумасшедшим. Магия же! Мало ли чего могло произойти! А вот в моем мире такая история практически гарантировала вызов санитаров и будущее в палате с мягкими стенами.

Да и Глеб оказался на удивление прагматичным молодым человеком. Надо полагать, его очень интересовала фигура обер-секретаря, как крайне необходимая в реализации собственных планов. Так что, выслушав меня, он молчал меньше минуты. После чего спросил:

– Еще кто-то знает?

– Дядя Ваня. В смысле Иван Павлович Кобяков. Он у меня сосед по лестничной площадке.

– Отставной наставник? Это хорошо, старикан не из болтливых. Да и помочь сможет, если что.

– Да чем тут поможешь?

– Не ной для начала! Давай рассуждать последовательно. Примем: ты не Игорь, а его двойник. Твой двойник исчез, а согласно закону сохранения энергии, если ты здесь, значит, он там. Свалил он, скорее всего, сам – тут я склонен с тобой согласиться. Наворотил дел, запутался и решил таким образом избежать ответственности.

– То есть такое здешними магами практикуется?

– Я такого никогда не слышал, если честно. Но ты пойми другое: никто ведь не знает возможностей царской магии! Только боевое применение, да и о нем только то, что в газетах пишут. А твой двойник – племянник князя. То есть родная кровь. И вполне возможно, носитель не только боярского, но и царского дара. О таком, как ты понимаешь, открыто не говорят.

– Ты избранный, Нео! – не удержался я.

– Чего? – вопросительно посмотрел на меня сбитый с толку Глеб.

– Шутка из моего мира, не бери в голову! То есть такое возможно?

– Примем, что да. Но это не так важно!

– Да ладно! А что тогда важно?

– Мне – прижать Арцебашева. Тебе – для начала, думаю, выжить. Двойник ведь не собирався тебя живым оставлять.

Тут он прав. Выжить – это для меня сейчас приоритетная задача. Номера уно, так сказать. И будет это сделать ой как непросто! С учетом, во что втравил меня долбаный обер-секретарь.

– Так что в тюрьму меня везти не надо, – резюмировал Самойлов. – Я остаюсь. И мы продолжаем работать, как договаривались.

А вот это очень хорошая новость! Просто прекрасная! От избытка чувств я чуть не обнял напарника, но, посмотрев ему в глаза, сообразил, что он этого не оценит.

– Отлично! – вместо этого сказал я. – Какой план?

– Поехали, поедим для начала.

У него что, черная дыра вместо желудка? Мы же недавно в «Даурии» были! Однако, бросив взгляд на часы в приборной панели «Москвича», сообразил, что с момента посещения ресторана прошло уже часа четыре. В интересных делах время летит незаметно.

– «Даурия»?

– И давай я сам за руль сяду. Ты же города не знаешь, возишь по всяким дорогим тошнيلовкам!

Что я там недавно говорил про лидерство?

Обедали мы на природе. Глеб заскочил в какой-то лубочный фастфуд, украшенный по фасаду скоморохами, набрал блинов, запеканок и маринованных овощей. И со всей этой роскошью привез меня на берег Зеи.

– У воды хорошо думается, – пояснил он. – И плохо подслушивается.

Он быстро сервировал наш обед на бумажной скатерке, прихваченной в той же забегаловке. Прямо на камне возле воды. И без всяких формальностей, вроде «приятного аппетита», принялся уминать фаршированный блин.

Зея была прекрасна. Она мне куда больше Амура нравилась и дома. Сильная река, с характером, но таким, не напoказ. Ровное серое полотно, небольшие водоворотики, с берега глядеть – кажется, что течения и нет вовсе. Но мне как-то довелось посмотреть, в какое чудовище река превращается во время паводка. А один раз едва не случилось в ней утонуть.

Плаваю-то я как рыба, все же вырос во Владивостоке, у моря. И всю воду так и воспринимал всегда: плотной, соленой и неподвижной, утонуть в которой способны только дети и пьяницы. А здесь, точнее там, дома, полез однажды на спор доказывать, что Зею переплыву. Ширина ведь не слишком большая для хорошего пловца. Разумеется, не учел течения, тех самых водоворотов. И еще одного незначительно факта – речная вода человеческое тело держит куда хуже морской. В общем, выловили меня спасатели (у них на Зее штаб-квартира), когда меня мимо пронесло течением. Орущего и перепуганного до смерти! С тех пор я воду речную уважать стал.

В моем Благовещенске набережной Зеи все время грозились заняться и превратить ее в такую же красоту, которую сделали на Амуре. Но в реальности никогда даже не брались за дело. В результате ее берега, где крутые, а где с удобным подходом к воде, заросли непроходимым кустарником. И мусором, оставить который своим долгом считали все отдыхающие.

Здесь набережная тоже не была упрятана в бетон: трава, камни и деревья. Только тут было чисто. Берег, куда меня привез Глеб, походил на очень окультуренный парк: из-за желтеющей листвы деревьев проглядывали крыши беседок, везде стояли лавочки и ларьки со всякой снедью для гуляющих.

– Зачем твой двойник собрался переезжать? – Проглотив первый блин, Самойлов нацелился на второй, но затем решил повременить и помучить меня вопросами. – И куда? Это, я считаю, самый важный вопрос. Найдём его – и получим ключи ко всем остальным.

Мне такая постановка показалась странной. Отталкиваться следовало, к бабке не ходи, от убийства посла. Но Самойлов был следователем, плоть, так сказать, от плоти этого мира, поэтому, вероятно, знал что говорил. Поэтому я уточнил:

– Почему ты именно его переезд считаешь ключом?

– Тут все просто. – Глеб не удержался и все-таки взялся за второй блин. – Двойник твой – фигура. Второй человек после князя. Чем его можно купить? Деньги отмечаем сразу. То есть как довесок к основному призу деньги он взял бы, но только как довесок.

– Он настолько богат?

– Не буду спрашивать про то, как у вас все устроено, а то запутаюсь. А у нас княжеская семья – акционер практически во всех серьезных предприятиях. С учетом того, что родни у князя немного – жена, сын малолетний да сестра родная с племянником-оболтусом (это я про тебя), – сам подумай: насколько он богат?

– Настоящий олигарх, выходит, – подумав, признал я.

– На людях только не ляпни такое, ладно? – предостерег меня Глеб. – Можно получить так, что и титул не поможет.

– Понял-понял. – Не олигарх – значит, не олигарх. Я же разве против? Только за! – Значит, деньги для него не мотив.

– Нет. Была бы у него возможность, он мог бы себе княжество купить.

На этом месте следователь внезапно замолчал. Натурально завис с открытым ртом, не донеся блин до губ всего на несколько сантиметров. Я уставился на него вопросительно, но не сразу сообразил, что он этого не увидит.

– Дьявол! – выдохнул он через десяток секунд. – Вот ведь сука!

– Ты про что?

– Про кого! Про двойника твоего. Сам князем захотел стать, мразь!

Реакция Глеба меня очень заинтересовала. Он был возмущен. Так, словно Игорь Сергеевич не князя своего предал, а лично его. Особенность феодальных отношений? Очень может быть. Верность господину тут, похоже, в крови.

– А это возможно?

– Все возможно. Если действовать осторожно. Ну да! Сходится все! Княжеством его купили! Больше нечем!

– Господин Самойлов, поговорите со мной, прошу! – напомнил я о своем существовании.

– А? Да-да, сейчас. – Глеб с явным усилием оторвался от созерцания разворачивающихся в его голове схем и взялся за объяснения. – Понимаешь, это политика... Нет, тут с другого надо начать, чтобы ты понял. Смотри: на западе роды вырождаются. Seriously так вырождаются, во многих княжествах стол держат самые сильные бояре. У нас, на востоке, ситуация получше, но тоже не без сложностей. Но мы тут всегда под ударом, под угрозой экспансии тех же минцев или маньчжуров, так что не расслабляемся. Даже мнение такое есть, что царский дар может затухнуть, если его не применять с некой периодичностью. У нас это есть где сделать, а вот на западе – сложнее. Особенно во внутренних княжествах, у которых со всех сторон – русские.

– И как это?..

– Подожди! Дослушай! Москву такое положение дел очень даже устраивает – ведь бояре против царского дара шенки. Меньше носителей царского дара – меньше конкурентов. Вот и правит ими Бестужев, как ему вздумается. По названию-то Конфедерация, а по сути, почти до Сибири – княжество Московское. Но у каждой монеты две стороны. Территория получается огромная, но и ответственность большая. Если лях или германец поперет, отбиваться ему самому придется. Вот он и ищет силу. А дальше все просто, даже ты поймешь. Предлагает Игорю, носителю царского дара, княжеский стол в каком-нибудь Липецке. Двойник твой – мужчина амбициозный, тут уже до потолка дорос, и перспектив никаких: княжество-то Антон Николаевич наследует. А там он не второй, а первый, понимаешь? Сам князь!

– А что взамен?

Глеб глянул на меня как на идиота. Дескать, придумываешься или правда не догоняешь?

– Предприятие, в уставной фонд которого хотят войти москвичи, – предположил я.

– Верно. Только не просто предприятие. Мост в Азию, Игорь! Новый шелковый путь! Огромные доходы в перспективе. И влияние.

– Ага. И князь проморгал такую подставу? Каких-то левых людей, которые... Бли-и-ин!

До меня дошло. Если мой двойник – племянник князя, то он владеет долями во всех предприятиях. И эту самую долю он переуступил москвичам. Какой-нибудь подставной конторке, про которую князь думает, что она принадлежит его племяншу. И не догадывается, что Москва уже наложила свою руку на часть его собственности.

– Вот ведь сука! – повторил я недавнюю реплику Глеба.

– Не то слово. Если эта версия верна, то все остальное объясняется очень просто. Даже смерть маньчжурского посла. – Самойлов посмотрел на меня со значением.

– Я его? В смысле...

– Ага. Двойник. И смотри, как изящно – ядом! Никогда не подумаешь на боярина! С его-то силищей людей травить! А потом еще и нападение триады – явный минский след.

– Но зачем?

– Без понятия. Маньчжуры могли что-то узнать: мост ведь у обеих сторон пополам в собственности. Заинтересовались новым юридическим лицом в составе, посол решил поговорить с партнером и вывалил свои подозрения Игорю. А тот обрубил концы. Предположение, не более. Но согласись, сходится все!

Блин! Еще как сходится! Только стоп! Люда говорила, что это москвичи устроили нападение, а не Игорь. То есть не говорила, но подтверждала. Я напряг память и выловил там ее фразу: «С триадой – это не моя инициатива». Я из этого понял, что заказчиками нападения были москвичи. А оказалось, что я сам, вернее мой двойник-интриган. Тогда что значит ее фраза?

Я изложил свои сомнения Самойлову, и он их быстренько развеял.

– Она могла не знать. Ты же сам говоришь, что она переговорщик. Посредник. Ее могли так проинформировать, что она сама сделала вывод о причастности москвичей к нападению.

– Но им-то зачем на себя это вешать?

– Просто воспользовались ситуацией. Или недопоняли чего. Игорь, да сплошь и рядом такое, тем более в таких сделках. Никто ведь никому не верит.

– Все равно странно...

Я поднялся и принялся мерить шагами берег. Вода успокаивает, ха! Да я сейчас был так взбудоражен, что океана не хватит для моего успокоения! Подняв камень, я со злостью запулил его в воздух.

– Осторожнее! – тут же предостерег меня Глеб. – Еще убьешь кого!

Сперва я не понял, о чем он говорит, а потом сообразил, что всплеска воды я не увидел и не услышал. Я что же, через реку камень перебросил? Да что ж такое! И так всего боюсь, еще и себя опасаться? Своих неконтролируемых способностей?

– Знаешь, с союзником тебе очень не повезло, – сообщил я Самойлову, возвращаясь к камню со снедью. – Мне не дело расследовать надо, а из страны бежать. В Америку, там вроде магов совсем нет.

– Слабенькие бояре есть, но, по сути, верно, – усмехнулся Глеб. – Ты погоди паниковать. Теперь мы хотя бы знаем подоплеку этой истории. А значит, можем провести расследование так, чтобы ты оказался не кругом виноватым, а героем и спасителем княжества.

– Проще сказать, чем сделать, – отмахнулся я от попытки ободрения.

Подобрал гальку и осторожно отправил ее в воду. Потянулся за следующей.

– А вот тут ты прав. – Глеб закинул в рот кусок огурца и смачно им захрустел. – Тут ты очень даже прав. Сделать это будет непросто. Но можно. Есть у меня один знакомый...

В этот момент завибрировал мой смартфон. На ожившем экране отобразился цифровой код, которым мой двойник любил метить собеседников. Две буквы и одна цифра – ИС-3.

– Броня крепка, и танки наши быстры! – вполголоса пропел я и продемонстрировал телефон Глебу.

Тот пожал плечами (похоже, в этом мире не было легендарной машины) и кивнул: бери, мол, и на громкую ставь.

– Слушаю?

– Игорь Сергеевич, здравствуйте! – произнес незнакомый голос, в котором слышался едва уловимый акцент. – Вас беспокоит член совета директоров «Хырчибанка» Ордук Тулуй. Мы с вами общались недавно.

Глеб тут же придвинулся ко мне и шепнул на ухо:

– Якуты.

А то я не догадался! Чего им-то от меня понадобилось? И почему данный контакт помечен названием советского танка?

– Здравствуйте. Как же, помню.

Еще одно минное поле. Сколько их создал мой щедрый двойник?

– Я с оказией в Благовещенске. Могли бы вы со мной встретиться?

Глеб пихнул меня локтем в бок и бешено затряс головой, требуя соглашаться на встречу.

– М-м... Конечно, давайте встретимся. – И уже от себя добавил: – А по поводу?

Самойлов тут же закатил глаза, демонстрируя свое отношение к моему идиотскому вопросу.

– Да все по тому же, Игорь Сергеевич. Ход нашего проекта. Тойоны выражают недоумение сроками его реализации.

Договорившись о месте и времени встречи – «ближе к вечеру давайте, часиков в шесть», – мы распрощались друг с другом.

– Что? – тут же спросил я следователя. – Должен же я понимать, о чем говорить!

Глеб только рукой махнул. Придурок, мол, что с тебя взять.

– Империя Саха... – протянул он задумчиво, когда мы шли к машине. – Знаете, Игорь Сергеевич, что мне интересно? Кому еще вы успели продаться.

Глава 9. Боярский дар

Я его увидел! Узрел этот дурацкий узел дара, который искал своим внутренним взором уже черт знает сколько времени! Небольшой разноцветный водоворот размером с рублевую монету. В нем скрутились в клубок несколько цветных жгутиков: красный, серый, болотно-зеленый, синий и желтый. Но к черту подробности! Главное, я его видел!

– Держи! Держи перед глазами, – осторожно, но с нескрываемым довольством в голосе поощрил меня наставник. – И попробуй взять его в руку. Да не маши рукой, лосятина! Не физической!

А какой тогда? Умные все вокруг, в кого ни плюнь! Руки у них у всех не физические! У меня две руки, и обе вполне из плоти!

Но я сосредоточился и попытался внять совету дяди Вани. Ожидаемо ничего не вышло. Тогда я представил, что я Зеленый Фонарь из того фильма, и визуализировал карикатурно тонкую зеленую руку. Она потянулась к узлу и аккуратно подняла его на ладони.

– Молодец! – Непонятно, как учитель видел мои успехи, но следил за ними пристально. – Теперь увеличь его. Попроси его стать вдвое больше.

Будем работать по методике, которая дает результаты. Пусть бы она и выглядела как фантазия накурившегося фрика. Отрастив вторую зеленую руку, ее пальцами я тронул узел и слегка потянул в стороны. Как бы увеличивая изображение на экране смартфона. Узел послушно стал больше, я даже смог разглядеть разноцветные жгутики, сплетающиеся друг с другом.

– Хорошо! Хорошо! – Невидимый дядя Ваня чуть ли не запрыгал. – Это прогресс! Теперь верни его в прежний размер и открывай глаза. Но постарайся при этом удержать его перед глазами.

Дед, интересно, сам понимает, насколько его команды противоречат друг другу? Как, блин, открыть глаза и продолжать видеть то, что невидимо? А-а, ладно! Рискнем.

И я, сохранив изображение водоворота на сетчатке, медленно открыл глаза. Узел, разумеется, сразу же исчез.

– Ну ничего! Еще получится, – успокоил меня дядя Ваня. – Сегодня хорошо продвинулся.

Два часа сидения на заднице и попыток увидеть узел – хорошо продвинулись? Мне надо больше, дядя Ваня! Мне нужна сила, магия этого отмороженного Игоря Сергеевича. Этого безголового обер-секретаря, который мне столько подарков наоставлял, что без магии я просто не представляю, как с ними справлюсь!

– Давайте я еще раз попробую? – каркнул я. Горло пересохло от длительного молчания. – У меня получится!

– А потом тебя из обморока выводить? – хохотнул наставник. – Нет, Игорек. Надо отдыхать. Позже продолжим.

Да когда отдыхать? Все же будут ждать, когда я дух переведу и буду готов, ага! Прихлопнут, как муху, едва сообразят, что дара у меня нет, ни царского, ни боярского! Точнее, есть, но все равно что нет!

Я рывком поднялся на ноги, и меня повело. Основательно так, едва удержался в вертикальном положении, ухватившись рукой за спинку дивана.

– Вот о чем я тебе говорю! – тут же рывкнул на меня наставник. Но мгновенно оказался рядом и, обхватив за плечи, бережно усадил на пол. – Слушай старших, может, и доживешь до их возраста!

– Мне срочно нужно овладеть магией! – промямлил я в свое оправдание.

– Срочно можно только дите сделать! Если девка сговорчива! Да и то потом почти год ждать придется. Торопливость в овладении даром не нужна и даже опасна.

– Тут просто, дядь Вань, такой блудняк вокруг разворачивается...

Есть у музыкантов термины для обозначения темпа музыкального произведения: *allegro* и *presto allegro*, что значит «быстро» и «очень быстро». Так вот мою партию неизвестный композитор написал в темпе *prestissimo* – «предельно быстро»! Я ничего не успевал сделать, события сыпались на меня одно за другим, не давая сосредоточиться на чем-то одном. Перенос сюда, княжеское поручение, убийство посла, нападение триады, появление Люды. Потом Самойлов с его умозаклечениями и дикой историей про потрошителей, Витя-памагай – посредник триады, осознание того, что тут устроил мой двойник, и наконец встреча с членом совета директоров государственного банка империи Саха. И все это за два дня! Второй из которых еще не закончился!

Ордук Тулуй не стал меня разочаровывать и говорить приятные вещи. Коренастый якут в дорогом костюме и очках без оправы, имеющий повадки биржевого спекулянта и рекламного агента одновременно, сперва заверил меня в полном понимании тех сложностей, с которыми я столкнулся, помогая им, после чего довольно жестко начал меня прессовать.

Суть его претензий заключалась в следующем: Игорь был должен банку много денег. Вернее, «Хырчибанк» оплатил услуги обер-секретаря авансом, но так и не получил товар, который хотел. Осторожно уточняя по сути сделки, я выяснил, что Игорь Сергеевич помогал якутским тойонам (это князья по-нашему) приобрести некие земельные активы в княжестве Благовещенском. Традиционно используя для этого подставные фирмы.

– Там целая история была с год назад. Правда, никто якутских ушей там не увидел, но это потому, что искал твой двойник. А сейчас-то все понятно становится! – уже после встречи с банкиром рассказал мне Глеб. – Десяток крупных фермеров в одночасье лишились излишков своего урожая. Сдали осенью на хранение в элеватор, чтобы весной продать подороже, обычная для них практика. А когда приехали забирать, выяснили, что зерна их нет. Продали на сторону и деньги не отдают. Началась тяжба в судах, около полугода шла. Князь не вмешивался, как я понимаю, демонстративно, чтобы давления ни на кого не оказать, а принять решение уже после результатов расследования. Которое вел наш Игорь Сергеевич. Потом, когда было доказано хищение зерна, хозяев элеватора на нары кинули, буквально пару месяцев назад, а имущество их – на банкротство и возмещение ущерба пострадавшим. И сразу же выяснилось, что кредиторов у элеватора очень много. И далеко не все они фермеры. Много банков, например.

Из рассказа Глеба выходило, что мой двойник замутил всю эту аферу с банкротством элеватора, чтобы активы после продажи достались якутскому банку. В чем ценность этого актива для народа саха, Самойлов мне тоже объяснил. Буквально одной фразой.

– Он находится в пятикилометровой зоне от строящегося моста через Амур.

Мост! Опять мост! Везде, куда ни кинь, все так или иначе связано с мостом! Все соседи, и ближние и дальние, спешат к столу княжества Благовещенского, чтобы поучаствовать в дележке чужого пирога. Мир другой – мотивы все те же!

Сопоставив рассказы следователя с репликами банкира, я пришел к выводу, что двойник мой не удовлетворился полученным вознаграждением от «Хырчибанка», а решил поднять еще денег на банкротстве. Запустил свою фирму в торги и стал искусственно поднимать цену выставленных на продажу активов. Из чего следовало, что обер-секретарь основательно встал на крыло и готовился в скором времени покинуть княжество. Понятно, что при этом он лишился бы всех своих источников дохода как член семьи князя. Вот и изыскивал новые источники финансовой независимости.

Встреча с Ордукком продлилась больше часа. По завершении ее я отправился домой. Получил по пути сообщение от Люды. В нем говорилось, что запрошенная мной личная встреча с заказчиком от московского княжества состоится завтра вечером в гостинице «Амур».

Так что да! Я был очень недоволен скоростью овладения магическим даром.

– Спонтанно к дару ты можешь обращаться и сейчас, – «успокоил» меня дядя Ваня. – Может, даже и получится что-то будет. Чайничек триаде вскипятить, то да се... Но сил при этом будет уходить много. На простейший аспект вроде щита, который твой двойник мог часами поддерживать, ты будешь тратить бездну энергии. Быстро выдохнешься и можешь даже помереть. Были, знаешь ли, случаи в моей практике, когда у новичков сердце останавливалось. Поэтому первое, что тебе следует научиться делать, – контроль. Без него ты просто сгоришь! Вот почему мы с тобой учимся узел контролировать.

Умом я признавал правоту наставника, но сердце все равно хотело ускорить процесс. Магия дала бы мне хоть какую-то иллюзию безопасности, пока мы с Глебом пытались распутать этот клубок.

А вот и он, легок на помине!

– Успехи есть? – спросил Глеб, войдя в студию.

– Игорь увидел узел. И уже может с ним взаимодействовать! – тут же похвастался дядя Ваня тоном, которым родители сообщают, что их полутораговая деточка уже сама садится на горшок.

– Это... хорошо, – нейтрально отозвался следователь. А вот с такой интонацией дальние родственники, собственных детей не имеющие, реагируют на новости о горшке. Э-э, чудесно. А они не сразу с рождения такое умеют? – Я отвез жену в надежное место. Там ее Арцебашев не найдет. А то все равно уже слухи о моем освобождении поползли. И еще разжился кое-чем для завтрашней встречи с москвичами.

Он вытянул руку. На ладони лежал небольшой стеклянный пузырек без этикетки.

– Капли в нос? – поинтересовался я с иронией.

– В уши, – поправил Глеб. – Датские капли.

– Правда? – немедленно возбудился дядя Ваня. – Как достал?

– Чего только не найдешь на черном рынке, обладая неограниченным финансированием, – довольно ухмыльнулся следователь. Перед тем как мы расстались, он забрал у меня одну из банковских карточек, сопроводив свое действие утешительной репликой, что «мертвому деньги все равно не нужны».

В голове крутилось что-то, связанное с этим названием. Точно! «Капли датского короля»! Олег Даль пел в каком-то военном фильме, не помню названия. Это же как-то с потенцией связано, да? «Пейте, кавалеры!»

– Это для чего? – поинтересовался я с опаской.

Он же не хочет, чтобы я с Людой переспал? То есть дама-то приятная во всех отношениях, и в иных обстоятельствах я вовсе и не против был бы. Но сейчас – это ж как с коброй целоваться!

– Ложись на бок, правым ухом кверху.

Когда я выполнил команду, Глеб приблизился и пипеткой из пузырька капнул холодную жидкость мне в ухо. Бр-р!

– Иван Павлович, вам бы тоже.

– Не откажусь! – крикнул дед. – Всегда хотел попробовать! Игорек, уступи-ка место!

Нет, наверное, не для потенции. Не будет же Самойлов из старикана секс-шпиона делать!

– А скоро действовать начинает? – поинтересовался наставник, когда Глеб повторил процедуру закапывания уха уже с ним.

– Продавец говорит, меньше минуты. И действует двое суток.

«Слышишь меня, Игорь?»

Голос раздался у меня в ухе, будто Глеб задал мне вопрос, находясь очень близко. Я чуть не подпрыгнул.

– Это что?

«Это связь, – пояснил его голос, – без которой ты на завтрашней встрече наломал бы дров, как пить дать!»

– Связь?

– Попробуй говорить беззвучно. Не раскрывая рта. Голосовые связки вибрируют, даже когда ты мысленно фразу произносишь.

Я попробовал. С огромным энтузиазмом попробовал. Голос Самойлова с пояснениями мне очень на встрече пригодится. Сперва ничего не вышло, но я быстро сообразил, что нужно просто мысленно проговаривать слова. Как делаешь, когда готовишься к важной встрече и репетируешь свою речь перед зеркалом.

«Раз! Раз! Раз!» – «Не ори!» – тут же отозвался дядя Ваня. «Я вообще молча говорю!» – «Делай это спокойно, – влез Глеб. – Эмоции регулируют громкость послания. Старайся мыслить отстраненно». – «Так?» – «Примерно. Еще тише». – «А на какой дальности это работает?» – «До километра с гарантией».

– Это магия?

«Молча!»

И я сразу же понял, как проорал свою проверку связи.

«Это магия?» – «Больше технология. Наниты крепятся к голосовым связкам и ушному нерву. Но при их создании магия используется, да. Датчане разработали для своих хирдманов».

Я уже не удивлялся. Действительно, почему нет? Магически выращенные наноботы, делов-то! У нас вон тоже с нанотехнологиями возились, безуспешно, правда. Наверное, магии не было потому что.

Проваландались мы с настройкой звука минут двадцать. Выяснив в процессе, что когда говоришь в полный голос, наниты не работают, но стоит замолчать и внятно проговорить в себе какое-нибудь слово, как они вновь включаются. Волшебное средство!

– Кстати, на твоей карте деньги закончились, – сообщил Самойлов, возвращая квадратик пластика с логотипом банка.

– Как кончились?! – вылупился я на него. – Глеб, там тысяч пятьдесят было!

– Пятьдесят четыре, – уточнил следователь.

– И что, это капли столько стоят?

Вот вроде и деньги, строго говоря, не мои, а жаба душит. Странно даже.

– Нет. Я еще пару заказов Вите сделал.

– Триаде? И каких же?

Так, спокойно, Антошин! Спокойно! Это всего лишь деньги! У двойника их много. Наверное.

– На завтракрытие встречи обеспечить. Слежку за Арцебашевым организовать. Пробыть его счета. Еще по мелочи. – Глеб дернул плечом с раздражением. – Тебе дать полный отчет о расходах?

Смотрите на него! А ему ведь нравится вот так дела вести. Ни начальства, ни отчетов, финансовые возможности! Красота!

– Не нужно, – с холодком ответил я. – Просто хотелось бы, чтобы ты держал меня в курсе.

И вот, спрашивается, чего я завелся? Хомяк недорезанный! Денег пожалел? Но и Глеб тоже хорош! Он хотя бы поинтересовался, каким объемом средств я располагаю! А вдруг он последние деньги спустил, и завтра жрать будет нечего! Это я, конечно, утрирую, но не мешало бы разобраться с финансами. Сколько их, где лежат, какой у меня к ним доступ. Вот этим, пожалуй, и стоит прямо сейчас заняться.

Самойлов с дядей Ваней отправились на кухню пить чай. Ненасытный следователь при этом сообщал в пространство, что некоторым людям имеет смысл держать дома продуктов побольше, чем пачка печенья. А я двинулся в дальний угол комнаты студии, где стоял рабочий стол с ноутбуком.

Давно хотел посмотреть на здешние компьютеры. Ну, как давно... Со вчерашнего дня, как обнаружил себя в новом мире. С телефоном разобрался, не слишком-то он и отличался от моего. А вот с компьютерами пока не сталкивался. Не до того было.

Ноутбук был небольшим, диагональ дюймов в четырнадцать примерно. Тонкий серебристый корпус безо всяких логотипов производителя был выполнен из металла – выглядело стильно и дорого. Подняв крышку, я с недоумением обнаружил, что она полностью отделилась от корпуса. Ага! Трансформер! У меня такой тоже был. Только крышка так легко не отделялась.

Некоторое время я потратил на то, чтобы разобраться, как приделать деталь обратно. И выяснил, что никак. Верхняя панель с монитором никак не крепилась к нижней. Просто ложилась сверху, а в активном состоянии ставилась рядом – для этого имелись выдвижные ножки. Очень сомнительное решение, как мне показалось. А если я люблю ноутбук на коленях держать? Куда экран ставить?

Дальше все было еще интереснее. Кнопку питания я нашел сразу, но на мгновенно ожившем экране тут же высочило сообщение: «До уничтожения данных осталось 60 секунд. Введите пароль!» И меняющиеся цифры обратного отсчета.

Долбанный параноик! Вот что за человек такой! Самоуничтожение у него!

– Э-э! Глеб! Бегом сюда! – заорал я.

Не хватало еще уничтожить все данные на компьютере обер-секретаря.

Самойлов влетел в комнату и замер посреди в боевой стойке: ноги широко расставлены, руки согнуты в локтях и направлены вперед, а от кулаков тянутся едва видимые полосы дрожащего воздуха полуметровой длины. Логан, ни дать ни взять!

– Что? – рявкнул он, осматривая комнату на наличие противников.

– Тут компьютер... – промямлил я. Тыкнул пальцем в цифры обратного отсчета. – Вот...

– Придурок! – зло выдохнул Самойлов.

Он расслабил руки, и когти Росомахи исчезли. Приблизился к столу, взял меня за правую руку и ткнул ею в экран. «Отпечаток распознан! – радостно сообщила система ноутбука. – С возвращением, господин!»

– Ты что, никогда с компьютерами дела не имел? А-а, кого я спрашиваю! Что ты там хотел найти вообще?

– Просто посмотреть! – с некоторой обидой ответил я. Подумаешь, какие технически продвинутые! Кто ж знал, что экран считывает отпечатки пальцев? – Финансовое состояние Игоря, например.

– Сказал бы сразу. – Следовательно быстро вернулся к прежнему тону. – Я бы подсказал.

Рабочий стол компьютера был забит таким количеством ярлычков программ, что у меня в глазах зарябило. И оскорбило живущего во мне педанта, любившего порядок во всем. Двойник-то мой – неряха! Как в таком бедламе можно быстро разобраться? Рабочий стол как у девушки!

Глеб, впрочем, довольно легко сориентировался в пугающем обилии иконок. Вместе мы с ним зашли в какую-то программу, выглядящую как браузер, но предназначенную только для работы с банками. Авторизовались еще одним касанием экрана пальцем, дождались, пока встроенный в экран датчик просканирует мое лицо и сетчатку глаза, и взялись за изучение финансов обер-секретаря. И когда я увидел состояние счетов, сразу же одобрил его паранойю.

Двойник имел счета в нескольких банках. В местном, вроде государственного, хранилось четырнадцать миллионов рублей – огромные деньги! Правда, все они лежали на вкладе, так что получить их быстро у меня не выйдет – придется идти в банк. Но и на других счетах, расходных, за исключением выбранной в ноль Глебом карты, денег было достаточно – порядка полутора миллионов. И еще шесть с половиной миллионов на неактивном счете во вкладке «Хырчибанка». Такая гарантия от якутов: я не смогу их получить, пока не выполню условий сделки, но и они их отозвать уже не могут до определенного времени.

– А я завидный жених! – высказался я, обозревая свои богатства.

– В первой тройке, – отозвался Самойлов. И пояснил чуть смущенно, встретив мой вопросительный взгляд: – Читал в светской хронике. Там вроде рейтинга было...

Пользуясь подсказками Глеба, я пополнил опустошенную им карту на сто тысяч и вернул ему пластиковый квадрат.

– На расходы, – пояснил я. В свете обнаруженных мной сокровищ данная сумма выглядела совершеннейшей мелочью.

Из кухни с чайником в руках вернулся дядя Ваня. Как он видит все? Двигается же как зрячий! Вот фокус!

– Ну что, молодые люди, не пора ли нам на боковую? – спросил он, ставя чайник и пару кружек на стол рядом с ноутбуком. – Двенадцатый час уже.

– Ну, вот чаю выпьем и пойдем! – с преувеличенной бодростью откликнулся я.

Усталость уже брала свое, глаза просто слипались. Впечатлений второй день пребывания в чужом мире оставил не меньше, чем первый.

– Давайте завтрашний день прикинем. – Глеб тут же завладел одной из кружек. – По вечеру понятно, у тебя встреча с москвичами, а вот с утра я бы предложил съездить к одному моему знакомому. Большой дока в банковских спекуляциях.

– И зачем он нам?

– Если мы хотим тебя оставить чистым, надо бы ответственность за содеянное на кого-то другого перевести.

– Есть кандидатуры?

Самойлов ответил мне своим фирменным взглядом, в котором недоумение в равных пропорциях было смешано с презрением и жалостью. Я уже начал привыкать к этой форме ответа следователя.

– Арцебашев?

Догадку я высказал, будучи полностью уверенным в том, что прав. Ненависть к воеводе у Глеба выходила за рамки здравого смысла.

– С вражиной надо кончать! – поддержал дядя Ваня. – Всякой грязью бояре, бывает, занимаются, но чтобы до торговли человеками опуститься – не было такого! Как африканосы, честное слово!

– Ага. Только вот как? Он у князя на хорошем счету, воевода. Что это, кстати, значит – воевода? Вроде главнокомандующего армией?

– Михайло Генрихович первый по силе боевой маг в княжестве, – пояснил старик. – Ну и дружиной ведает с ополчением, да. Армия-то на кой?

Я кивнул, принимая объяснения, но не желая углубляться в тему структуры вооруженных сил княжества: мозг и так был перенасыщен информацией. Хотя и подумалось, что для такой фигуры, как воевода, влезать в преступную деятельность несколько странно. С другой стороны, сам-то! В смысле двойник мой. Чего человеку не хватало! Захотелось стать владычицей морской!

– И в этом плане банкир, молодые люди, для нас просто дар Господа, – продолжил дядя Ваня.

Глеб, вероятно, полностью ввел его в курс происходящего, и старик с нескрываемым энтузиазмом влился в состав самопровозглашенной следственной группы. Чтобы восстановить справедливость, как он выразился, и не дать «клятым москалям» лезть в дела родного княжества.

Местечковый патриотизм тут был на уровне. Но не раздражал, как обычно, а напротив, вызывал уважение. Видимо, потому, что княжество Благовещенское и Тындинское здесь – это не то же самое, что Амурская область там. Не бесправный субъект огромной страны, где

даже высшие должностные лица не способны ничего изменить, а самостоятельное государство, силой отстаивавшее свое право на принятие решений.

– Почему? – спросил я.

По мне, наличие в деле якутских тойонов только все усложняло. Самойлов тоже смотрел на наставника с интересом, но молчал.

– Ну как же! Если правильно все сделать, то именно якутов можно обвинить в том, что они пытались влезть в уставной фонд предприятия, владеющего мостом. А с империей у нашего князя давно отношения напряженные. Он даже раздумывать не будет, тут же тройственный совет соберет.

– Кстати, а почему Саха – империя? Ну, если правят там тойоны?

Все-таки любопытство меня когда-нибудь прикончит! Ну вот что мне с того, как якуты себя обзывают? Нет же, не удержался, вылез с вопросом!

– Правит там император, старший из прямых потомков Тыгына. А тойоны – улусами, княжествами по-нашему. Они, правда, тоже все от Тыгына род ведут, но вот как-то до сих пор не поубивали друг друга. Что при их задиристости для всех тайна великая.

– Тыгына?

– У вас его не было?

– Без понятия, если честно, – пожал я плечами. – Якутами никогда не увлекался.

– Был у них такой, Тыгын-объединитель. Здорово нам врезал, предкам нашим в смысле, когда они к Лене вышли. Сильные маги. Да и берсов среди якутов много.

– А берсы – это?..

Антошин! Остановись уже!

– Берсерки. Воины-симбионты. У них своего дара нет, зато они чужой впитывать могут. Как губка, знаешь. Кинет в такого боярин щит, камнеплоть или жар, и тот в самую гущу боя бросается. И все ему нипочем... некоторое время.

Самойлов с Иваном Павловичем синхронно вздохнули, как будто сожалея о необходимости объяснять прописные истины взрослому человеку.

Выходит, что Михаил-Мишико – берсерк? А я его выплеском своей бесконтрольной силы, когда от пульсара закрывался, сделал пуленепробиваемым? Интересно!

– Вернемся к банкиру, – прервал Самойлов курс истории от дяди Вани. – Мне идея хорошей не кажется. Слишком накрученно выходит.

– Да чего тут накрученного? – возмутился дед.

– Если мы пустим князя на якутов...

В этот момент я почувствовал растущее беспокойство. Будто кто смотрел на меня пристально, и намерения у этого неизвестного были ой какие недобрые! Бешено зачесалась грудь, а под ребрами вдвое быстрее обычного застучало сердце. Я аж вскочил от столь неожиданного поведения организма.

– Ты чего? – разом повернулись ко мне спорщики.

– Будто смотрит кто... – неловко пояснил я. – Пристально так...

Реакция на мои слова была молниеносной и неожиданной. Глеб сбил меня с ног и навалился сверху, а дядя Ваня рыбкой нырнул за диван, спинка которого тут же взорвалась обивкой и наполнителем. Секундой позже осыпалось оконное стекло.

В нас стреляли.

Глава 10. Боярский дар – 2

– Щит можешь поставить?

Лицо Самойлова было так близко к моему, что в иной ситуации я бы попытался отодвинуться на метр или даже дальше. Но про интимную зону сейчас было вспоминать глупо, да и Глеб сразу же сполз с меня на пол.

Диван дернулся еще пару раз, обзаведясь новыми дырами в уже измочаленной спинке. Серьезными такими дырами, размером с кулак.

– Н-не знаю...

– А ты попробуй! – рыкнул следователь. – Видал, каким калибром лупят! – И тут же: – Иван Палыч! Живой?

– Живой пока. Это по чью душу, ребята? Твою или Игореву?

– Поди знай!

Я прикрыл глаза, сосредоточился и почти сразу увидел крутящийся водоворот дара. В этот раз он был другим: крупнее, и крутился быстрее. В нем было только три цвета: красный, черный и небесно-голубой. Последний жгут пульсировал сильнее прочих, будто бы требуя обратить на него внимание.

Я потянулся к нему мыслью-рукой, и это вышло без всяких перстней Зеленого Фонаря! Голубой жгут приблизился и заполнил все внутреннее зрение, по мере увеличения превращаясь в крупноячеистую сеть. Которую я, повинаясь инстинкту, раскинул руками вокруг себя.

– Шире ставь! – тут же потребовал дядя Ваня. – Шире! Ты только себя с Глебом укрыв! Я еще помирать не готов!

У меня получалось! Получалось! Непонятно как, на одной интуиции, возбуждении и страхе, но получалось! Я сделал щит! Такой же, наверное, как и в том столкновении с триадой! Но теперь-то я понимал, что делаю. Пусть и не полностью.

Попробовал было укрыть щитом больший объем, но тут же встретил сопротивление голубой сетки. Она не хотела растягиваться. Вибрировала на кончиках пальцев и даже пыталась сжаться до размеров небольшого кокона вокруг моего тела. Будто была живой и имела собственные желания! Тут же вспомнив миг напряжения, когда в «Ладогу» летел огненный ступок, я с нутряным ревом потащил сеть в стороны. Упираясь руками и ногами, чувствуя, как каменеют все мышцы тела: живот, грудь, спина, ноги.

– Хватит! – тут же одернул меня наставник. – Вся комната уже закрыта! По соседям вряд ли стрелять будут. Видишь стрелка? На крыше, в двух кварталах отсюда.

– Нет! – прохрипел я.

Как бы, интересно?

– Да не напрягайся ты уже! Просто держи!

Дядя Ваня поднялся в рост и неспешно приблизился ко мне. Я почувствовал, как дважды прогнулся под ударами щит: в него стреляли, но он держал пули! Глеб тоже поднялся и всматривался через разбитое окно куда-то вдаль.

Держать щит было не сложнее, чем стоять с мешком муки на плечах. Главный труд уже выполнен, ноша поднята с земли и заброшена наверх. Теперь просто стой и не отпускай. Хотя чего врать, было тяжело.

– Ты, главное, не дергайся сейчас. – Наставник положил птичьи ладошки мне на глаза. – С непривычки страшновато может быть. Смотри.

И я увидел. Три пляшущих вихря воздуха: на месте себя, там, где стоял наставник, и там, где следователь. Чуть поодаль, шагах в десяти, кружились на месте и двигались еще смерчи-люди, живущие в этом доме. Они были везде! Сверху, снизу, с каждой стороны, куда ни взгляни! Стены, потолки, другие объекты не были видны, но каким-то образом ощущались.

Видны были лишь вихри и я, висящий в пустоте! Это было пугающе и... Господи, это было прекрасно! Никогда в жизни я не видел ничего красивее!

Вот, значит, как мой наставник видит мир?

– Вон там.

Голос дяди Вани указал мне направление не хуже лазерного луча. И я увидел смерч, сплетенный из темно-красного, оранжевого и кислотно-зеленого. Последним из цветов был страх – откуда-то я это знал. Ядовитая зелень наматывалась на оранжевый, переплетала его и словно бы поглощала. Смерч двигался уровнем чуть выше меня, постепенно отдаляясь.

– Бежит, – сообщил старик довольным и кровожадным голосом. – Понял, что на боярина нарвался и шансов нет. Подрежь-ка ему ноги!

Я и подумать ничего не успел, а из моего вихря вырвалась черная капля, вытянулась в стрелу и стремительно понеслась к убегающему стрелку. Столкнулась с красно-зеленым – оранжевого почти не осталось, и...

– Контроль, лосятина! – рявкнул наставник.

Он убрал руки с моих глаз в тот самый миг, когда цветной смерч стрелка стал полностью черным и распался в дым. И тут же отвесил мне увесистый подзатыльник.

– Контроль! Ты ж его по стенам размазал! Тонким слоем! Вот же олуха Бог дал в ученики! Сила есть – ума не надо!

Глаза, больше не закрытые дядь-Ваниными ладошками, вернулись к обычному зрению. Или уже не совсем обычному? Я вновь видел людей, а не смерчи энергий, стены, а не понимание сути стен – или как это правильно назвать? Но все это виделось будто через синеватый сетчатый светофильтр. Изодранный диван, разбитое оконное стекло, измочаленные жалюзи. Дядя Ваня, старческим шаркающим шагом бредущий по направлению к кухне. Самойлов, спокойно сидящий на подоконнике и быстро набирающий текст в телефоне. И я, стоящий посреди этого бедлама, – когда вскочить успел? Тяжело дышащий, перепуганный и довольный, как вчерашний девственник.

– Сваливаем? – внес я предложение коллегам. По мне, это был самый разумный вариант нашего поведения. Место раскрыто, теперь все знают, где мы находимся, и могут в любой момент нанести новый удар!

На меня посмотрели с недоумением. Вернее, Глеб посмотрел, после чего уткнулся обратно в телефон, продолжая строчить сообщение неизвестному адресату. А вот дядя Ваня хмыкнул, но все же снизошел до объяснений.

– Зачем, Игорек?

Я ему объяснил зачем. Быстро и очень, на мой взгляд, убедительно. Хотелось еще и про «Игорька» пройти, но не ко времени было.

– Дурак ты, – услышал я в ответ. – Это же твоя квартира! Все, кому надо, про нее давным-давно знают.

А. Ну да. Не подумал. Хм. Неловко вышло как-то.

– Да и с чего бы обер-секретарю в бега подаваться? Не преступник чай. Ты лучше князю позвони, а потом жандармам, – посоветовал дед, шаркая в кухню. – Расскажи про покушение на тебя, время немного выиграешь. И кстати, жандармам скажи, что стрелок во-о-н в том доме! Где-то этаже на двадцать втором.

Тонкий палец наставника указал на высотку в двух кварталах от нас.

– Но сначала умойся сходи, – вставил Глеб. Тронул пальцем свой нос и пояснил: – Кровь.

Из зеркала в ванной комнате на меня смотрело чужое лицо. Выглядающее точно так же, как мое, но чужое. Вытянутое, с плотно сжатыми губами и жестким прищуром глаз. На этом лице кровь, текущая из носа, не выглядела признаком слабости. Скорее, подчеркивала силу. Была драка, мужчина победил, а остальное не столь важно. Царапина!

– Ты в курсе, что магию применил? – едва шевеля губами, спросил я свое отражение. – Осознанно, понимаешь? Магию! И человека убил! Твою мать!

Отражение ничего не ответило. Смотрело на меня серыми глазами, будто взвешивая и оценивая.

– Я же ничего такого не хотел! Хотел защититься только, и все! А ты!..

Может, с ума схожу? Но я чувствовал в себе присутствие двойника. Здешнего Игоря, настоящего. Не рохлю кабинетную, кем я, если уж смотреть правде в глаза, был, а потомственного убийцу. Хищника, умеющего и любящего убивать. Который высунулся на короткий миг, пустил кровь и вновь спрятался. Это не мысли его были, не знания, а будто бы память тела прежнего владельца. И от этого я чувствовал потребность говорить с ним. Пусть бы это выглядело как беседа с самим собой.

– Молчишь? Ну, правильно! Что тут скажешь! Чудак ты, Игорь Сергеевич! Вот как есть – чудак на букву...

С другой стороны, ну убил и убил! Стрелок сажал по мне из какой-то пушки, так чего с ним миндальничать? Он-то ценность моей жизни не слишком высоко ставил! Вышло бы у него все – мучил бы он себя этими метаниями? Да черта с два! Сложил бы свою винтовку и спустился с высоты, еще и посвистывая! Так что в задницу вас, господин пресс-секретарь губернатора! Вместе с неуместной здесь моралью и комплексом нонкомбатанта!

Но сила... Господи! Осознанное применение дара пьянило круче деревенского первача! Мощь, которую я мог направить на любого своего врага! Просто размазать его по стенам, как сделал это с киллером! С такими возможностями в арсенале уже можно и поиграть с местными. На их поле, по их правилам, но уже не глупой фигурой, на которую валится все что ни попадя, а игроком. Пусть сейчас я им еще не ровня, но – дайте время! Я научусь!

Последовав совету дяди Вани, звонки я совершил сразу же, как закончил умываться. Не выходя из ванной. Первый – Фочину. Выслушал праведное возмущение человека, которому, верно, начало надоедать прибирать за мной трупы, но обещавшего выслать на место гибели стрелка лучших экспертов. Следом – князю. Коротко доложил о происшедшем и на долгое время замолчал, внимая господскому гневу.

– Тоже триада? – немного успокоившись, спросил князь. – Поэтому насмерть бил? – И опять вспышка: – Выжгу к хренам этот минский рассадник! Моду взяли на моей земле пако-стить!

– Вряд ли, Николай Олегович. Просто решил, что на нем защита, вот и приложил сильнее, чем надо. – Это меня Глеб надоумил безмолвной речью.

– Ну да, на боярина идти без защиты – это даже странно как-то, – протянул князь. – Да и вообще слишком много странного творится последние дни. Зачем тебя второй раз убить пытаются? Кому ты дорогу перешел? Или это под меня роют? У Антошки тоже видения странные... То ли беду прозревает, то ли дар так пробуждается – непонятно пока. Может, его в Албазин отправить от греха? Пока не уляжется? Что думаешь?

Манера общения князя с Игорем плавала от модальности начальника к родственнику. Причем так быстро и неуловимо, что я никак не мог под нее подстроиться и отвечал невпопад. Антошка этот, например. К чему его князь упомянул? Это же сын его, верно? Скорее всего, тот пацаненок, которого я тогда в резиденции видел. Он у нас в семье кем-то вроде Кассандры работает?

– Ладно, – властно прервал князь мое бормотание на тему «все с Антоном хорошо будет, в возраст входит». – Завтра с утра давай-ка ко мне, будем думать. Только с самого утра, ясно? Отбой!

Из ванной комнаты я вышел в настроении чуть более приподнятом. Все-таки хорошо быть (как там меня китаец называл?) рукой князя! Сделал пару звонков – и все! О последствиях убийства можешь не волноваться. И в бега не надо пускаться!

Осталось только выяснить пару мелочей: кто послал убийцу и как мне выбраться из истории, организованной моим двойником? Настроение моментально вернулось к привычному «все плохо», сползающему понемногу к отметке «мы все умрем».

– Заказ не через триаду проходил, – сообщил Глеб, едва я появился на пороге комнаты. Он все так же сидел на подоконнике, уверенный в том, что я по-прежнему держу щит. Что, в принципе, было верно: я про него забыл. – Я с Витей списался, он подтвердил.

– А что, только через триаду можно? – рассеянно ответил я.

Меня не то чтобы очень интересовал ответ на этот вопрос, скорее, я задал его по инерции.

– Нет, конечно. Просто через минцев проще и надежнее. Но тот, кто послал стрелка, действовал другим путем.

– А-а, – протянул я без выражения. – Слушайте, вы как хотите, а я тут оставаться не хочу. И окно разбито, и вообще...

– Да не бойсь! – отмахнулся Глеб. Он понял меня по-своему. – Я считаю, что это не в тебя стреляли, а в меня. Ход Арцебашева.

Дядя Ваня вошел в дом с балкона, держа в руках веник. И начал сметать битое стекло, шикнув предварительно на следователя, чтобы он ноги поднял.

– Точно?

Хотя какая разница. Люди становятся одинаково мертвыми вне зависимости от того, являются они целью или просто стали случайными жертвами. Да и не смогу я спать в доме, где меня недавно хотели подстрелить.

– Скорее всего. Сам подумай. Никто не посылает снайпера на ликвидацию мага твоего уровня – бессмысленная трата ресурсов. Что ты успешно подтвердил: почувствовал взгляд и закрылся от выстрела щитом. А вот меня подстрелить можно легко и просто. Моему дару до твоего далеко. Так что, рассуждая логически, целью был я.

– Арцебашев узнал, что ты вышел, и запаниковал?

Я нашел возле стола сумку и убрал туда ноутбук.

– Вроде того. Дал стрелку мое фото или слепок ауры. Тот меня проследил, и когда выпала возможность – атаковал. Мне очень повезло, что ты смог обратиться к дару.

– Это такая форма благодарности?

– Ну, ты и свою шкуру спасал. А ты куда собираешься?

Вопрос Глеба застал меня возле встроеного в стену шкафа с одеждой. Слушая его вполуха, я занимался тем, что собирал вещи.

– Говорю же, съехать отсюда хочу. Есть в городе гостиница приличная?

– А смысл?.. – спросил было Самойлов.

– «Албазин» лучше всего, – подал голос наставник, продолжая сосредоточенно сметать осколки в кучку. – И стоит наособицу, и охрану свою имеет, ну и роду княжескому наполовину принадлежит. Самое оно.

Албазин? Вроде это название князь упоминал в разговоре. Мол, отправить Антона в Албазин, пока все не рассосется. В гостиницу, что ли? В моем мире Албазин был деревней-музеем, в память о казаках, начавших захват новых земель. А здесь?

«А здесь это княжеская крепость, – безмолвной речью проговорил мне в ухо старик. Размышляя, я не заметил, как стал проговаривать мысли четко, и забыл про действие датских капель. – Родовое гнездо. Самое надежное место, куда в случае опасности детей прячут. А гостиница в городе, в честь княжеской крепости названа».

– Ну, поехали в «Албазин», – кивнул Глеб. Молчаливый разговор он слышал. Мне почему-то казалось, что он примется спорить, убеждая меня остаться. – Там, конечно, дорого, но не для тебя.

– А я, ребяташки, с вами еду. – Дядя Ваня приставил веник к стене и выпрямился. – Что-то мне говорит, наломаете вы без меня дров.

– Ну, значит, берем люкс! – хохотнул Самойлов и направился к выходу.

– А других там нету! – поддержал его наставник.

Хорошие у меня помощники! Все за меня решили!

Гостиница «Албазин» располагалась на берегу Амура, в той местности, где в моем мире начиналось село Верхнеблаговещенское. И о том, что это гостиница, я бы ни за что не догадался, не скажи мне об этом. Потому что сперва мы остановились перед высоченной, метра в три, не меньше, каменной оградой. Потом проехали в ворота и еще минуты три-четыре неспешно катились по узкой дорожке, петляющей среди настоящего леса. Фары «Москвича» иногда выхватывали из темноты посты охранников, поднятые шлагбаумы (мы их миновали три штуки), спрятанные среди деревьев особняки и даже наблюдательную вышку с часовым!

Наконец машина скрипнула тормозами и остановилась перед небольшим двухэтажным зданием.

– Это администрация. Сейчас оформимся и поедем к себе, – пояснил Глеб.

Сам он, надо сказать, тоже оглядывался с большим интересом. Надо полагать, раньше тут бывать ему не приходилось. Оно и понятно. От местечка этого так и тянуло властью, деньгами и влиянием. Свой парк, своя охрана, огромная территория и очень далеко отстоящие друг от друга особняки-номера. Вряд ли гостиница сдавала их командировочным или влюбленным парочкам, ищущим уединения. Разве что очень богатым парочкам.

А вот Иван Павлович выглядел невозмутимым арабским шейхом. С другой стороны, он все это видел совсем по-другому. Я невольно поежился, вспоминая опыт общения с даром старика.

От самого дома я держал щит, закрывая им всю машину. Это утомляло, но – параноики выживают! Да и дядя Ваня на эту тему высказался положительно.

– Нарбатывай опыт. Меняй конфигурацию щита: увеличивай, уменьшай. Попробуй ослабить в одном сегменте и усилить в другом. Дело нужное.

Администратор в сером полупальто уже ждал нас на улице. Едва машина остановилась, он принял от меня документы, попросил немного подождать и скрылся в здании. Через несколько минут вернулся, вручил мне ключи от номера и объяснил, как к нему проехать. Не сказав при этом ни одного лишнего слова, не лебезя, но оставаясь при этом любезным и предупредительным. Такого уровня обслуживания я еще не встречал нигде. Выглядело все так, будто я арендовал замок английского лорда вместе со всей прислугой.

Внешне наш особняк не производил впечатления жилья дорогого и пафосного. Скорее, надежного и уютного дома, построенного в стиле эклектизма. Встречался я одно время с девушкой-дизайнером, нахватался понятий. По-русски эклектика означала примерно следующее: кидаем в blender десяток разных стилей, хорошенько перемешиваем и получившуюся странную массу наливаем в коньячный фужер.

С одной стороны, дом походил на традиционные русские избы: кладка бревен, двускатная крыша, каменная труба, из которой тянулся дымок. С другой – большое количество стеклянных панелей, мягкий желтый свет из которых освещал придомовую территорию и патио, являющееся логическим продолжением дома. Сказочная лесная избушка, построенная из современных материалов, воплощающая мечты горожанина о загородном доме.

– Добро пожаловать, дорогой друг Карлсон! – объявил я голосом мультяшного персонажа, открывая дверь. И, видя недоумение Глеба, закончил цитату специально для него: – Ну и ты заходи.

Внутри домик оказался обставлен в том же причудливом смешении стилей – традиционного и современного. Камин из серого камня и стеклянный столик с тонкими ножками рядом. Массивный книжный шкаф из красного дерева и хрупкие даже на вид стулья в стиле хайтек. Мягкий ковер в форме медвежьей шкуры (если бы существовали медведи, способные своей шкурой закрыть пол в гостиной квадратов в тридцать) и абстрактные статуэтки в поло-

вину человеческого роста. Африканские маски на стенах. Ловец снов под потолком. Китайские колокольчики у двери. Создать из таких разношерстных вещей гармонию – это надо уметь. Владельцам «Албазина» это удалось полностью.

– Я спать, – сообщил Самойлов. Бросил на пол сумку и ускакал по лестнице на второй этаж.

Я собрался было последовать его примеру, но был остановлен наставником, на лице у которого было написано, что на сон в ближайший час мне рассчитывать не стоит.

– Давай разберем происшедшее, – кивнул он на пол и, подавая пример, уселся на ковер.

– Ну, давайте, – без особой охоты откликнулся я, скрещивая ноги по-турецки.

И погрузился в полный разбор полетов. Старик заставил меня вспомнить каждый аспект применения дара. Каждую мою мысль, каждую реакцию тела. Что послужило пусковым механизмом? О чем я думал? Как видел результат применения дара? Что чувствовал? В общем, почувствуй себя, что называется, препарированной мышью на лабораторном столе сумасшедшего доктора.

– Хорошо, – сообщил он примерно через полчаса допроса. – До уровня Игоря тебе, конечно, годы еще расти, да и контроля я пока не вижу, все больше сырой силой бросаешься, но для второго дня хорошо. Еще часок упражняемся – и можешь идти спать.

Во время второй тренировки я получил от деда куда больше теории. Видимо, потому, что он считал меня все же перспективным учеником. Даже на вопросы соизволил отвечать, что сутки назад делал неохотно. Например, объяснил, как я, пришелец из другого мира, знать о магии не знавший, могу пользоваться даром своего двойника. Не забывая заставлять меня выполнять дыхательные упражнения.

– Сила – в теле, на генетическом уровне. Это уже лет сто пятьдесят как выяснили. Иначе как бы роды боярские и царские власть сохраняли? От отца к сыну, от матери к дочери. Может затухать, а может разрастаться. Но сама сила без контроля – ветер. Может охладить в зной, может разметать постройки, а может и в пропасть скинуть. А контроль – в разуме. Вот тебе и ответ. Ты в тело попал, у которого дар имеется. Но твой разум управлять им не может. Пока не может, – уточнил он. – Это ведь навык. Как машину водить или из ружья стрелять. Возможно. При наличии машины или ружья.

– А твой дар, дядь Ваня? Он боярский или мирской?

Дед пожевал нижнюю губу. Поправил мне стойку, надавил на плечи, заставляя присесть ниже.

– Единого мнения на сей счет, Игорек, до сих пор нету. Теоретики, конечно, копыа ломают, но по всему выходит, промежуточная это вещь. С одной стороны, я вижу ауру и еще много чего. Применение любого дара, например. Понимаю все процессы, с этим связанные, точнее даже, вижу их. А с другой – сам-то ничего не могу. Ни боевого дара во мне нет, ни мирского. Ни лечить, ни калечить, хе-хе.

– И свое зрение давать, да?

– Не всем. Только сильным. С тем же Глебом не сработало бы, даже навредить могло. А с тобой ничего! Я сначала опасался, что тебя без опыта замутит, а вышло вполне!

Дальше дядя Ваня по-стариковски скатился в тему общей теории, скача по ней, словно блоха, с темы на тему. Высказался про вырождение дара у старых семей, посетовал на технологии, которые, по его мнению, за это ответственны. Помыл кости князю и его семейству – здешний монарх обзавелся наследником очень поздно, в возрасте шестидесяти лет. И про наследника до сих пор неизвестно, носитель он царского дара или нет.

Потом он и вовсе начал ругать американцев, у которых собственных родов никогда не было, но они затеяли вести политику привлечения к себе отпрысков из древних европейских, русских и азиатских семей. Не гнушаясь и мирянами.

– Понимаешь, какие паскуды, Игореша! Своего ничего нет, кроме денег, так все норовят чужое стащить! Африканосов к себе тянут! Говорят, новое слово в магических дисциплинах создают! А что они там создать могут? У черных-то бояр нет, одни миряне! Вот и выходит, что армию убийц клепают. Думают, защитит это их от Пламени или Хлябей! Доиграются, мерзавцы! Станет на Земле еще меньше места для жизни!

Как бы мне все это ни было интересно, тем более что в словах наставника чудилось что-то важное, в какой-то момент я задремал. В довольно неудобной позе, напоминающей одно из чудных упражнений йоги.

– Все. Топай спать. Хватит с тебя на сегодня, – разбудил меня дядя Ваня. – И убери уже, наконец, щит! Я все смотрю на тебя и думаю: на сколько силы хватит?

Вот ведь! Я и забыл про него! Понятно, чего я себя таким раздавленным чувствую! Но старикан каков! Мог ведь и раньше сказать!

Глава 11. Сделка

«Выжил?»

Я стоял в пустоте. Не висел, а именно стоял, ощущая ногами поверхность тверди неизвестной природы. Не было ни света, ни тьмы. Не было ничего и никого. Только я. Раздвоившийся.

Я сразу же понял, что это не сон. Во-первых, мне сны почти никогда не снились, во-вторых, происходящее было слишком уж реальным. При этом я практически не испытывал удивления. Словно это нормально – попасть неизвестно куда и встретиться с собой. Хотя о чем я вообще! События последних дней кого хочешь разучат удивляться!

«Ты?» – «И ты!»

Отражение усмехнулось. Нет! Не отражение. Рыхлое тело. Небольшой животик, переваливающийся через ремень. Наметившийся второй подбородок. Щеки. Господи Боже, щеки! Я! Это я! Настоящий я! Мое настоящее тело!

Одновременно с радостью пришло чувство брезгливости. Я? Мое? Братан, чего ж ты себя так запустил? Тебе ведь тридцать лет всего! Молодой мужик, а выглядишь как лайт-версия Будды! Два дня в теле двойника – и я смотрел на себя другими глазами.

«Неприятно, да, – заметив мой взгляд, подтвердил Игорь. Обер-секретарь князя Благовещенского и Тындинского собственной персоной. Занявший мое тело и мою жизнь. – Я был по-настоящему обескуражен, столкнувшись с одышкой. Не представлял, что такое возможно!»

Он ухмыльнулся. Ну и мерзкая же у него вышла улыбочка. У него... У меня! Я ведь так улыбался! Всегда так делал, демонстрируя пренебрежение к собеседнику.

«Тебя не должно быть здесь!»

Вот уж с чем я был полностью согласен. Меня не должно быть здесь. Ни в этой странной пустоте, ни в мире, где правят маги. Но я здесь. Или он про другое?

«А где я должен быть?»

Он не ответил. Сверлил меня моим фирменным пристальным взглядом, ухмылялся и молчал. На меня накатила ярость! Лыбится он мне! Струсил, смылся и еще смеет на меня так смотреть! После всего того, что со мной сделал!

«Твоя работа? Запутался в собственных интригах и решил сбежать?» – «Не тывкай, о чем и понятия не имеешь, пся безродная! Ты ничего не знаешь о ставках, которые...»

Да ладно?! Не знаю?! Ну, держи!

«Княжество? Брак с угасающим родом? Союз с Бестужевым? Высокие ставки, спору нет! Измена своему князю. Убийство посла. Слив моста москвичам. Элеватора якутам. На этом фоне насильственное перемещение двойника из другого мира выглядит детской шалостью! Кстати, как ты это сделал?»

В глазах Игоря появилось новое выражение. Странное. Незнакомое. Он был удивлен. И впервые посмотрел на меня как на человека, а не как на насекомое.

«Быстро ты во всем разобрался. Без дара. Без союзников. Как тебе удалось?» – «Походил по городу, поспрашивал. Чего там было выяснять, ты хлебных крошек оставил будь здоров!»

Вновь молчание и сверлящий взгляд. Ну, давай помолчим! Я это лучше тебя умею делать!

Так и вышло. Он опять принялся спрашивать. Его голова была полна вопросов. Как это знакомо!

«Ты не в коме?» – «А ты думал, пульсар меня уничтожит?» – «Зачем мне уничтожать свое тело, глупец?» – «А нападение триады?» – «Должно было тебя контузить. И только. Погрузить тебя в кому. Базовой защиты тела хватило бы на поддержание жизни на пару месяцев».

Вот как? Он не собирался меня убивать? Или просто сейчас так говорил, когда ничего не вышло? Но правда, зачем ему уничтожить собственное тело? Ну конечно! Он не сбежал! Он собирался отключиться на некоторое время, чтобы никто и не подумал обвинять в возникшем кризисе его! Даже сочувствовали бы – пострадал за отчизну!

«Ты просчитался!» – «Уже заметил». – «Зачем пришел? Вот это все – зачем?»

Взгляд двойника посуровел на секунду. Казалось, еще немного – и пухлощекий офисный планктон двинется на меня. Интересно, у него есть шансы против мускулистого и тренированного тела? Затем лицо Игоря – мое лицо – сложилось в улыбку дипломата. И я сразу же понял, что будет дальше. Я знал этот прием! Обер-секретарь собирался торговаться.

«Давай оставим это? Я допустил ошибку, признаю! Начнем сначала?» – «Мы с тобой не разругавшиеся любовники, чтобы начинать все сначала!» – «Я могу вернуть тебя обратно. Вот в это». Двойник с брезгливостью оглядел оболочку. «В твой мир. К маленьким твоим интрижкам и страстям. Выборы князя – горячечный бред какой-то!» – «Губернатора». – «Ну да, ну да. Так ты хочешь обратно?»

Хочу ли я обратно? Да! Очень! Мне нравится богатство и статус двойника, да вот цена за это совершенно не устраивает!

«Расскажи сперва, чего хочешь ты?» – «Да почти того же самого, что и ты. Вернуться. Воспользоваться плодами своих усилий. Получить то, что я заслужил! Но сперва нужно выждать месяц-другой». – «И это время я буду в твоём теле? Я столько не протяну – грохнут раньше. Ты же доброжелателей наплодил – целая армия фанатов! В меня каждый день кто-то стреляет!» – «Если сделаешь, как я скажу, тебе ничто угрожать не будет!»

Угу. Так и будет! Я тебе верю, человек.

«Слушай! Зачем тебе понадобилось изменять князю? У тебя ведь есть все! Я посмотрел счета в банках – столько денег потратить очень сложно! И влияние. И магия! Я тебя не понимаю!»

Двойник посмотрел на меня удивленно. Будто заговорил не я, а чучело медведя.

«Тебе зачем?» – «Интересно. Ну правда! Было бы у меня все это – я бы на князя молился!» – «А я и молился!»

Голос двойника стал злым. Как у мальчишки, которого наказали, но не объяснили за что.

«У меня есть все, тут ты верно сказал! Точнее, было все! До рождения наследника князя. Он ведь был бездетен, ты знал? И я наследовал княжество! Я, а не пацан, у которого неизвестно еще, есть ли царский дар!» – «А у тебя есть?» – «Есть! И дядька учил меня им пользоваться! Он ведь готовил себе смену. Меня готовил, а не сопляка! Я могу половину Маньчжурии уничтожить! Но после рождения пацана вынужден довольствоваться ролью присного. Ближнего, но второго!»

Голос обер-секретаря взвился птицей на последней фразе. Он до сих пор был обижен поступком своего князя. И он его не предал. Он ему мстил. За разрушенные надежды, за отобранное будущее, которое уже успел примерить. Даже жаль его стало. Мимолетно.

«И ты решил?...» – «Баста!»

Игорь совершенно по-княжески рубанул рукой.

«Обо мне поговорили! Ты пойдешь на сделку? Мне нужно твое содействие. Если будешь послушен, через месяц вернешься домой». – «Ты не назвал условия». – «Ты должен быть в коме».

Да иди ты! Все бросил, ага!

«Серьезно? И как это сделать?» – «Это не так сложно. Я расскажу, как это сделать. Тебе ничто не будет угрожать! Ты просто побудешь в беспамятстве, а потом очнешься дома».

Никогда нельзя верить человеку, который говорит слова «безопасность» и «тебе ничего не будет угрожать». Я достаточно вращался в обществе лгунов, чтобы это понимать. Но послушать можно, не переломлюсь.

«Рассказывай». – «Ты уже обращался к моему дару?» – «Да, ставил щит». – «Непонятно, как тебе это удалось, но хрен бы с ним! Это все упрощает! Тебе надо призвать пульсар...» – «В терминах твоего мира я еще не очень». – «Кроваво-красный жгут дара. Видел его? Активируется яростью. Представь меня, или кого ты еще ненавидишь? В узле появится красный жгут. Тянешься к нему, просишь совсем немного, щепоть. И посылаешь в стену». – «В какую стену?» – «В любую! Просто кидаешь пульсар в стену, возле которой стоишь!» – «А меня не убьет?» – «Не будь идиотом! Зачем мне убивать свое тело?» – «Чтобы замести следы, например!» – «Повторю еще один раз: я собираюсь вернуться!»

И до меня дошло.

«А пока я в сознании, ты этого сделать не можешь?»

Злой взгляд был мне ответом.

«Ну хорошо. Допустим, я тебе поверил. Сделал все, как ты говоришь. Какие гарантии, что ты меня вернешь?» – «Гарантией выступают законы физики. Закон сохранения энергии, слышал о таком? Невозможно взять что-то в одном месте, не возместив это чем-то иным. Как только я вернусь в свой мир, ты окажешься в своем. Ты мое возмещение, а я твое». – «А как ты это сделал вообще?» – «Ты согласен или нет?» – «Не гони, мужик! Мне надо подумать!» – «Думай. Но недолго. Завтра дашь мне ответ». – «А что ты мне сделаешь, если не дам?»

Но последняя фраза была произнесена в пустоту. Двойника больше не было. Я один стоял посреди ничто и нигде. Впрочем, недолго. Яркая вспышка ударила по глазам. Я заорал и... проснулся!

– Долбанные маги! – в полный голос рявкнул я.

Комната. Реальная комната с тремя деревянными стенами и одной стеклянной. Свет. Умеренной жесткости матрас и промокшая от пота простыня.

Сон? Я действительно говорил со своим двойником или мой разум устроил мне такую ловушку? Выдал желаемое за действительное и реализовал это в короткометражке? Подогнал факты под реальность. Могло такое быть? Могло. Но, как я уже говорил, сны мне снились редко. Так что... Хотя чего я гадаю? У меня тут под боком парочка местных консультантов!

Глянул на экран телефона – половина шестого утра. Еще час можно было бы поспать, но какой сейчас сон! А я не сплю – ха-ха! – никто не спит!

– Дядя Ваня! Глеб! Подъем по гарнизону!

В холодильнике на просторной кухне оказалось полно продуктов. Мясо, овощи, фрукты. Имелась посуда, так что я взялся за приготовление самого популярного завтрака одинокого мужчины – яичницы. Соратники мои сидели за столом, терпеливо ожидая своих порций, и внимательно слушали пересказ сна.

– Вот, значит, какой у Игоря план был, – без выражения протянул дядя Ваня. Втянул носом божественный запах холостяцкого завтрака и добавил: – А вкусно пахнет!

– Долгие годы тренировок! – откликнулся я. Приготовление яичницы я и правда отточил до совершенства. Продолжая при этом экспериментировать с добавлением тех или иных ингредиентов. Сегодня, например, я притомил яйца до состояния пашот на овощной подушке. – Так это не сон?

– Да какой сон! – рубанул рукой воздух Глеб. – Таких снов не бывает!

Вот и я так подумал. Но спокойнее было услышать схожее мнение от других людей.

– Пересидеть решил. Тут все успокоится, тогда и вернется. Умно.

Дядя Ваня прожевал первый кусочек моего кулинарного чуда с одобрительным покачиванием головой. И неожиданно спросил:

– Ну и что ты решил?

– По его предложению? В кому попасть?

– Ну да.

– Пас. Суицидальных наклонностей никогда не имел. Мало ли что он там говорит! Ему ведь вернуться надо, так что наплетет с три короба! А у меня к нему веры нет.

Глеб едва заметно выдохнул. Облегченно. Наставник кивнул с одобрением. Оба были на моей стороне. Понятно, что Самойлову балбес Антошин выгоднее, чем предатель обер-секретарь, а старикану было безумно интересно на закате жизни поучаствовать в чем-то значительном. Но на душе все одно потеплело.

Друзей у меня со школы не было. Хорошие знакомые, приятели, коллеги, соседи, собутыльники, временные союзники, но не друзья. Я очень щепетильно относился к этому понятию, чтобы награждать им каждого встречного-поперечного, стоит раздавить с ним бутылку коньяка. Да и недоверчив я по природе, плюс работа такая, что доверие бывает только во вред. Но вот глядя сейчас на старого слепца и молодого идеалиста, вдруг почувствовал, что они могли бы стать моими друзьями. То есть я мог бы их так назвать. Может быть, не сейчас, а через время. Это немного пугало.

– Ну что? Какой план на день? – Расправившись с яичницей, я поднялся из-за стола в приподнятом настроении. – Меня с утра князь ждет, а ты, Глеб, вроде хотел со мной к какому-то хакеру съездить?

– К кому?

– Ну, ты вчера говорил про какого-то доку в банковских спекуляциях?

– А, этот! Я могу и без тебя съездить. Или вместе позже. Князь важнее. Так что давай сперва к нему, я в машине посижу, послушаю ваш разговор.

– Это не помешает. Дядя Ваня, у тебя какие планы?

– Позвоню парочке своих бывших воспитанников, попрошу помочь информацией по старой памяти.

– Это кому?

– Меньше знаешь – крепче спишь. Расскажу, если удастся что-то узнать, – усмехнулся вредный дед.

Я ответил ему ухмылкой, которую он не мог увидеть. И заметил, что в узле дара, который я теперь не выпускал из внутреннего взора, промелькнул ярко-желтый жгутик. Все он видел, хитрый старик!

Встреча с князем состоялась не в его кабинете. Он принял меня в личных покоях, этажом выше. Монарх был в китайском шелковом халате и мягких тапочках. На маленьком столике лакированного дерева был накрыт завтрак на двоих. Ни жены, ни сына рядом не наблюдалось.

– Присаживайся, племян. Завтракал?

– Да, Николай Олегович.

– Игорь, мы дома, – укорил он меня мягко. – Давай без официоза.

Вот опять эта тонкая грань местных обычаев! Как в ней разобраться, драгоценнейший дядя, если у тебя дом на одном этаже, а работа на другом? И как тебя величать? Дядей Колей, что ли?

Вместо этого я кивнул и молча придвинул себе чашку с чаем. Кофе у князя на столе не было.

– Слышал, съехал ты со своей берлоги?

А, ну да. «Албазин» же частью княжескому роду принадлежит. Понятно, чьи птички напели.

– Стреляли, – отозвался я тоном Абдуллы из «Белого солнца пустыни». – Не хотелось с уборкой на ночь глядя возиться.

– Рассказывай уже. Что там за стрелок такой обезумевший, что на боярина с винтовкой ходит. Фочин с утра уже доклад на почту прислал. По ДНК установили личность – местный.

Бывший дружинник, из младших. Стрелок хороший, давно в отставке, живет на наделе в сотне километров от столицы. Женат, дети есть, с криминалом не связан. Чего он на тебя взъелся?

Князю я выдал усеченную историю, основанную на версии Самойлова. Мол, стреляли не в меня, а в моего следователя, кто заказчик – неведомо, но явно по старому делу, за которое паренек в тюрьму сел. Потрошители, дескать, перепугались и сделали ход.

– Еще и потрошители... – Николай Олегович умудрился расстроено вздохнуть и откусить круассан одновременно. – Где я так Господа прогневал?

Настроение, впрочем, у вседержителя земли Амурской было добродушным. Кушал он с аппетитом, поглощая, на мой взгляд, слишком большой объем продуктов, чтобы оставаться стройным мужчиной средних лет. Может, у магов метаболизм другой? Чем-то же дар питается? Да и семидесятилетним князь не выглядел.

– Что по маньчжурскому послу? Помог тебе Самойлов?

– Немного помог. На триаду вышли, поговорили с посредником. По мелочи, ничего конкретного, но кое-какие зацепки появились.

И я замолчал. Надо было бы говорить, как-то держать князя в курсе расследования и всплывающих фактов (в нужном окрасе), но... Дальше начиналась очень уж зыбкая почва. Если обобщить, я должен был убедить князя, что посла заказали москвичи, которые хотели заполучить акции моста. Что в деле замешаны якуты, желающие иметь свой торговый хаб в пятикилометровой зоне от международной транспортной развязки. Что в княжестве действует банда торговцев детьми и крышует оную его воевода. Наверняка еще и его старый друг. А вот обер-секретарь тут вообще ни при чем! Да только как это сделать?

Князь мое молчание воспринял по-своему. Люди, кстати, всегда так делают. В смысле трактуют любые события не в свете внешних факторов, а прогоняя их через фильтр собственных мыслей, чаяний и переживаний. И получают на выходе выводы, которые совершенно не вяжутся с происходящим предметом. Я вот замолчал, так как не знал, что сказать, и мучительно искал выход из тупика, а Николай Олегович решил, что я на него обижен.

Так и спросил:

– Ты до сих пор обиду на меня носишь?

Это он о чем? А! Он же Игоря в наследники прочил, да потом сына родил. Не мог же он не понимать, как того подобное решение заденет. И сейчас, выходит, спрашивает примерно вот что: «Не решил ли ты, племянничек, слить расследование из-за застарелой обиды на дядьку?»

– С чего вы решили, Николай Олегович?

– Да с того, что раньше ты меня наедине только дядькой звал или Колей! И подшучивал постоянно... И еще... Много еще чего!

Глаза у князя были печальными. К бабке не ходи, его чувство вины перед племянником глубже Марианской впадины. Но губы плотно сжаты, что как бы намекало, что с этим моральным грузом он справится. И поступит так, как следует поступить.

– Так не пятнадцать лет уже! – с намеком на улыбку отозвался я. Чего ж делать? – Как-то несообразно «дядьколить». – А потом, будто получив вдохновение, заговорил по-другому. С напором. Спасибо тебе, двойник! – Но если хотите обсудить не творимые в княжестве преступления, а наш разлад, то извольте. Да! Была обида! И сильная была обида, так я вам скажу! Я ведь успел на себя княжество примерить и другого будущего не знал! А тут – нате здрасте! – наследник. А ты, Игорек, в сторонку отойди и под ногами не мешайся! Нужен будешь – позовем! Ну, мало ли, вдруг у Антона Николаевича царский дар не проснется? Это вы хотели услышать, дядя Коля? Ну вот, слышите. Стало легче?

Он смотрел на меня все теми же глазами сенбернара. А вот линия губ стала мягче. Будто он удар получил и сейчас рот откроет, выдыхая беззвучное «О». Видать, и правда назрел у дядьки с племянником этот разговор. Но Игорь молчал, предпочитая пестовать свою обиду и

готовить удар возмездия, а князь не решался начать. Или начинал, но не заканчивал. У родных людей такое сплошь и рядом.

– Но мне, как я уже говорил, не пятнадцать лет! Понимание имею о долге, о пользе и о роде. Не скажу, что обида ушла, это враньем будет! Нет-нет да и высунет голову! Но это эмоция человеческая, понятная. И управляемая вполне. Для потомка княжьего рода – точно! Так что на себя одеяло тянуть я не собираюсь! Антошке княжить – значит, за его плечом встану, как сейчас за вашим стою! И хватит уже эту тему поднимать!

В завершение своего якобы эмоционального выплеска я даже вскочил на ноги, заставив задетый столик с завтраком закачаться, а чашки и плошки на нем – задребезжать. И откуда у меня в голове все эти слова и обороты? Старые, пыльные, явно книжные, но определенно верно примененные к ситуации!

Князь поднялся вслед за мной. Медленно. Долгую секунду смотрел на меня, заставляя усомниться в верности избранной по наитию стратегии. После чего шагнул вперед и стиснул меня в объятиях.

– Мужем мы тебя с сестрой воспитали, – глухо проговорил он, отодвигая меня от себя. – Не стыдно будет брату в глаза глянуть, когда час придет.

Он явно сдерживал слезу, этот пожилой, но все еще крепкий мужчина. Непроницаемый на людях, но болеющий сердцем за разлад с близким родственником. Мои слова стали настоящим бальзамом, боль эту унявшим.

Я тоже кивнул. Сдержанно, как и положено мужчине в неловкой ситуации. Будто бы тоже под горлом стояло что-то хриплое, kloкочущее и пацанячье. Сжал в ответ его плечо и, глядя в сторону, сел. Вот где умение лицедействовать пригодилось, кто бы подумать мог! Хотя, если честным с собой быть, не вполне я играл. То есть играл, но не на сто и даже не на пятьдесят процентов. На этот короткий момент семейного разговора я будто сам стал настоящим Игорем. Племянником, обер-секретарем и все такое. Остро жалеющим отчего-то, что князь во мне ошибся. И перед братом (что с ним, кстати, стряслось?) ему все же будет стыдно.

– К нашим баранам. – В голос я добавил немного скованности. Очень уместной после такого разговора. Будто бы не было ничего такого сопливого. Сидели себе мужчины, говорили о важных делах да отвлеклись на шутку. – Я сегодня планирую доработать след триады. Но пока у меня убеждение, что не все там так просто, как сменщик отравленного посла говорит.

– Поясни.

Князь тоже сел и теперь с отсутствующим выражением на лице намазывал тост джемом.

– Не могу пока, просто нечего сказать. Интуиция говорит, что в шкатулке этой не одно дно. И возможно, даже не два.

– И чья эта многоходовка? Минцы?

Как всякий облеченный властью человек, князь был благосклонно настроен на разного рода заговоры и интриги. Готов, то есть, был к тому, что я сказал. А, была не была! Все одно московский след вскрывать придется рано или поздно! Рискнем!

– Я могу ошибаться, но кое-что указывает на Бестужева.

– Москвичи?

Надкусанный тост был аккуратно отложен, и Николай Олегович сделал большой глоток остывшего уже чая.

– Похоже на то. Но – без доказательств.

– На чем основываешь?

– Мост.

– Мост. – Князь кивнул с удовлетворением, будто ждал именно этого ответа. – Конечно, мост. Знаешь, я ведь вчера полдня просидел за документами по объекту. И кое-что мне странным показалось.

– Что?

Внутри разлился холод, будто в ботинках у меня стояла стылая болотная вода.

– Подрядчиков много сменилось. Начали с одного пула, а к завершению строительства уже с третьим подходим. Из первых, считай, никого не осталось. С чего бы такому быть?

Фуф! Не вскрыл пока махинации своего племянника. Хорошо он все запрятал. Ведь полагал вернуться и под княжескую руку не попасть. Но на след князь встал.

– Если за рабочую версию взять, что отравили посла по приказу не минцев, а москвичей, то можно предположить, что тот узнал что-то и от него поспешили избавиться. Например, проявил чрезмерный интерес к ротации подрядчиков на объекте. А затем и на меня напали, побоявшись того же.

И мы с князем подробно обсудили усеченную версию Самойлова, в которой злодеем был не Игорь Сергеевич, а Бестужев. Опуская явные дыры в ней, затыкая их правдоподобными суждениями, я мягко подвел дядюшку к мнению, что во всем виноваты «клятые москали». Ну или, по крайней мере, очень могут быть виноватыми.

– Логично, – покивал тот в завершение. – Очень логично. Но бездоказательно. На основании одних только суждений я москвичам предъявить ничего не смогу.

– Да и не надо ничего предъявлять, спугнем только!

– И то верно. Но нужно сделать что-то. Как бы не стало поздно.

– Аудиторскую проверку запустить по объекту, – выдал я. – Работы приостановить.

– Убытки... – протянул князь с сомнением.

– Да не обеднеем чай! Хуже будет, если проморгаем то, чего не видим пока.

– И то верно. Ну, действуй тогда. Я распоряжусь по аудиту.

Я кивком попрощался и двинул к выходу. И был остановлен у дверей словами:

– Игорь.

Пауза. Я обернулся и вопросительно глянул на дядьку.

– Я тут подумал... – Князь глянул на меня пристально. – Не век тебе вторым ходить, с царским-то даром. Я тебе почтой документы отправлю по Пермскому княжеству. Ты посмотри, как спокойная минутка выдастся. Стол там род Татищевых держит... держал. Но измельчал. Сейчас там княжит Ольга Татищева. На одной только верности боярской и сидит, своего дара, почитай, нет.

– Мне?

А вот теперь я уже не играл смятение.

– Ну а что? Нужно нам влияние расширять, да и родича на хороший стол пристроить не грех. Ты не подумай, Игорь, я тебя не принуждаю. Сам посмотри, почитай. Там и выкладки по княгине Ольге имеются: внешние данные, медицинские показатели, психотип, родственные отношения с уральскими семьями. А Пермь так или иначе кто-нибудь браком заберет. Так почему бы не ты?

– Ты что, уже и переговоры ведешь?

Только произнеся вопрос, я сообразил, что обратился к князю на «ты». Впервые. Но тот, похоже, принял это как должное.

– Ну, отказать-то не поздно. Дальше протокола о намерениях мы не прошли. Но местные роды к тебе благосклонно настроены. Там, правда, еще московский князь им кого-то сватать собрался, но пока без конкретики. Влияние он там большое имеет, однако местная элита хочет из-под его руки убраться – под своим князем ходить.

Накатило едва сдерживаемое желание заорать в полный голос.

– Я... Я посмотрю, – едва выдавил я. – Спасибо!..

– Пустое! Еще не решили ничего. Ну все, ступай уже. После это обсудим.

Глава 12. Княжич

Люди должны друг с другом разговаривать. А родственники – особенно. Поговори в свое время дядька с племянником – ничего такого не было бы: ни заговора москвичей, ни убийства посла, ни моего попадания в чужой мир. И жил бы я себе в своем теле, в своем мире, на своей должности... В скуке, предсказуемости и безопасности.

Дядька, а! Хитрец какой!

По лестнице я спускался медленно, пытаюсь уложить новые данные в голову. И едва не уткнулся в неожиданное препятствие. Поднял голову – мальчишка. Тот самый, которого я в первый день видел в княжеской резиденции. Сын Николая Олеговича. Двоюродный брат двойника. Или нет?

– Антон? – на пробу спросил я.

– Драсти, дядь Игорь!

– Я не дядя тебе, а кузен, – поправил я мальчика. – Двоюродный брат, значит.

– Я знаю! – отмахнулся тот. – А ты чего такой грустный, дядь Игорь?

Антон был настоящим пацаном. Такими должны быть все мальчишки в мире, если им от роду восемь-девять лет и у них нет проблем, кроме навязчивой опеки родителей. Худой, загорелый, лохматый, с глазами, которые постоянно ищут, чего бы такого сделать. Веселого, интересного – и обязательно небезопасного. Обычный мальчуган, не скажешь, что княжий отпрыск. Белая футболка измазана на плече пылью, короткие шорты с набитыми чем-то карманами и растоптанные сандалеты на босу ногу. Он постоянно пребывал в движении, хотя и стоял вроде на одном месте: переминался с ноги на ногу, почесывал сбитый где-то локоть, вертел головой по сторонам. Ракета в предстартовой готовности! Сейчас получит «ключ на старт» и рванет в неизвестном направлении.

– Дела...

– А я Вовку ищу! Ты не видел?

Интересовали его мои дела, как же!

– Э-э? Вовку?

– Сын охранника. Рыжий такой. А, ладно! Сам найду. Слушай, а у тебя дар когда проснулся?

Манерой менять направление разговора он очень походил на своего отца. Только делал это в непосредственной детской манере. Я и рта не успел раскрыть, а он уже сообщил:

– А у меня неделю назад! Смотри, как могу!

И малец вытянул в мою сторону руку с пляшущим лепестком огня на ней. Выглядел он при этом донельзя гордым. Впрочем, в его возрасте с таким же лицом демонстрируют дохлого жука, извлеченного из кармана, или приبلудившегося щенка.

Мне стало немного не по себе. Что способна натворить магия в неумелых руках, я уже видел. Чуть не дернулся к малому, чтобы сбить пламя. Но опомнился и сказал только:

– Осторожнее. Дар – это сила, а силе контроль нужен!

– Ты как наставник! – Мальчишеская ладонь сжалась в кулак, сминая пламя. – Пошли Вовку искать?

– Антон, я сейчас не могу. Очень много дел. Но когда я с ними разберусь, мы обязательно поиграем.

У меня не было своих детей. И я не очень знал, как себя вести с этим восьмилетним субъектом, для которого княжеская резиденция была местом для игр, дети охранников – соратниками, а призываемый на руку огонь – разновидностью цветных кубиков. Я с обычными-то детьми себя скованно чувствовал, а тут отпрыск царствующего рода.

– Так его ж не будет уже! Его папка сутки через трое работает, – снисходительно пояснил мне кузен. – Завтра Мишка придет, а потом Леха. Но Мишка в прятки играть не любит, зато сильный! Мы с ним боремся и на башню лазаем.

– Лазим, – на автомате исправил я разговорную норму на печатную.

Мальчишка отмахнулся: дескать, без тебя наставников хватает.

– Приходи лучше послезавтра, мы с Лехой будем планер запускать.

– Я постараюсь...

– Лан, я пошел.

Прежде чем ракета обожгла стартовый стол раскаленным выхлопом из дюз, я придержал мальчика за локоть. В голове мелькнула идея, которую хотелось проверить. Да и уж очень объект был подходящим – пацан, которому вряд ли покажутся странными вопросы взрослого брата.

– Антон. А царский дар у тебя уже пробудился?

«Я должен наследовать княжество! А не пацан, у которого неизвестно еще, есть ли царский дар!»

Мальчишка сразу погрузился и с тоской посмотрел в манящую пустоту коридора. Всем своим видом он выражал нежелание продолжать этот разговор, но просто сбежать тоже не мог. Как же! Взрослый родич.

– Антон? Я тебя обидел чем?

– Не. – Пацаненок шмыгнул носом. – Все просто спрашивают, спрашивают... Надоели уже!

– Ну, это же важно, братец. Ты же понимаешь...

– Да все я понимаю! – Звонкий детский голос попытался пародировать интонации кого-то взрослого, скорее всего наставника: – Не у каждого в роду открывается способность к дару заповедному, царским называемому!

Я улыбнулся. Искренне – мальчонка мне нравился. Своей живостью, серьезностью, даже манерой скакать с темы на тему. И чувством юмора тоже.

– Ну а все-таки? Проснулся?

– Непонятно, – признал он с шумным выдохом. – Наставник говорит, вот-вот должно. Папка говорит, все признаки есть. Сны тревожные, видения наяву...

– Это какие?

Антон посмотрел на меня с подозрением. Сквозь мягкие детские черты на миг проступило лицо его отца.

– Ты же сам знаешь!

– Так у всех по-разному! – моментально нашелся я.

Брата ответ устроил.

– А. У меня – небо зеленое и люди кричат. Много людей, очень много. Все плавится: дома, люди и небо даже... Страшно так...

– Это во сне?

– Ага. Во сне. А вчера вот не спал. А еще бывает, что родных вижу. Папку, мамку, тебя, тетя Иру. И друзей еще, Мишку с Лехой. В нарывах страшнющих, как у мертвецов! А еще просто так страшно иногда становится. Без видений. Идешь, идешь, и – бац! – вся сила из ног и рук уходит. А еще я подслушал, как мамка плакала и папке говорила, что бывает и умирают. И еще...

При разговоре о царском даре мальчишку начало отчетливо потряхивать. Словно он заново переживал весь тот ужас, который пожирал его во снах. Интуитивно, не думая, я положил ему руку на плечо, желая хоть как-то успокоить. Пацан тут же ткнулся мне в живот лицом.

– У тебя это долго было, дядь Игорь? – будто через подушку спросил он.

Вот что ему ответить? На фиг я вообще этот разговор затеял! Тоже мне, разведчик!

– У всех по-разному, – проговорил я.

Под рукой билась тонкая жилка на шее, частое горячее дыхание пацаненка обжигало живот.

– Папка говорит, до года может! – пожаловался брат.

– Да перестань! – Врать так врать! – У нас род сильный! Месяц максимум.

– А у тебя, говорит, полгода!

Еще один кусочек информации. Но не радующий ничуть – такая тоскливая боль тянулась от мальчика. Я положил руки ему на плечи, отодвинул от себя и присел. Когда мое лицо оказалось напротив его, взлохматил выгоревшие волосы:

– Антоха, ну ты чего? Я же боковая ветвь! Ты – прямой наследник рода! У тебя все быстро пройдет!

Тот смотрел на меня странным таким взглядом, в котором мешались детская доверчивость и взрослое понимание того, что его просто успокаивают.

– Ну, так-то да, – сделал он попытку улыбнуться. – А ты мне тоже, как папке, служить будешь? За плечом стоять и все такое?

– Всегда, братан! – щелкнул я его по носу. – Только ты вырасти сперва, а то как-то неsolidно будет: сопля такая стоит, а за ней дядька.

– Сам сопля! – тут же полез драться мой малолетний родственник. Непролившиеся слезы высохли, и через пару минут возни пацаненок уже восторженно орал на всю княжескую резиденцию: – Я тебя щас!

Вернувшееся настроение напомнило княжичу, что он вообще-то искал своего друга, а тот его уже, поди, заждался. И получившая, наконец, команду ракета, крикнув на прощанье «Покадядыгорь!», рванула прямо по коридору, наращивая скорость с каждым метром.

Я некоторое время еще постоял на месте, мотнул головой. И вот к этому пацаненку мой двойник взревновал? Знал его с пеленок, видел, как он рос, как произносил первые слова, и не смог полюбить? Я с ним всего-то минут десять общался и уже под обаяние попал! Это же ураган просто! Да и жалко пацана. Царский дар – ноша, как выясняется, тяжелая. Хорошо, у меня этих видений нет! Или – пока нет?

Одно странно – чего он без присмотра по коридорам носится? Это же банка с бензином на худеньких ножках! Где-то применит дар, не подумав, – и зови пожарных. С другой стороны, это ж наверняка не первый отпрыск с даром в здешних стенах. Которые как-то еще не сгорели. Вероятно, есть защита встроенная, или еще что.

Пока я размышлял, мимо меня, кивнув в знак приветствия, прошел средних лет мужчина. Обычный до полной незапоминаемости. Кроме одной детали. Его глаза были закрыты широкой кожаной повязкой. Двигался он легко, как танцор, и совершенно не страдал от ограничения зрения. Ну конечно! Наставник! Присматривающий за мальчишкой и за целостностью княжеского дома. Не сгорит сегодня терем княжий.

В машину я сел молча, думая о восьмилетнем мальчишке и своей запутанной ситуации одновременно. Так бывает – скачешь с мысли на мысль, обо всем и ни о чем.

Долго сидел так, не реагируя на вопросительные взгляды и покашливания Глеба. Когда же он не выдержал и нарушил тишину в салоне вопросом «Ну что?», я ответил:

– Мой двойник – идиот.

– Ну, это не оспаривается.

– Ты слышал, о чем мы с князем говорили?

– Игорь, датские капли – средство связи для боевых групп, а не направленный микрофон для подслушивания. То, что ты не проговариваешь, я слышать не могу.

Вот как? Упустил. Почему-то казалось, что Самойлов будет слышать все, о чем мы говорим. Это же, получается, с москвичами сегодня вечером мне придется каждую их фразу молча проговаривать для напарника? Да я свихнусь! Или нить беседы потеряю. Хотя если озвучивать только вопросы к следователю, то ничего страшного. Ладно, не об этом сейчас!

Коротко пересказав ему разговор с Николаем Олеговичем, я куда подробнее остановился на его предложении взять в жены пермскую княжну.

– Не, ну ты представь! Мой двойник встал на тропу войны, устроил вендетту своему дядьке за то, что тот у него стол из-под носа забрал! Наташил сюда москвичей, якутов и еще черт знает кого, а князь в это время вел переговоры о браке с княгиней Ольгой! Возможно, с той же самой, которую ему москвичи обещали! Каково, а!

Самойлов только головой покачал. Да, мол. Дела...

– А всего-то надо, чтобы люди поговорили, Глеб! Одному повиниться, второму признаться! И все! И ничего бы не было! Ничего, понимаешь! Женили бы Игоря на Пермском княжестве, прирастили бы влияние в Конфедерации, еще бы и Бестужеву нос утерли! Никто бы не умер! Никого бы из чужого мира не принесло! Вот как так?! Не помню, кто сказал, но в точку: нет у человека проблем, кроме тех, что он сам себе создает!

– История сослагательного наклонения не имеет, – отреагировал напарник. – Что произошло, то уже факт непреложный. И мы можем только повернуть ход событий туда, куда нужно. А сетовать бесполезно.

Прагматик ты мой! А то я без тебя не знаю!

– Ладно, что попусту время терять, – подвел я черту своему эмоциональному выплеску. – Поехали к твоему хакеру.

По дороге пересказал ему разговор с мальчишкой-княжичем, спросил про царский дар.

– Ничего не могу сказать, – ответил Самойлов, крутя баранку «Москвича». – Не мой уровень. Про высшую магию и наставники-то не знают. Все, что есть, – названия аспектов да выжженные земли там, где они применялись.

Рыцарем мышки и клавиатуры оказался толстенький и низенький татарин со сросшейся в полосу на лбу бровью. Я их безошибочно опознаю с тех пор, как полтора года в армии отлучился с казанским призывом. Ничего плохого про татар сказать не могу, есть (был уже, получается) у меня даже знакомец хороший, с редким для этой нации именем Саид. Хороший мужик, обстоятельный, надежный. А с «духами», видимо, просто так «повезло», что именно в нашу часть собрали одних имбецилов. С другой стороны, их и среди русских было не меньше, так что чего там говорить-то...

Встретились мы с ним в небольшом скверике, разбитом неподалеку от управления жандармерии. Мне еще показалось странным выбранное место, о чем я не преминул сообщить Глебу.

– Служит он здесь. Отделение сетевой безопасности, – пояснил следователь.

Вот так вот! Но если подумать, где еще могут трудиться хакеры? Если они именно трудятся, а не ломают безопасность банков и финансовых корпораций. Нет лучших охранителей, чем бывшие воры.

Самойлов представил сонно взирающего на нас мужичка Алмазом Юсуповым. Ответил на неизбежный вопрос о своем освобождении. И в двух словах сообщил, что хочет погулять по приватным секторам банковской сети.

– И конечно же, без высочайшего распоряжения? – с легким вздохом уточнил татарин. Но черные глазки его влажно заблестели.

– Тут со мной рядом, если ты не заметил, рука князя стоит, – поднажал Глеб.

– Ага. Только он в мою вертикаль не входит, – тут же отбрил тот следователя.

Я решил вмешаться. Видел, что хакер просто цену себе набивает, причем не в рублях. Знал таких – им больше нужно признание, чем деньги. И еще разрешение пошалить там, где закон не разрешает.

– Алмаз. В частном порядке и без разрешений. Мы копаем под потрошителей.

Просьба в таких случаях работает лучше приказа. А если подбросить немного тайны и важности...

Глаза татарина заблестели еще больше – я попал в точку. Тон его, впрочем, остался равнодушно-сонным.

– И вам, конечно, надо срочно?

– А ты занят? – с сарказмом произнес Глеб.

Едва заметное пожатие плечами. Дескать: ну как занят?.. Так-то есть дела...

– Желательно не тянуть, – вновь вклинился я. И выразительно глянул на толстячка.

– Понял.

Алмаз извлек из кармана странного вида телефон: толщиной в два пальца, имеющий и большой экран и обилие кнопочек в нижней части. Поднес аппарат к уху и тут же превратился в классического азиатского торговца, какими их изображают в кино. Голос стал медовым, улыбка расколола лицо почти пополам.

– Настенька-солнышко! Мне надо по личным делам отъехать. Часик, может быть, два. Тещу надо встретить, дай ей Господь здоровья и иные цели, кроме как клевать мой мозг! Да. Да. Ну конечно! Ты там на моем экране посматривай сканер. Да просто на всякий случай! Ага. И выгрузку минут через сорок сделай. Да. Слева которая. Ага. Будет спрашивать – скажи, живот прихватило, к врачу поехал. Да. И тебе, маленькая! Давай, трудись!

Убрав трубку в карман, он тут же вернул на лицо прежнее выражение невыспавшегося работяги, испытывающего искреннюю ненависть к своим рабочим обязанностям.

– Ну, поехали, чего стоим. В речпорт, район складов.

Протяженность здешнего Благовещенска вдоль Амура была такой же, как и у нас. Начинаясь он от слияния двух рек и тянулся, превращаясь в пригород, до самого Верхнеблаговещенского. Но расположение имел отличное. Например, речной порт стоял на Зее, достаточно далеко от слияния. А там, где в моем городе был автомобильный мост через Зею и тянулся частный сектор, ровными коробками стояли ангары складов.

Серьезный тут был товарооборот, не то что у нас. Хотя вроде и там и тут – торговый город, стоящий на самой границе. Впрочем, на Амуре поставить порт было бы логичнее, как мне кажется.

Следуя указаниям Алмаза, мы проехали большую часть складов, углубились в лабиринт контейнеров, стоящих друг на дружке в три этажа, и наконец остановились в тупичке.

– Сейчас. – Татарин выскочил из машины, поколдовал у замка контейнера первого яруса, распахнул его створки и крикнул: – Заезжай!

Это был штабик – иначе не назвать! Настоящий всамделишный штабик! Квинтэссенция мечтаний всех пацанов, реализованная сорокалетним мужиком! Три поставленных друг на друга списанных морских контейнера, объединенных в одно трехэтажное помещение. Первый уровень – гараж, куда мы заехали. Вполне пристойного размера «Москвич» вошел без проблем, еще и место осталось. Почти весь второй этаж, куда мы поднялись по громыхающей железом лестнице, занимал здоровенный стол, а на дальней стене висела плазма – местечко явно было приспособлено для долгих мужских посиделок, с одновременным просмотром спортивных трансляций.

Лестница на третий этаж упиралась в дверь с кодовым замком, открыв которую, Алмаз впустил нас в настоящее логово хакера. Стены в мониторах и компьютерных шкафах, куча мигающих огоньков, гудение систем вентиляции и пахнувший озоном воздух. Имелся даже экран, на который выводилось изображение с четырех уличных камер. Серьезная берлога, в общем.

– Каждому человеку нужно личное пространство, – со смесью смущения и гордости пояснил татарин. – Особенно если у него жена, четыре дочки и теща, приезжающая чуть ли не раз в неделю.

О да! Я бы не имел ничего против такого «личного пространства»! Даже без настолько большой семьи. Правда, на втором этаже лучше бы иметь здоровенную кровать...

– Давайте выкладывайте все, – проговорил хакер, оживляя парочку мониторов и падая в глубокое кресло.

Нам достались стулья попроще, в которых мы разместились безо всяческого удобства.

«Ты ему доверяешь?» – спросил я Глеба безмолвно. «В этом вопросе – полностью! У него все дочки с мирским даром. И жена. До конца пойдет, если надо!» – «Тогда ты и рассказывай».

– Копаем под воеводу, – сообщил Самойлов, внешне выглядящий крайне впечатленным апартаментами хакера. И накидал ему усеченную, исключаящую мое участие в деле версию дела потрошителей.

– Да ладно! – выдохнул Алмаз в конце рассказа. – Арцебашев – потрошитель?

– Крышует, – пояснил я. Лучше бы молчал – опять незнакомое местным слово выдал! Поспешил исправиться: – Замечает следы местной ячейки на самом высоком уровне. Глеб считает, что он получает процент с каждой продажи. Если сопоставить входящие платежи с его счетов с похищением женщин...

– Дела! – Глаза татарина просто светились от возбуждения. Затем он хищно оскалился – ни дать ни взять степняк с копьём, верхом на низенькой мохноногой лошадке. – Мирян, значит, воруем... – И заколотил по клавиатуре с такой скоростью, какой я не наблюдал и у потомственных секретарш.

На экране замелькали строчки кода, которые, что меня очень удивило, были на кириллице. То есть смысл написанного мне был непонятен, абракадабра какая-то, но команды он вводил на русском языке.

«Глеб, – позвал я напарника. – А у вас интернет кто изобрел?» – «Кого?» – «Паутину. Сеть. Ну, или как называется...» – «А, понял. Сеть. Если полностью – объединенная вычислительная сеть распределенной мощности. Новгородцы, в пятьдесят девятом или шестидесятом году – не помню точно. А у вас?» – «А у нас американцы в шестьдесят девятом. Но на самом деле еще в Советском Союзе...» – «Игорь, ты мне больше не рассказывай ничего, как там у вас что, ладно? Не хочу голову всяким бредом забивать!»

Тоже мне, Шерлок! Я не знаю об этом, потому что не считаю важным и нахожу отвлекающим! Мой мир ему бред! Ха! А магия, значит, не бред? А язык программирования на основе кириллицы – это не бред? Хотя круто, надо признать! Прямо вот круто! Тильда, решетка, ввод! Ха!

Алмаз работал молча, только иногда раздражался звуками вроде «тыц», «на» и «опа». Минут за двадцать он повторил эти хакерские заклинания раз, наверное, сто. Ему было хорошо, человек в своей родной стихии находился. А вот для меня время текло тягостно. И чтобы как-то заполнить ожидание, я принялся вновь приставать к Глебу с вопросами.

«Я вот думаю про москвичей». – «Хорошо», – неопределенно откликнулся Самойлов. «Как мне себя с ними вести? Они же меня не заказывали, а Люда считает, что заказывали». – «Дави. Главное, что ты думаешь, а не то, что является правдой. Ты в сделке сторона обиженная, доверие к партнерам потерял. Так они тебе скорее поверят. Даже можно попробовать поторгаться – москвичи прагматичные господа, этот подход для них понятен». – «А что требовать-то? И так вроде княжество обещали». – «Перед встречей еще подумаем, Сеть посмотрим. Может, акции какие-нибудь. А сейчас не мешай, пожалуйста, мне подумать надо».

Как же он бесил меня, с этими своими закидонами! Между прочим, я его из тюрьмы вытащил! А, ладно! Займусь самообразованием!

Достав из сумки ноутбук, я спросил у Алмаза доступ к Сети и погрузился в серфинг. Ничего конкретного я не искал, просто прыгал со странички на страничку, читая заголовки новостей и разглядывая фотографии.

Что интересно, градус истерии в здешнем интернете был на порядок ниже, чем дома. Кричащих заголовков практически не встречалось, никто не предрекал конца света от столкновения интересов сверхдержав или летящих к земле астероидов. О локальных войнах сооб-

щалось, да, но без надрыва. И эти сообщения не доминировали в ленте событий, вполне гармонично соседствуя с новостями о строительстве электростанций и вялых попытках отправить человека на Марс.

Пуштуны вторглись в Кушанское царство, но были отброшены назад Самумом, призванным кушанским царем Мушшарафом. Я порылся в картах и сообразил, что речь идет о территориях Афганистана и Пакистана в моей реальности. Самумом, вероятно, именовался аспект из арсенала царского дара пакистанца.

Палата старейшин королевства Зулу сообщала об очередном раунде переговоров с королевством Голландская Гвинея, в результате которых был отменен удвоенный налог на торговые операции для резидентов не африканосов.

В Перу обнаружили массовое захоронение первой испанской миссии в Америке. Останки порядка пятисот человек, строение черепов которых однозначно указывало на европейское происхождение, были аккуратно уложены под основание храма Инти. Что, по мнению некоего португальского историка, позволит иначе взглянуть на падение империи инков.

Другими словами, масса интересного, но малопонятного. Хотя читать такие новости было забавно.

Я уже было собрался перейти к более узкому поиску – почитать о случаях применения царского дара в мире, но не успел. Удовлетворенно откинувшись на спинку кресла, Алмаз ткнул пальцем в экран самого крупного монитора. Там светился белым на черном какой-то код.

– Вот! – победно произнес он. – К вашим услугам!

– Не очень понятно, – тут же отреагировал Самойлов.

– А! Ну да!

Руки татарина взлетели в жесте пианиста-виртуоза и мягко опустились на клавиши. Черный экран с белыми символами сменился белым с черными столбцами цифр. Немного похожими на табличный Excel.

– Это информация по счетам Арцебашева, – пояснил хакер на случай, если мы еще не поняли. – Поступления, снятия, переводы, вклады и начисления процентов. Из трех банков: «Амур», «Благсельхозбанк» и якутский «Хырчи». Тут все за последний год. Могу глубже копнуть, но это время займет.

– Отлично!

Глеб, как загипнотизированный, приклеился глазами к экрану. Я тоже, но меня хватило ненадолго. Цифры, цифры, цифры. Платежные поручения, внутренние коды банков, номера счетов, на треть более короткие, чем у нас. Я вот тоже всегда думал, что двадцать цифр – это перебор! Ох, это бы все распечатать и изучить уже внимательно, сопоставляя одни колонки с другими. Отфильтровать по датам. В общем, провести аналитическую работу. Так мне не сообщить.

А вот Самойлов, похоже, в распечатках не нуждался. Его глаза носились со строчки на строчку, с колонки на колонку, а губы непроизвольно сложились в довольную ухмылку. Он что-то нашел. Ну конечно, у него же данные по похищениям, он сейчас как раз даты сопоставляет!

– Кстати, мы не первые, – сообщил Алмаз.

Поглощенный цифрами Глеб никак не отреагировал, а вот я тут же сделал стойку:

– Поясни!

– Информацию этого характера уже искали. Не конкретно по воеводе, скорее по нему в том числе. Скажем, более широким бреднем. И менее профессионально. Следов понаоставляли – беда просто!

Кому бы, интересно, это было нужно?

– А сможешь выяснить, кто искал?

Вместо ответа татарин пренебрежительно фыркнул и повернулся к монитору, не занятому Самойловым. На экране тут же побежали строчки кода.

– Так-так... Ту-ту... Туннельчики... Переадресация! Смотри! Церковные ясли, ха! Опа! Вирус! Ну молодец! Ну порадовал! Просто от души! Божечки, где же ты, охламон, учился так следы замечать?! Мальта, Кипр, Люксембург, Париж, Милан. Милан! И все? Я не верю! Всего в шесть колен? Стыдно, коллега, стыдно! Ну вот, господин обер-секретарь, ваш искатель. Герцогство Миланское. Филиал европейской инквизиции. Отдел дознания. Господи, совсем страх потеряли! С рабочей машины? Seriously? Основы, коллега! Основы! Старший инквизитор Марио Беллони. Получите и распишитесь!

Глава 13. Инквизитор

Хакер с победным видом повернулся ко мне. Смотри, мол, какой я молодец!

– Великолепно! – искренне похвалил я его.

Никогда не видел хакеров за работой. Но... Инквизитор из Милана? Это вообще кто? И чего ему надо? Почему он искал информацию по Арцебашеву?

– А давай спросим? – Самойлов уже отвлекся от своих таблиц. А так как последнюю фразу я четко произнес мысленно, он ее услышал. – Алмаз, который сейчас час в Милане?

– Э-э... – Татарин тут же отбарабанил поисковый запрос и сообщил: – Без десяти восемь утра.

– Католики уже на службе, – уверенно заключил следователь.

Мне же он безмолвно сказал: «Инквизиция в Западной Европе – это примерно как у нас жандармерия. Следствие, дознание, силовые операции. В каждой католической стране есть, еще после папской диктатуры осталась. Потому и зовутся филиалами, хотя подчиняются уже светской власти, а не церковной».

Мне сразу же захотелось спросить, что это за папская диктатура, но я наступил на горло любопытству. Потом в Сети поищу. Если будет время. Не самая приоритетная информация.

– Ну что, звоним синьору дознавателю? – Самойлов.

– А стоит? – я.

– Звонок шифровать? – Алмаз.

Глеб с Алмазом общались так, будто пользовались датскими каплями. Просто с полуслова друг друга понимали! И изумительным образом меня игнорировали.

– От прослушивания только.

– Ну, это само собой. Тогда еще местоположение поменяю.

Я открыл было рот, чтобы высказать свои возражения, но секундой позже решил, что пусть все идет как идет. Самойлов вряд ли будет совершать откровенную глупость. Кто его знает, как у них работает международное сотрудничество? И так ли тут Европа боится русских, как у нас?

Хакер тем временем воткнул в гнездо телефона Самойлова какой-то чип. К нему подцепил шлейф, идущий из компьютера. Тут же пошел набор номера. Заиграла музыка, что-то струнное из классики, одновременно знакомое и незнаваемое.

Затем молодой мужской голос произнес:

– *Dipartimento di inchiesta. Per favore, parla².*

– А кто-нибудь итальянский знает? – тихонько спросил я.

– Ща-ща-ща! – засуетился тут же Алмаз, хлопнув себя по лбу. Что-то нажал, выматерился, еще раз набрал команду на клавиатуре, и из динамика компьютера донеслась вполне русская речь.

– Не молчите! Кто это?

Голос принадлежал уже другому мужчине. Постарше оригинала, с бархатистыми интонациями профессионального диктора.

Глеб тут же пояснил мне мысленно: «Переводчик». Я с пониманием покивал этому очевидному факту и откликнулся непонятной ему фразой: «А далеко у вас Google шагнул!»

Следователь спросил:

– Дознаватель Беллони?

– Да. А вы не представитесь?

² Отдел дознания. Пожалуйста, говорите (*итал.*).

Если прислушаться, то ниже и глуше звучал его настоящий голос, произнесший сейчас «si» и еще несколько слов на итальянском. Мне представился молодой смуглый мужчина с пронзительными черными глазами, в серой рясе, подпоясанной простой веревкой. Никакой магии – безудержное воображение.

– Следователь Самойлов, Благовещенское княжество, Конфедерация.

Ну, вообще-то бывший следователь: никто тебя, красавчика, в должности не восстанавливал... О чем итальянцу, конечно, вовсе не обязательно знать.

Довольно долго трубка молчала, затем выдала:

– Русский? Вы русский?

«Капитан Очевидность слушает!» – «Игорь, не лезь!»

– Да, я русский. Синьор Беллони, давайте не будем играть в удивление. Вы около недели назад искали информацию в Сети по денежным переводам в пользу трех высокопоставленных бояр дальневосточных княжеств. По Благовещенскому княжеству вас интересовала фигура Михайлы Арцебашева. Как и меня.

Снова пауза. Затем осторожное:

– Синьор Самойлов. Вы можете говорить медленнее? Вы пользуетесь переводчиком, но он не все слова понимает... успевает.

Глеб закатил глаза, но еще раз проговорил сказанное минутой раньше.

– Линия защищена?

– Полностью. Говорите свободно, синьор Беллони.

– Правильно ли я понял, что вы тоже занимаетесь извлекателями? В своем княжестве?

«Извекатели?» – «Ошибки перевода», – отозвался Глеб.

Вслух же он подтвердил:

– Да.

– И вы нашли мои поисковые запросы?

– Вы были очень небрежны.

Самойлов произнес это с нескрываемым высокомерием. Будто сам все следы нашел и теперь тыкал в них носом неудачливого коллегу из другой точки мира.

– У меня не слишком большой опыт в этих делах. А привлекать сторонних специалистов не хотелось. У нас не любят проявляемой следователями инициативы. Зачем вы звоните?

– Просто заинтересовался вашим интересом, синьор Беллони. Удалось что-то найти?

– А откуда я знаю, что вы – это вы?

Если честно, позвони мне вот так кто-то из другой части света и начни задавать подобные вопросы, это я спросил бы в первую очередь.

– Стал бы я вам звонить? – Самойлов добавил в голос сарказма. – Если бы ваш интерес обнаружили потрошители, они не стали бы звонить перед личным визитом.

– Пожалуй... Но все же. Это странно... Звонок... Русское княжество... Да и плевать! – Голос переводчика выдал целую гамму интонаций: гнев, безысходность, усталость. – Кому хуже будет? Я четыре года занимаюсь извлекателями и за это время сумел отправить на виселицу только с десятков инфремера... исполнителей.

А вот тут стал сбоить переводчик на нашей стороне. Видимо, речь итальянца стала слишком быстрой и эмоциональной и программа обработки не успевала справляться.

– Мамок? – уточнил Глеб.

– Вы их так называете, да? – В голосе Беллони появилось оживление. И приязнь. Будто он услышал отзыв на пароль. – Мы их зовем сиделками! А вы что-то нашли, синьор Самойлов? – И такая надежда в голосе, будто он спрашивал про лекарство от рака, нужное его больной матери.

Мы переглянулись. Все трое. И безо всяких датских капель синхронно кивнули. Итальянский дознаватель искренне любил свою работу и болел за дело. Так что говори, мол, уже.

– Кое-что, – осторожно произнес Глеб.

– Уровень? – тут же уточнил инквизитор. – Сиделки или мерчантэ?

– Еще раз?

– Купец, – медленно повторил Беллони. – Человек, возглавляющий ячейку. Ведущий все финансовые дела.

– Скорее, прикрытие...

– Да! – возликовала трубка. – Да, три миллиона дьяволов, чтобы вы все сдохли! Avvocato, слава Пресвятой Деве! Так высоко я никогда не забирался! – И чуть спокойнее: – Это ваш vovoda?

– Скорее всего. Но вам-то что с этого?

В голосе переводчика проскользнули нотки снисходительного превосходства.

– О! Вы не понимаете, синьор Самойлов! У извлекателей очень разветвленная сеть по всему миру. Но выходы на центральную организацию имеются только у купцов и адвокатов. Именно поэтому они так... их так сложно прижать. Если вы вышли на адвоката, то через него можно выйти и на купца. А купец – это все ниточки к голове! Потянув за которые...

– Я понял. Вы хотите выйти на центр?

– Для начала на европейских купцов. Но – да!

«Амбициозный следак!» – оценил коллегу Самойлов.

Я, ничего не говоря, кивнул. Амбициозный. Только нам с того что?

– Я хотел бы присоединиться к вашему расследованию, синьор Самойлов! Это очень важно для меня! Я мог бы вылететь к вам прямо сегодня! – И после долгой паузы добавил: – Прошу!..

Мы переглянулись слегка недоуменно. Телефонный разговор зашел не совсем туда, куда мы планировали. То есть информацию кое-какую нам удалось узнать, но вот дальше... Зачем рыбе зонтик? Тут со своими бы проблемами разобраться, а не чужие решать. Ведь Беллони явно рассчитывает на помощь с нашей стороны.

Тот, видимо, правильно истолковал молчание и зачастил:

– Синьор Самойлов! Я четыре года занимаюсь извлекателями! Четыре проклятых года! Я изучил о них все, я общался со всеми коллегами по всей Европе, я даже в Америках был, идя по следу! Синьор Самойлов! Синьор Самойлов, я вам нужен! Мне же нужно немного: если мы выйдем через адвоката на купца, отследить его связи с Европой! И все! Дальше я сам! Клянусь кровью Спасителя!

«Что думаешь? – взглянул на меня Глеб. – Такой опыт нам бы не помешал!..»

Он был готов согласиться. Он, следак, увидев коллегу из другой страны, услышав в его голосе такую страсть, уже просто не мог ему отказать. Цеховая солидарность, чтоб ее!

А я – нет! Я в первую очередь думал, куда мы приткнем этого импульсивного латинянина. А во вторую – как будем объяснять факт его появления князю и жандармам: это ведь не пройдет мимо них. Да и потом, это же не за хлебушком сходить – лететь через столько тысяч километров! Мы что, должны его ждать? Да у меня тут каждый час на счету!

– Я все равно их найду, синьор Самойлов! С вами или без вас! Я положу жизнь, но я найду этих тварей! Я не буду их брать живыми и доставлять на суд герцога. О, нет! Я...

– Прилетайте, Беллони. Только поторопитесь, – выдал Глеб и отвернулся от моего возмущенного взгляда.

«Какого хрена?!»

– Вот мой номер, запишите. Позвоните, как доберетесь, я вас встречу.

«Ты чего творишь?!» – «Он нам нужен!»

– Синьор Самойлов! Вы не пожалеете! Я буду у вас уже... через семнадцать часов!

– Тогда до встречи.

– На фига? – гневно толкнул я следователя в плечо. – У нас своих проблем не хватает? Давай еще итальянский инквизитор будет под ногами путаться!

– Я занимался потрошителями чуть меньше полугода! – В противовес тону, мою руку Глеб отвел в сторону предельно корректно, явно из-за наличия в одном с нами помещении человека постороннего, иначе бы просто оттолкнул. Чем и меня заодно в чувство привел: нечего Алмазу смотреть на истинный уровень отношений опального следователя и второго человека в княжестве. – И за это время я выше мамок не поднялся! А про купцов и адвокатов вообще не слышал!

– Сильно ему это помогло? Четыре года – и все без толку!

– Он рядовой дознаватель заштатного европейского герцогства! Много бы он там смог сделать на своем уровне? Это мне хорошо: ты расследование курируешь. – Последняя фраза явно была сказана специально для Алмаза. – У нас есть след, найденный Алмазом! И знания итальянца нам пригодятся. В Европе потрошители лютуют не в пример наглее, это у нас тут относительно тихо. Князья наши на расправу круче, чем их дюки. Так что позволь мне, Игорь Сергеевич, самому вести следствие! Для этого и вытащил, в конце концов! Алмазу же не советуешь, как Сеть шерстить?

Я краем глаза глянул на хакера, оценивая его реакцию на перепалку. Заметив мой взгляд, тот даже не стал притворяться, что ему не интересно. Напротив, заговорил:

– Если мое мнение интересует синьоров, – последнее слово татарин выделил особо, – то я бы паренька уважил. Толковый он. И очень мотивированный.

А это он с чего взял? Я все еще на эмоциях развернулся к нему, намереваясь на пальцах растолковать табель о рангах, но увидел, как он показывает на монитор, и промолчал.

В центре экрана располагалась фотография улыбочивой черноволосой девушки, а ниже шел заголовок: «Мертвое тело похищенной беременной девушки нашли спустя полгода».

Менее броско сообщалось, что Марии Беллони был двадцать один год. Статья была датирована началом 2014 года.

О, да! Инквизитор был мотивирован, как никто! Только вот поможет ли это в деле?

– Ладно. Чего уж... – буркнул я, давая понять, что инцидент исчерпан. – Все равно уже пригласил.

Самойлов, уловив послание, тут же забыл о конфликте. Вот характерец-то у человека! Нагадил и забыл!

Он ткнул пальцем в монитор с данными банковских счетов Арцебашева.

– Алмаз, можешь на печать вывести? Надо поизучать.

– Не вопрос, – откликнулся хакер, щелкнул парой клавиш, и в углу загудел принтер. Глеб тут же двинулся к нему.

– Мы у тебя посидим еще часок, не против? – шурша бумагой, спросил он.

– Сидите, – откликнулся владелец трехэтажного контейнерного особняка. – Можно вниз спуститься, я пока тут побуду.

– Угу.

Увлеченный следователь протопал вниз по лестнице, а я остался в хакерской с татаринком. Но не как забытый соратник, а умышленно. Я хотел разжиться у нашего помощника еще кое-какой информацией.

Однако начинать разговор сразу о предмете было бы стратегически неверно. Поэтому я зашел издалека. С так называемого расслабляющего вопроса.

– Мы тебе должны что-то?

Татарин воззрился на меня с неподдельным изумлением: монобровь взлетела вверх, а глаза широко распахнулись.

– Да я вроде не за награду... – подбирая слова, заявил он.

Мы и правда не оговаривали цену за его услуги на берегу, что, по мне, было неправильно. Да и не знал я, как тут принято. С одной стороны, я должностное лицо, с другой – сам же сказал: в частном порядке.

– Но ведь каждый труд должен быть оплачен, – чуть улыбнулся я. Мол, нормально все, я же тебе не взятку предлагаю. – А ты нам здорово помог. Да и еще поможешь.

– Да не с руки мне с вас деньги брать...

– Пустое, Алмаз. Деньги – вздор. Лишь один из способов выражения благодарности.

Татарин неопределенно пожал плечами. Жест можно было трактовать как угодно. И как «я не за деньги работал» и «ну, если вы так считаете».

– Давай так, ты цены не называешь, а я тебе переведу сколько не жалко. Идет?

Нерешительный кивок стал мне ответом. Ну вот, так-то лучше! Расположение и добрая воля – это, конечно, хорошо, но своих людей лучше стимулировать чем-то более внятным, нежели устная благодарность. Особенно имея под рукой фонды, любезно оставленные мне двойником.

Быстро проведя операцию прямо с ноутбука, я сделал татарина обладателем десяти тысяч рублей. Может, и мотовство неоправданное. Да и Алмаз, получив сообщение о переводе, выглядел ошеломленным, но лучше больше, чем меньше.

– Ничего себе! Чего ж я раньше-то на руку князя не работал... – смущенно хохотнул хакер. Сумма его, мягко говоря, устроила.

– Это немножко с авансом, – успокоил его я.

– Надеюсь, банк какой ломать не придется? А то ведь я на службе.

– Не придется. А вот кое-какую информацию в Сети поискать – этим ты мне помочь сможешь.

– Какую?

– По царскому дару.

Алмаз посмотрел на меня с возрастающим интересом.

– Как это связано с потрошителями?

Естественный вопрос. Явно ведь не может быть тот же Арцебашев носителем царского дара. С такой силищей, а это действительно мощь запредельная, судя по редким о ней упоминаниям, он бы не крышеванием криминала занимался, а устройением нового государственного образования. Княжества Тындинского, например! Так что с чего бы меня такая материя интересовать должна?

Можно было самому поискать – и время было, и ноутбук под рукой. Но тут надо знать, что и где искать, а кто в этом лучше хакера нашего разберется? Я вон полчаса серфил и дальше новостей не продвинулся.

К тому же я понимал, что спросить Алмаз хотел иное: тебе, мол, зачем? Ты же сам боярин и княжеский родственник, вот у носителя бы и спросил!

У меня был ответ на его вопрос.

– Хочу немного теорию изучить. У княжича дар, судя по всему, просыпается, князь отмалчивается, а я беспокоюсь. Пацан весь на нервах, видения и все такое. Оно, может, так и должно быть, но сам понимаешь, хотелось бы знать.

Отца четырех дочерей этот ответ устроил. Он же не был посвящен в то, что мой двойник сам носитель царского дара и кузена своего ненавидит. Буркнув под нос «без гарантий только», он повернулся к мониторам. Я же подсел поближе, наблюдая за его работой.

В таком виде нас и обнаружил Самойлов, вернувшийся спустя час.

– Чем заняты?

Я незаметно толкнул Алмаза, и тот понятиливо свернул окна. Глеб на это, впрочем, даже внимания не обратил, его занимали собственные мысли.

– Время убиваем. Нашел что-нибудь?

– Кажется, нашел. Надо еще будет сверить информацию, но, скорее всего, да. Поехали, перекусим, а? Жрать охота – сил нет! Алмаз, с нами не хочешь?

Татарин отрицательно покачал головой.

– До управы подбросьте. Надо ж совесть иметь и хоть под закрытие на работе появиться! – А спустя несколько секунд, потянувшись выключать монитор, бросил: – Стоп. А это еще кто?

Один из мониторов, тот, самый маленький и стоящий наособицу, был разделен на четыре равных квадрата. В каждом из которых показывалась статическая картинка улицы. Точнее, на трех из них в неподвижности застыли контейнеры, участки проездов, а вот в четвертом секторе медленно двигалась машина. Темная легковушка – изображение было черно-белым, и что-либо большее разобрать было нельзя.

– На второй круг пошла, – пояснил Алмаз, падая обратно в кресло. – Ну-ка, ну-ка!..

Он застучал по клавиатуре, и изображение с четвертого квадрата переместилось на самый крупный монитор и сделалось цветным. Что сразу позволило рассмотреть цвет машины – темно-зеленый, ее тонированные наглухо стекла и подозрительно низкую скорость передвижения. Так ездят, когда ищут что-то. С одной стороны, может, я и на воду дую, и за рулем незнакомой марки авто сидит мужик, который всего-то и делает, что ищет нужный ему контейнер. А с другой, параноики, знаете ли, выживают. Тонированные стекла опять же!

– Первый раз проехала – я только отметил про себя, – продолжил говорить татарин. – А вот когда на второй объезд пошла, насторожился. Тут редко катаются, да и то в основном свои, у кого тут вроде моего гаража.

– А камеры ты по привычке ставил?

Самойлов тоже внимательно вглядывался в едва ползущую машину.

– Ну, ты знаешь, всякое бывает! – будто оправдываясь, вскинул руки Алмаз. – Несколько месяцев назад одного моего соседа обнесли. У него тут вроде склада магазинного, тысяч на пятьдесят товара вывезли. Если бы не мои камеры, и не нашли бы ничего!

– Понял-понял! – усмехнулся Глеб, который, как и я, сразу догадался, что изначальная цель установки камер была иной. Личное пространство и все такое...

Спросил меня безмолвно: «Что думаешь?» – «Подозрительно, – ответил я честно. – Мы тут часа два, и вдруг приезжает тонированная машина!» – «Может, кто-то просто ищет нужный ему гараж? Знакомый сказал где, а объяснить не смог. Тут же лабиринт настоящий!» – «Тогда проще пешком ходить искать. Или знакомому позвонить. Чего круги накручивать?» – «Согласен. До встречи с москвичами у нас сколько?»

Синхронно мы глянули на монитор, где в верхнем углу висел виджет цифровых часов.

«Два часа». – «Тогда давай посидим пока. Не стоит Алмазово убежище светить». – «И сколько так сидеть?» – «Ну, полчаса у нас точно есть». – «Кто это может быть?» – «Потрошители. Москвичи. Якуты. Люди князя. Триада. Местные банды. Да кто угодно, Игорь! После пары дней с тобой я уже никому не удивлюсь!» – «И ты предлагаешь просто ждать?» – «Ну, можно выйти, спросить у ребят в машине, чего им нужно... Вдруг и правда заблудился кто-то? Помочь ему будет очень по-христиански!»

И мы стали ждать. Алмаз непрерывно пялился в мониторы, следя за машиной. Камер у него оказалось больше, чем четыре, а может, и не его даже, а взломал охранные. Глеб листал бумаги и только изредка поднимал голову, посматривая на картинку с камер. Ну а я погрузился в обдумывание полученных крох информации по царскому дару. Ее было очень немного, но умелый поиск – сам бы я точно ничего не нашел! – дал кое-какие крохи. С учетом рассказа Антона, для первичного анализа данных хватало.

Наставники высшей магии не учили. Они просто ничего о ней не знали. Обучение происходило только носителями: отец учил сына, ну или как в случае с двойником – дядька племянника. И держалось все это в строжайшей тайне – ни тебе гайдов на ютубе, ни ломания копий в методиках! Вывод из чего складывался неутешительный – самостоятельно я ему обучиться не смогу. Не то чтобы очень хотел: боярский бы постичь, да и хватит! Но была одна неприятная деталь: необученный носитель царского дара практически неизбежно погибал от собственной силы.

Таких случаев удалось нарыть целых три. Но запомнился мне последний – первые два были в глубокой древности и относились скорее к легендам, чем к фактам. Третий же произошел относительно недавно – в начале двадцатого века в Австрии. Этот период, кстати, для здешней реальности тоже был переломным, как и у нас. Европейские роды хирели, теряли дар и вымирали, агрессивные соседи подхватывали «ничьи» земли и даже воевали за них.

И во всей этой суете никто не заметил двенадцатилетнего мальчишку по имени Франц Фердинанд – последнего носителя дара из почти вымершего древнего рода. Строго говоря, в нем не подозревали даже боярина или, как это называлось в Европах, варлорда. Соответственно, мальчишка, не получив надлежащего образования, в один отнюдь не прекрасный день рванул не хуже сброшенной американцами на Хиросиму бомбы. В результате чего в этом мире уже около ста лет не было такого города, как Вена, и десятка прилегающих к нему малых поселений. Зато имелась воронка, заполненная пресной водой, размерами чуть не дотягивающая до Байкала.

Достаточная информация, чтобы начать бояться и срочно искать учителя по царской магии. Взрываться мне очень не хотелось. А придется, если я в теле носителя, а обучение управлению силой не прошел. Оставалась крохотная надежда, что меня чаша сия минует. Двойник же переломался уже, контроль обрел. Может, тогда это и на меня распространяется? Хотелось бы, блин! Ох, как хотелось бы!

Своим, в смысле Глебу и дяде Ване, я пока ничего решил не говорить. Толку? Помочь все равно не смогут, а мандража добавит. Да еще и запрут где-нибудь или вывезут в пустыню, чтобы, рванув, я никого и ничего не задел. Станется с них. Снов тревожных, за исключением явления двойника, пока не наблюдается, так что время есть. И вообще, будем решать проблемы по мере поступления!

– На четвертый круг пошла, – сообщил Алмаз, ни к кому конкретно не обращаясь. Случайность и заблудившегося мужика, считай, можно было исключать. – Знаете, я могу и тут заночевать, но потом придется Фире объяснять, где я был. А мне бы этого не хотелось. Очень!

Послание было ясным – давайте что-нибудь решать уже. Вы меня в это втравили, вам и отвечать. С этим-то я был полностью согласен, только не представлял как.

«Может, позвонить кому?» – спросил я Глеба. «Кому? У обер-секретаря собственного штата нет – незачем. Значит, придется людей князя привлекать. Жандармов или силовиков. Последние под Арцебашевым, а дэберов надо у Фочина просить. В принципе, можно попросить и самим... Но я лишь в контакте хорош, а ты только щит ставить умеешь. Не так мало, в принципе... Только вот сдается мне, что машина эта не слежкой занимается, а как приманка работает. Нас блокирует и раздражает».

Логика в его словах была. Если люди в зеленой легковушке занимаются слежкой, то делают это слишком топорно. Буквально лезут в глаза, сообщая – вот они мы! Выходите и возьмите нас! А значит, где-то неподалеку крутятся настоящие противники. И если предположить, что это потрошители – а больше, по моему мнению, некому, – то они должны быть подготовлены получше, чем вчерашний стрелок. Учли мое присутствие рядом с целью, опять же, если цель Самойлов, захватили с собой мага и ждут.

Что же делать-то? Мой напарник явно рассматривал только силовое решение вопроса. С одной стороны, а какие тут еще варианты? Не выходить же, правда, с вопросом: «Чего тут господи забыли?» С другой – этого от нас и ждут. Ох, как это все достало уже!

Ну, если драки не избежать, то стоит подготовиться. Обратиться к дару, настроиться – я же не могу сходу аспектами, как тут заклинания называют, разбрасываться. Что там двойник говорил про пульсар? Ярko-красный жгут, активируется яростью? Что-то не вижу я красного. Синий, зеленый, белый, черный. Завести себя надо! Подумать про этого урода, который меня в свое тело сунул! Судака, яйца бы ему оторвать! На дядьку он обиделся, гляньте! Игорешу обидели, Игореша плакает!

Из-под зеленого жгута блеснул красный цвет. Крошечный лучик, тоненькая полоска, но мне и этого достаточно. Я потянулся к нему, уговаривая дать мне совсем немного...

И был грубо прерван Самойловым.

«Ты что творишь, придурок? – Глаза у парня были бешеные. – Зачем дар призываешь? Поджарить нас всех решил?»

В железной коробке контейнера стало намного теплее. Даже душно, я бы сказал. И это, к бабке не ходи, было делом моих рук. Точнее, моего неумелого использования магии.

«Хотел подготовиться к схватке! – Я хоть и чувствовал вину, ответил резко. – У меня, знаешь ли, опыта мгновенной активации нет!»

«Основ не знаешь, а лезешь! – Удивленный моим отпором Глеб чуть сбавил тон. – Ты не можешь ничего сделать машине или людям в ней, если не видишь их своими глазами».

Да что же за задница-то! И здесь, блин, ограничения! Силу дали, а о сносах мелким шрифтом никто даже не упомянул! И наставник – тоже хорош!

«А раньше сказать?» – «Да как-то не подумал, что ты этого не знаешь, – чуть смутился следователь. – Это же основы...» – «Задолбал меня этот ваш мир!» – чуть ли не вслух рявкнул я.

Будем по старинке, значит, действовать. Мне эта магия уже совсем мозги застила! Чуть что, первая мысль – ею пользоваться! А административный ресурс никто, между прочим, еще не отменял!

Вытащил из кармана свой телефон, набрал Фочина.

– Федор Георгиевич! Нужна твоя помощь. Мог бы ты несколько патрулей отправить на контейнерную станцию в речпорт? Да, потом объясню, при встрече. Машинку одну надо задержать и людей проверить. Ага. Темно-зеленая, номера... погоди... номера ББУ 57-91. Только уточнение: надо ее взять и отбуксировать к выезду из станции. И пусть твои меня там дождутся, я с водителем поговорить хочу.

Победно взглянув на Самойлова, я сунул трубку в карман.

– Ну, можно и так... – смущенно выдавил тот. И добавил безмолвно: «Я о таком варианте даже не подумал, если честно!»

Ясен пень, ты не подумал! Вы же тут маги все, в кого ни плюнь! И я туда же с вами! Совершенно забыл главный принцип управленца: большую часть своей работы можно (и нужно!) поручать другим людям! Глеба хотя бы извиняет, что с прикрытием уровня второго лица княжества он никогда не работал. А меня? Услышал раз от Самойлова, что жандармов привлекать нельзя, и поверил. А почему нельзя, собственно? Объяснять придется? Так в чем проблема? Кто они и кто я?

Эх, Игорь Сергеевич, Игорь Сергеевич! Пора собственные мозги включать, а не на чужие надеяться!

Глава 14. Московский негодник

Генерал-аншеф, точнее, его люди, сработали на пятерку с плюсом. Уже через двадцать минут после звонка я (Самойлов повез нашего хакера в управу) стоял у темно-зеленой машины. Вокруг было полно жандармов, Фочин пригнал целых пять экипажей. На земле, со скованными за спиной руками, сидели двое. Неприметные молодые люди: средний рост, среднее телосложение, славянская внешность. Короткие стрижки и очень практичная одежда, будто униформа: массивные черные ботинки, штаны со множеством карманов и темно-зеленые, в тон машине, футболки.

– Личность пробрили? – кивнул я старшему жандарму, крепкому такому мужику с усами на пол-лица.

Тот при виде меня вытянулся в струну, но махом вернулся в позицию «вольно», едва я махнул рукой. Ну вот! А я мялся помощь запрашивать! Идиота кусок!

– Сделано, господин обер-секретарь! Вот! – протянул он мне лист распечатки.

Из текста следовало, что оба молодчика являлись работниками частного охранного предприятия «Амур-батюшка». Любовь к использованию в названиях фирм имени великой реки в этом мире была так же сильна, как и в моем.

Из написанного следовало, что Самойлов оказался прав – наживка. Но я все же спросил задержанных, отметив про себя, что невольно подражаю тону следователя:

– С какой целью тут катались?

В лицо эти двое меня не знали, явно принимая за какое-то жандармское начальство. Да и вообще вели себя ребята очень уверенно, не выказывая ни капли страха.

– Контракт у нас, – твердо ответил один, видимо, старший в паре. – Сказано было патрулировать контейнерную станцию на предмет подозрительной активности. Мы и патрулировали. А тут налетели жандармы, повязали!... За что? Мы законов не нарушали! Свяжитесь с диспетчером, он все подтвердит!

Усач тут же едва слышно доложил, что да, дескать, с охранным предприятием уже связались, и там подтвердили сказанное задержанными. Следом он задал вопрос: сколько, по мнению господина обер-секретаря, требуется удерживать молодых людей? И какой вид нарушения следует вписывать в протокол задержания?

– Везите в управу, пусть дают пояснения. И начальство их туда же вызывайте. У них следует выяснить о лице, давшем контракт на охрану контейнерной станции. После отпускайте. Копии протоколов – мне на электронную почту. Факт задержания объяснить проверкой личности: люди работали на месте проводимой княжеским двором операции.

Жандарм взял под козырек и поспешил исполнять указания, а я отошел в сторонку, ожидая приезда Самойлова. В принципе, всей этой суетой с задержанием мы достигли только одной цели – не засветили «базу» Алмаза. Хотя понятно ведь, что в контейнерах дальше-то можно и поискать. А вот в остальном – полный облом! Никаких следов после допроса начальства «Амура-батюшки» мы не получим, это к бабке не ходи. Скорее всего, заказ был сделан через подставное лицо и след никуда не приведет. По крайней мере, к истинному заказчику слежки.

И что мы имеем в сухом остатке? Нас пасут. Даже не так принципиально – меня или Самойлова. Если прав он и за вчерашней стрельбой стоит Арцебашев, то логично предположить, что и слежку заказал он. Или не слежку, а наживку. И хоть никого больше на контейнерной станции жандармы не обнаружили, это не значит, что никого не было. Могли поодаль находиться, ждать активных действий или специально оговоренного сигнала.

А если не Арцебашев? Чего я уперся в версию Глеба? Вдруг стреляли в меня? Скажем, еще одна попытка моего двойника уложить меня в кому? Не, стоп, он же после стрельбы «при-снился». Значит, точно не он! Москвичи? Но стрелка – простите мой французский – уже

забита, встреча состоится буквально через час. Зачем им пальбу устраивать? Слежку – да, могли. Просто чтобы убедиться, что я никуда не убегу.

Или якуты? Заказали стрельбу, чтобы не убить, а надавить, слежку – для дополнительного прессинга, а сами завтра встречу предложат? Поторопить поделщика на пути выполнения взятых им на себя обязательств...

Или, например, за всем этим стоят потрошители, но не Арцебашев, а «купец», как его назвал итальянец? Просто не согласованная с «адвокатом» акция? Про обер-секретаря он не знал, хотел устранить Самойлова, узнав о его освобождении. А когда не вышло и всплыло мое присутствие, заказал слежку? Ну-у, теоретически... А-а-а! Уже ум за разум заходит от этих версий! Толку от моих умствований? Подозревая всех, я не могу выделить никого!

В районе пупа что-то будто дернулось, и я, понемногу начиная привыкать к такой системе оповещения, как дар, прикрыл глаза и сосредоточился на разноцветном смерчке. Это походило на рефлекс водителя, у меня даже один раз казус такой случился: шел пешком по обочине дороги, услышал позади звук мотора и, вместо того чтобы оглянуться, мазнул взглядом по всем трем зеркалам заднего вида, в реальности отсутствующим.

Так и сейчас: нет чтобы оглядеться – чье внимание привлекла моя персона? – я посмотрел на узел дара. И заметил, что его вращение усилилось против обычного, а доминантным цветом стал черный. А черный у нас – это...

«Цветной смерч стрелка стал полностью черным и распался в дым...»

Но тогда основным цветом был голубой – защита. А черный – что, смерть? Применение атакующего аспекта? Надо, блин, дядь Ваню допросить с пристрастием, который цвет чего означает!

Черный жгут выстрелил влево таким крохотным протуберанцем, и я, одновременно открывая глаза, послушно сделал шаг в указываемую им сторону. В землю в том месте, где я только что стоял, не вонзилась тяжелая пуля. И не расцвел огненным цветком гребаный пульсар – я, похоже, теперь всегда его так называть буду, спасибо, Михайло Генрихович! Ничего не произошло, что можно было бы расценить как угрозу моей жизни или нападение. Только чуть изменился угол зрения, и в фокус попала фигура человека, которого я до этого не видел: он был скрыт спинами жандармов.

Мужчина тоже смотрел на меня. Он был не в форме – в штатском. Обычный костюм-двойка, но сидел на нем будто шитый по заказу. Среднего роста, рыжеволосый, возрастом, пожалуй, лет тридцати пяти плюс-минус. Скулы широкие, монголоидные, глаза с тех же краев – миндалевидные, но зеленые. Импозантный мужик. Рыжий якут? Обрусевший ассимилированный японец? Почему я так пристально в него всмотрелся? Что привлекло мое внимание к этому человеку? И почему дар просто вопит об опасности?

Да к черту! Пойдем и спросим! Кто тут главный, в конце-то концов?

Я решительно приблизился к мужчине и, не тратя времени на приветствия, спросил:

– А вы у нас?..

Да, мой двойник мог его знать, но тут уж я отбрешусь как-нибудь. Зато вопрос у меня правомочный, как говорят юристы. Что делает в месте, полном жандармов, штатский, который к тому же совершенно откровенно на меня пялится?

– Евсеев, – без тени смущения и с весьма дружелюбной улыбкой представился рыжий. – Федор Андреевич. Дежурный от дружины быстрого реагирования. Вот, приехал взглянуть, на что наше начальство аж пять патрулей дернуло.

Дэбер. Из тех, про которых мне в кабинете Фочина говорили. Омоновец или собровец по-нашему. Магически-силовая поддержка жандармерии. Чего ему надобно тут?

«Он же тебе ответил: удивился выделенным на задержание силам, приехал осмотреться! – ответил я сам себе. – Не будь идиотом, уже везде заговоры мерещатся!»

Тогда почему дар так отреагировал? Почему он стоял так, чтобы я не мог его разглядеть? Почему, наконец, рассматривал меня, будто жучка для коллекции? Не, не все так просто с этим дэбером.

«Игорь? – Голос Самойлова в моей голове раздался совершенно неожиданно. – Ты чего там бормочешь? Какие заговоры?»

Капли датского короля пейте, кавалеры! Мой внутренний спор с самим собой был услышан напарником. Ох, поосторожнее с этими каплями надо быть! Но голос Глеба в моей голове значил еще кое-что – он рядом, в пределах километра.

«Ты где?» – «В речпорте уже, подъезжаю. Что происходит?» – «Да дэбер тут какой-то странный... Евсеев его фамилия. Знаешь такого?» – «Знаю. А почему странный?» – «Да не знаю даже. Стоял, пялился на меня... И дар на него странно отреагировал». – «Дежурит, наверное, сегодня. Удивился, что рука князя на банальном задержании, вот и смотрел. Ты успокойся, он нормальный мужик. А дар мог среагировать на его аспекты – он все-таки сильный маг».

Вона чего. Ну, примем как версию. Хотя объяснение Самойлова все, кхм, объясняло, взгляд этого Евсеева мне не понравился. Холодный какой-то, оценивающий. Будто он прикидывал свои шансы при атаке на меня. Или это обычные переглядки между боевыми магами? Кто, мол, кого, если что? Хищники же!..

Краем глаза заметив морковный «Москвич», я кивнул дэберу, буркнул неуместное «рад знакомству» и неспешно направился к машине. До встречи с москвичами оставалось пятьдесят минут.

Мы не опоздали, приехав к ресторану за три минуты до оговоренного времени. Успев по пути заскочить в гостиницу – слава компактным городам и отсутствию пробок! – где я переоделся и даже немного поболтал с наставником. У него, к слову, тоже накопилось новостей за день.

Старик весь день провел на телефоне, обзванивая своих коллег и бывших воспитанников, которых за долгую жизнь набралось приличное количество. Как он жал кнопки на сенсорном экране смартфона, не видя ничего, кроме аур живых существ, я не представлял, но не так важно! А важно то, что среди учеников отставника оказалось множество людей на серьезных постах. Причем не только в Благовещенском княжестве.

– И выходит, что потрошители после расправы Глеба не затаились, как он считал, а сменили тактику. Эволюционировали, – невесело хохотнул дядя Ваня. – До меня не сразу дошло, но потом, после нескольких совпадающих ответов, я и вопросы стал задавать по-другому.

Похищений молодых женщин с мирским даром действительно больше не было. Благовещенское и соседнее с ним Хабаровское княжества даже вздохнули спокойно. И совершенно не придали значения росту кривой другого вида преступлений – деятельности брачных аферистов. За последние два месяца, что Самойлов провел в камере, только у нас, в Благовещенске в смысле, их было зарегистрировано больше десяти.

– И это только официальные обращения от родственников! – Наставник обличающе воздел палец к потолку.

Я, суматошно впихивая себя в свежую рубашку, попросил:

– Дядь Ваня, давай без пафоса и театральных пауз! Торопимся очень!

– Эх, молодежь! Вечно торопитесь куда-то! – по-стариковски возмутился тот, но послушно продолжил в куда более деловом стиле.

С его слов картина преступлений вырисовывалась следующая. Девушка с мирским даром – это объединяло всех жертв – знакомилась с молодым человеком, с которым тут же закручивался страстный и безудержный роман. Длился он месяц плюс-минус неделя, после чего влюбленные сообщали родным, что ждут ребенка и, пока еще располагают свободным временем, отправляются в теплые страны.

После отъезда связь с молодыми обрывалась, родные начинали бить тревогу, а жандармерия лишь разводила руками. Даже следствия не начинала. Во-первых, сроки сильно уж небольшие, максимум месяц без связи – может, и не пропажа еще? А во-вторых, ну загуляла молодежь, все такими были! В общем, заявления родных принимались, вносились в базу, но активных действий жандармы не предпринимали. Кроме официальных запросов в полицию королевства Сиам, куда уезжали почти все влюбленные.

– И ты думаешь, что это дела потрошителей? – протянул Глеб.

Ему, в отличие от меня, наряжаться не требовалось, поэтому он просто сидел на диване в гостиной и слушал.

– Ну, доказать подобное сейчас невозможно, – ответил старик. – Сам понимаешь, времени мало прошло. Но косвенные признаки указывают на них. Девчонки все с мирским даром, я это специально уточнял. Все забеременели. И все, как только это произошло, уехали на юга.

– Чтобы пропажа не фиксировалась и дела не возбуждались, – закончил я за него.

Застегнул запонки, глянул на себя в зеркало – пойдет!

– Логично, – нехотя признал следователь. – Даже очень. В княжестве никаких следов, с сиамами годы уйдут только на то, чтобы восстановить информацию и докопаться до факта похищения. Хорошая работа, дядь Ваня!

– Ага, – согласился я. – Только непонятно, что нам дает?

– Только намек, что потрошители не затаились. Что уже достаточно много. – Глеб глянул на часы. – Игорь, время! Опоздаем!

Гостиница «Амур» располагалась прямо на набережной реки. В том самом месте, где в моем мире стоял небольшой маяк. Четырехэтажное здание было выстроено в форме ротонды, отчего, с учетом расположения на самой границе с Маньчжурией, воспринималось больше как военный объект. Этакая крепость, выполненная отчего-то в эллинском стиле. Но красиво, хоть и странно.

Самойлов высадил меня почти у входа, еще раз коротко проинструктировал по принципам работы датских капель и остался ожидать на парковке. А я фланирующей походкой великосветского бездельника направился к входу. Задержавшись на пару минут – столько и осталось до встречи, – чтобы полюбоваться вечерним Хэйхэ.

Только начало смеркаться, но китайцы – тьфу! маньчжуры! – уже зажгли все фонари, до которых могли дотянуться: любовь этой нации к осветительным приборам выходила за рамки разумного. Того впечатляющего зрелища, к которому успел привыкнуть в своем Благовещенске, я не увидел. У нас-то весь китайский берег горел, словно новогодняя игрушка! Создавалось впечатление, что соседи каждый сарай для лодок и киоск с мороженым фасадным освещением снабдили. Что, кстати, с учетом нашей электроэнергии, продаваемой им за копейки, было вполне реально. Здесь противоположный берег выглядел победнее, освещены были только высотные здания, но все равно – ярко.

На входе меня встретил натуральный казак, при усах и шашке. Молодцевато сдвинутая на затылок фуражка демонстрировала смоляной чуб, а начищенные до блеска сапоги отражали свет ламп. Осведомившись, «не ожидают ли господина», он проводил меня в ресторан на первом этаже. К столику, за которым меня ждали два человека: неизвестный мужчина и уже знакомая женщина.

Людмила была напряжена, явно робея в присутствии своего спутника, а тот, напротив, был расслаблен и благодушен. Развалился на диванчике, хряк, словно весь «Амур» с прилегающей набережной принадлежал ему лично! Мой москвич, без вариантов!

Он был полноват, этот господин лет пятидесяти. Был одет в дорогой костюм коричневого цвета, имел окладистую бороду с проблесками седины и массивные очки в роговой оправе. У нас такие носили партработники и ученые в семидесятых годах прошлого века. Из-за толстых линз на меня смотрели умные черные глаза.

Придерживаясь того этикета, которому был обучен, я сперва легким кивком и приятной улыбкой поздоровался с дамой и лишь после этого кивнул мужчине.

– Господин Нарышкин, – представила спутника Людмила. – Прибыл, как вы и просили, Игорь Сергеевич.

Москвич чуть качнул головой, отвечая на приветствие и соглашаясь с тем фактом, что он действительно прибыл, как я и просил.

Но Люда-то! Главное, сразу «Игорь Сергеевич»! А где «Игорь, ты вообще представляешь, с кем связался»? Понятно так-то. Наша с ней приватная встреча была рабочей, а это – вполне уже формальное мероприятие с участием важной персоны.

«Нарышкин, – повторил я для Самойлова. – Информация по нему». – «Жди», – буркнул следователь в моем ухе.

Какое-то время мы с мужчиной разглядывали друг друга: он доброжелательно, я с легким вызовом и нетерпением. Затем представитель московского княжества качнул шикарной, какой-то даже не мужской, гривой черных волос и, обращаясь к Людмиле, произнес:

– С вами мы увидимся в моем номере через час.

Отпустил. Как господин лакея. Хотя почему «как»? Мавр сделал свое дело...

Люда покорно кивнула, поднялась и, не глядя ни на кого, покинула компанию. Серьезный все-таки мужик! В ежовых рукавицах барышню держит!

Взгляд Нарышкина вновь переместился на меня, черные глаза пистолетными стволами навелись на мою переносицу, и я тут же почувствовал давление. Будто кто-то тянулся к моему узлу, пытаясь рассмотреть его повнимательнее. Как дядя Ваня, только не в пример грубее.

Не размышляя, я врубил щит. Черт его знает, способен ли он помочь, но ничего другого, без опасности для себя и окружающих, я делать не умел. Едва видимый голубой фильтр покрыл весь окружающий мир, в этом цвете лицо Нарышкина сделалось похожим на морду утопленника, губы которого сложились в довольную улыбку, будто бы он уже схватил свою жертву – меня – и вот-вот утащит на дно.

«Максимилиан Антонович Нарышкин, – вторгся в начинающийся разговор Глеб, мой “электронный секретарь”. – Крупный предприниматель. Активов очень много, перечислять не буду, но основные сосредоточены в Московском княжестве и подконтрольных ему. Близкий к Бестужеву человек. Богатый и влиятельный негодяй. Носитель боярского дара, но уровень силы неизвестен – нет упоминаний».

– Не получилось? – спросил в этот миг москвич. Даже не спросил, а проговорил наполовину утвердительно, а на вторую половину – сочувственно.

«Что не получилось?» – чуть не выдал я в ответ. Напаянный еще на входе покерфейс едва не дал трещину. Каким-то чудом я удержал сползающую маску невозмутимости, чуть склонил голову набок и взглянул на негодяя с вопросом. Что-то вроде: не пойму, о чем вы, господин хороший?

– Что же пошло не так? – Нарышкин продолжал буравить меня взглядом.

О чем он спрашивает? О сделке по мосту? Или еще о чем-то? Мне почему-то кажется, что вернее второе. Но о чем? Бли-и-ин! Да они знакомы!

«Игорь и Нарышкин знакомы! Они уже встречались!» – «Не исключено, – не удивился Глеб. – Мы, конечно, считали, что твой двойник вел дела только с Людой, но могли и ошибиться. Информации-то с гулькина нос».

«Ладно, приоткроемся слегка!»

– Вы о чем конкретно спрашиваете, Максимилиан Антонович? По мосту?

– По нему, Игорь Сергеевич, ты чуть позже скажешь, – отозвался негодяй, ясно показывая степень отношений. Он был по-прежнему расслаблен. – Интересно, конечно, но все идет штатно. Что не так пошло с переносом?

И до меня дошло. Понимание лавиной обрушилось на меня, снося все выстроенные схемы разговора, намерения и планы. Все было не так, как я думал. Вернее, так, но не совсем. И эти нюансы меняли все. Чтобы мысли уложились четче, я проговаривал их для Самойлова.

«Он как-то прощупал меня. Я закрылся щитом. И он сделал вывод, что я настоящий Игорь. Здешний. А сейчас спросил: что не так пошло с переносом? Он знал про то, что Игорь хотел свалить. И прощупывал сперва – с кем говорит? С настоящим или подменным Игорем? Молчи! Ничего не говори, с мысли собьешь!»

– Кабы знать... – с недовольным видом ответил я Нарышкину. – Сперва вроде получилось, а потом...

В специально оставленную негоцианту паузу он и вклинился:

– Обратно вернуло?

И глазки заблестели возбужденно. Даже вперед подался. С таким интересом настоящего ученого. Массивные очки усиливали этот образ.

– Угу, – неопределенно отозвался я, внешне изображая недовольство и неуверенность.

Мозг же работал, как пятилитровый движок на максимальных оборотах. Он в курсе! Но как? Зачем двойнику ему говорить? Затем, что он не сам до этого додумался! Как такое могло вообще в голову прийти – свалить в другой мир и подставить свое тело под удар пульсара? Логичнее заметить следы, устранять свидетелей! Да, но... Что «но»? Он и устранял, и заметал! Посла убил, окружение зачистил – никого же вокруг, хотя фигура-то значимая! Даже секретарши – и той нет! Но этих мер оказалось недостаточно! И он...

– Игорь Сергеевич, можно поподробнее? Техника неопробованная, мы с тобой об этом знали, и ты согласился пойти на риск. Хотелось бы коррективы внести...

И он пошел к союзнику! Вывалил на него свои проблемы, а тот предложил выход. Без гарантии. Неопробованную технику какую-то. Перенос сознания в тело своего двойника в альтернативной вселенной. Или параллельный мир – не суть! Вероятно, он же предложил ввести тело в кому и увести возможное расследование в сторону – на триаду и минцев. Ну да! Сходится!

А сейчас московский негоциант и исследователь хочет получить отчет. Он ведь и на встречу прибыл не ради обсуждения вопросов по мосту! Сам же сказал – все идет штатно. Его интересовал эксперимент! Как все прошло и каковы побочные эффекты? Люда доложила о нападении триады и о том, что Антошин его благополучно пережил. Вот он и отправил ее на встречу – прощупать! Получил ее доклад и, скорее всего, удивился. Не мог сообразить, с кем она говорила: с подлинником или подменным? Игорь же перенес нападение... И это прощупывание...

– Странно, – вслух отозвался я. Говорить старался короткими фразами, как человек, который до конца не уверен в том, что случившееся с ним – правда. – Мало что понял. В сознание пришел в теле двойника. Было утро. Дар не откликался. Пошел к машине... Часа два в себя приходил...

– На что похожа Параллель?

Параллель? Вероятно, так он называет другой мир. Что ж, можно и так, в принципе. На что похоже? Тут лучше не врать: непонятно, что ему известно об иных мирах, а что нет.

– На наш мир. Я пришел в себя в парке, в теле двойника...

И я скормил ему собственную историю, вывернутую наизнанку. Как удивился, увидев японские машины, как выяснил, что Благовещенск не суверенное государство, а провинция огромной России.

Нарышкин слушал меня, по-детски приоткрыв рот и поблескивая глазами, в которых плескался самый настоящий восторг. Он точно был исследователем, этот прагматичный негоциант. Встречал я такое, хоть и редко. Живет человек, занимается, например, бизнесом. И все у него хорошо, предприятие растет и развивается, обростает новыми контрактами и связями.

Денег – вагон и маленькая тележка. Но своим настоящим достижением человек тот считает совсем другое – выведение сорта помидоров, устойчивых к заморозкам. И это для него мерило успеха.

Про магию я тоже сказал примерно в таком ключе:

– Не уверен, но там, кажется, нет носителей дара. Ни князь... губернатор, ни присные его чиновники дара не имеют. Я не успел разобраться, как раз собирался посетить общественную библиотеку, но тут меня выдернуло обратно.

– Как это произошло? Что стало пусковым механизмом? – тут же стал сыпать вопросами москвич.

– Поди знай, – пожал я плечами. – Но в своем теле я оказался сразу после нападения триады.

– Хм! – Нарышкин чуть из-за стола не вскочил. Куда только девалась вся его вальяжность? Сейчас передо мной был одержимый ученый, эксперимент которого хоть и провалился, но он уже понимал почему. – Пульсар!

– Я примерно так же думал...

– Возможно, для закрепления сущности на энергетическом уровне прошло слишком мало времени? Нужно было дать хотя бы сутки, прежде чем атаковать двойника в нашей Параллели... Да-да! Скорее всего! По крайней мере, я не вижу иных факторов, которые бы могли сыграть...

– Максимилиан Антонович, – не совсем вежливо прервал я его.

В голове моей мелькнула сумасшедшая мысль, и я поторопился ее проверить. Сейчас для этого было более чем подходящее время: политик и интриган Нарышкин отступил в сторону, выпустив вперед исследователя.

– Что?

– Ты отправил стрелка, который вчера вечером атаковал меня дома?

За спрос денег не берут, а предположение было логичным.

Мой вопрос попал в цель.

– Ты же не в обиде, Игорь Сергеевич? Я должен был убедиться, что ты – это ты. Твоему телу, если что, ничего не грозило, стрелку было четко сказано: устроить стрельбу без жертв! Я рассуждал так: если ты настоящий, то сможешь закрыться, а если нет – то твой двойник просто напугается.

Ни черта себе у них тут лакмусовые бумажки! Проверить он хотел! Разворотил мне квартиру, перепугал, стрелка под удар поставил! И ведь, сволочь такая, даже не вспомнил про него! Про человека, которого послал на смерть, просто чтобы проверить свою догадку! Да, по-другому тут бояре мыслят, совсем по-другому. Жизнь человека для них – копейка! Хотя в своем мире я так высоко не летал. Кто его знает, каков образ мыслей у наших власть имущих? У тех, у кого есть настоящая власть и деньги.

А Самойлов, выходит, ошибся. О чем я не стал ему тут же рассказывать – не хотел отвлекаться от идущего разговора и своих мыслей. Вот тебе и лучший следователь жандармерии! Ладно, грех парня винить, кто ж до такого бреда додуматься смог бы? Но тогда, получается, потрошители ни при чем? А слежка?..

– А слежку за мной тоже ты организовал?

– Слежку? Нет, я вчера еще все понял, зачем бы мне слежка? Это уже твои дела, Игорь Сергеевич!

Какое-то время Нарышкин еще попытал меня про эксперимент с переносом, пытаюсь попутно уговорить на его повторение. Я занял позицию «надо чуть-чуть подождать», обдумывая про себя сложившуюся ситуацию. Вспомнил слова двойника, которые он сказал мне во сне, что я непременно должен быть в коме для его возвращения. И не стал ничего у негоцианта уточнять: еще выдам себя ненароком.

Договорились мы о том, что вернемся к разговору о переносе через пару дней. Я сказал, что тут мне пока ничто не грозит, нападение триады так или иначе сыграло на руку и пустило следствие по ложному пути. Нарышкин согласился и повернул разговор на мост. И дал мне пару зацепок, где искать следы деятельности двойника. Теперь у меня было название подставной фирмы. Другими словами, полезительная вышла встреча.

Глава 15. Цвет магии

Весь разговор с Нарышкиным я пересказал Глебу, пока он вез нас в гостиницу. К чести следователя, он принял свою ошибку о заказчике нападения спокойно. Буркнул что-то вроде «ну да, такое и спяну не придумаешь» и оставшуюся часть дороги молчал. Думал о чем-то, видать, файлы, полученные от Алмаза, в голове сортировал.

По приезде, а было уже около восьми, устроили небольшой ужин, совмещенный с брифингом. Дядя Ваня, выслушав о Нарышкине и его участии в моем появлении в этом мире, не стал строить теории. Сразу безапелляционно заявил, что перенос является не аспектом дара, а некой техникой. Не той, что поля пашет, а вроде духовной практики, родом, как он выразился, с Востока. Ну, практика и практика, название сути не меняло. В любом случае воспользоваться ею без москвича я не могу – придется ему признаваться. А делать это не просто опасно – глупо.

И, я пока еще себе-то в этом признавался с трудом, не спешил я назад. В голове потихоньку вызревало несвойственное мне обычно желание довести дело до конца. Здесь! Вот из принципа! Чтобы знал один нехороший человек, как перемещать сознание людей без их на то дозволения! Пускать обратно хитрую эту тварину – ну уж нет! Слишком много людей пострадает! А в моем мире он вряд ли дров наломает. Не та должность, не те возможности. Хотя, если честно, и об этом я предпочитал не думать.

Перекусив и еще раз со всех сторон рассмотрев полученную информацию, мы набросали план на завтра и разошлись. В смысле Самойлов ушел возиться с бумагами (результатами он так и не поделился ввиду их отсутствия), а я – на тренировку. Насчет нее наставник был совершенно категоричен – устал ты там, не устал! Да и мне самому хотелось, чего греха таить!

Я с ходу попросил дядю Ваню научить меня хотя бы одному атакующему аспекту. Например, пульсару. Теорию, кстати, мне двойник подсказал, так что дело за практикой – научиться призывать огонь и не спалить при этом все вокруг. Под присмотром наставника, контролирующего на энергетическом уровне мои манипуляции с даром, это оказалось до смешного легко. Просто видишь внутренним взглядом красный цвет, даже если его и нет, а потом просишь его – именно просишь – войти в руку. И на ладони оживает маленький огонек.

Как, наверное, любое умение. Помню, первый раз за руль сел в автошколе и с отчетливой убежденностью решил – сегодня я либо собою кого-нибудь, либо в столб врежусь. Потому как невозможно этой железной неповоротливой дурой управлять! А потом поехал, поехал... и ничего. А год спустя уже и не думая машину водил. Иной раз даже проедешь полгорода, пытаешься вспомнить, как это произошло и что конкретно ты делал за рулем, – не получается.

Спустя полчаса осторожной практики я уже кидался крошечными пульсарами, которые тут же гасли в траве. Даже выделялся еще при этом, с ногтя большого пальца запускать, щелбаном... И пытал дядю Ваню по теории, то есть про дар спрашивал. В первую очередь меня интересовали цвета в узле: какой что значит?

– Так-то ты правильно все понимаешь, да. Цвета связаны с эмоциями, и они же – источники для тех или иных аспектов. – Оседлав любимого конька, дядя Ваня разом обрел менторский тон, стал неторопливым и велеречивым. – Эмоция выступает катализатором для активации дара. Но тут нужно понимать, что все эмоции имеют цвет, но не все могут быть использованы как активаторы дара. Взять голубой – это вера и спокойствие, он же эфир или воздух. Работает с защитными аспектами вроде щита или покрова. Последний тебе рановато осваивать, надорвешься. Но с другой стороны, может использоваться и как источник для боевой магии. Вроде эфирных клинков Глеба.

Вон чего, получается, Глеб Вячеславович у нас такой непоколебимый, как даосский монах. Держит аспект наготове!

– Красный (ярость, злость, огонь) – источник боевых аспектов прямого воздействия, таких как пульсар, огненный вал, веретено, – продолжил лекцию наставник. – Черный – тоже боевой. Но еще он и сигнальный. У хорошего интуита он как компас работает, определяя источник опасности. Двойник твой мог угрозу до метра отследить. Когда мальчишкой был, я его нюхачом прозывал. С управляющими эмоциями тут не все так просто. Основа – ненависть, но не к предмету воздействия, а вообще. И еще решимость, воля. На ненависти легче всего получается, но лучше все же волей.

Я тут же вспомнил, как качнулся протуберанец с черного жгута при встрече с Евсеевым. Вот оно что. Значит, не почудилась мне угроза, исходящая от дэбера. Но я ни к кому тогда не испытывал ненависти, скорее действительно решимость. Там, на контейнерной станции, я впервые за все время пребывания здесь взял ситуацию в свои руки.

– Его применяют к аспектам вроде «распада», коим ты бездумно размазал стрелка по лестничной площадке. Малой силой ты бы ему просто сухожилия подрезал, точнее сказать, просто разрушил в них молекулярные связи, но вышло как вышло. Черный источник – основа силы любого боевого мага. Все смертные аспекты – черные.

– А оранжевый и зеленый? – вспомнил я последние цвета этой магической радуги.

– Возбуждение и страх. Сила и тлен. Оранжевые жгуты у берсов доминируют, но и некоторые бояре с ними управляться умеют. Твой двойник мог. И у тебя, кстати, сейчас оранжевый доминирует.

Я всмотрелся – действительно! Вальжный апельсиновый жгут закручивался вокруг красного, будто бы сдерживая его. Мол, вот ровно настолько ты существуешь, а больше ни-ни!

– А вот зеленые в русских княжествах не в почете, – продолжал наставник лекцию. – Злая магия, мерзкая! Тоже боевая, точнее, в том числе, но... с душком. В Восточной Европе аспекты зеленого особенно любят. Африканосы еще...

– У стрелка цвет доминировал... Ну, когда я его твоим зрением видел.

– Так он ординарус, Игорек! Человек без дара. Страх ты видел. Панический ужас от неминуемости скорой кончины. А вот если ты знаешь, что против тебя маг стоит, и в его узле зелень ядовитая, – кончай его максимально быстро и обязательно с гарантией.

– Так без вас не увижу, – усмехнулся я.

– Ну да, действительно, – согласился дед. – Но все равно.

А потом как-то незаметно, как бывает в разговоре с интересным собеседником, темы были затронуты куда более глобальные.

– Никто не знает про природу дара, Игореша. Никто. Мы изучили его вдоль и поперек, научились им пользоваться: кто во зло, кто во благо. Но ни на шаг не приблизились к пониманию, что он такое. В азиатских царствах в этом вопросе дальше всех продвинулись, как говорят, но, я так мыслю, это все попытка натянуть факты на свое представление о них. Весь этот их фэншуй – маскировка всеобщего невежества!

– Как так-то? Весь мир пользуется, и никто ничего не знает?

– Я же не сказал – ничего. Много знаем, много выяснили, дар изучая. Понимаем закономерности, создаем для одаренных методики овладения. Масса научных открытий, к примеру, стали следствием изучения дара. Электричество так открыто было – через подобие.

– Чего? – не понял я, наслаждаясь властью над огоньком с копеечную монету, лежащим у меня в ладони. Яркому, как апельсин, и совершенно не обжигающему.

– От энергий внутренних – к энергиям внешним. Поменьше бери, сад спалишь! Та же батарея в твоём телефоне...

– Что, тоже магическая?

– Вот дурень! Зачем бы? Нет, просто реализация технологиями того, что и так есть в человеке. Вот сила твоя – она же телом собирается из самых разных источников, аккумулируется... Понятно, что такое только у носителей дара имеется, но ученые мужи стали ставить

эксперименты и придумали батарейку. Магия всю историю нашу науку двигала. Вот, к примеру, времена папской диктатуры...

– Кстати, уже слышал сегодня. Что это?

– Темное время, Игорек. Века с двенадцатого, за точную дату не поручусь, Европой правил Ватикан. Все короли европейские были под ним. И понтифики решали, кому из королей да дворян с кем браки заключать, чтобы царский дар с боярским проявлялись сильнее, когда детей рожать, от кого. Ну а про внешнюю и внутреннюю политику и говорить нечего.

– Евгеника! – воскликнул я.

– Да, так, кажется. У вас тоже такое было?

– Не в таких масштабах, но да, было.

Мне сразу вспомнились нацистские фрау из какого-то фильма, которые занимались как раз выбраковкой ненужного генного материала.

– Ну так вот евгеника много чего позволила открыть. Гены эти самые, кислоту – забыл, как зовется. Не суть! Я к чему веду? Все, что есть у нас сейчас, от использования дара идет. Лекарства те же – много бы мы налечили, кабы носители мирского дара токи человеческого тела не исследовали? А вот природу его происхождения так никто и не понял.

– Дядь Вань, ну должны же быть хотя бы предположения, откуда дар взялся!

Я не мог поверить, что сила, определившая путь развития этого мира, является полной тайной для аборигенов.

Старик усмехнулся:

– Вот этого, ты прав, хватает. У каждой культуры, причем, свое. Кому Маниту с копыа дар прямо в грудь вложил, кому предки, от богов родословную ведущие, вручили. Тех же католиков взять – у них вполне стройная теория имеется.

– Расскажи! – как внук, выпрашивающий у деда сказку, тут же выпалил я.

Даже с пульсарами возиться перестал – погасил, сжав ладонь. И усмехнулся про себя: совсем как княжич.

– Да что там рассказывать! Католики считают, что дар – от Бога. Точнее, от Сына Божьего, известного в человеческой истории как Иисус, плотник из Назарета. Был у вас такой? Ну вот, хоть тут не облажались! Дескать, пришел он на Землю к людям и подарил вместе с заповедями Господними дар. Сперва ученикам своим. Ученики, в свою очередь, наградили им своих ближних, ну а те – других достойных. Или не очень достойных, но нужных. Времена такие были. Церковь только строилась, организованности не было, и каждый принимал решение на свой страх и риск.

Как ты понимаешь, не было сперва этого разделения на условности: царский дар, боярский, мирской. Просто – дар. Которым можно было и лечить, и калечить. От гнуса в болоте защититься или сказать горе сей, чтобы пришла к тебе. Ходить по воде и, как без этого, насыщать Казни. В общем, дай человеку хорошую вещь и пару тысяч лет...

Я внутренне согласился с наставником. С небольшой поправкой. Для того чтобы испортить что-то хорошее, человеку нужно куда меньше времени.

– В общем, там, куда смогли проникнуть апостолы, появилась магия. Она, может, и до того была, но простенькая, бытовая. Дождик камланиями призвать, с духами поговорить. Не чета чудесам, творимым с помощью дара. Цари, руками апостолов на власть помазанные, стали первыми его владетелями. И воителями, потому как зачем правителю все аспекты дара? Хватит и боевых, на защиту государства направленных. Силой этой они и создали первые страны. И первые Пустоши, там, где дар применяли. Десятка два на день сегодняшней таких зон имеется, вроде Даманского.

И Венского Разлома в Австрии, ага, читал уже.

– Ну а дальше, по заведенному порядку, первые цари одарили силой ближних своих. И тоже поступили по образу апостолов, изрядно ограничив аспекты. Оно и правильно: кабы

каждый боярин мог устраивать глобальные катаклизмы, до двадцатого века человечество не дотянуло бы. Да и о своей безопасности пеклись владыки – к чему конкуренты им самим и их потомству? Потом еще много чего было, Игорек. Кровь мешали, кто бездумно, кто под прищелком, вот и родили на свет еще дары мирской, наставнический и берсовский. Последний ведь тоже дар, но как кот кастрированный. Католики их считают осколками боярского и царского даров.

Закончив рассказ, старик на некоторое время замолчал. Я тоже сидел тихо, придавленный сказанным. То есть во мне – божий дар? Вернее так: Божий Дар? С ума свихнуться, как говаривала одна моя знакомая!

– А вы сами-то в это верите?

Дядя Ваня откликнулся мгновенно. Произнес наставительно:

– Верить, Игорек, надо в Господа нашего. В любовь Его, милосердие и суд справедливый. А это... Может, так оно было, а может, не так. Это же паписты, соврут – недорого возьмут. Да и не столь важно это, если подумать.

– А что важно?

– Вести себя так, чтобы предстать перед Ним не стыдно было. Дар использовать как Божий, а не как ветку, коей пацанва муравейники разоряет. Это – важно. Поэтому я тебя и учу, потому что ты тоже это понимаешь.

Я? Серьезно? Ну, это ты, дядя Ваня, хватил! Тоже мне, нашел «облико морале». Мне бы из передраги этой выбраться и не сдохнуть по пути. Про такие вещи, как мораль, я думать буду в последнюю очередь!

Старик смотрел на меня пустыми своими буркалами и улыбался. Что он там видел?

В сон я провалился моментально, только до кровати добраться успел. Темнота комнаты тут же сменилась тьмой ничего, в которой были только я и моя тень.

Игорь Сергеевич нетерпеливо притопывал ногой по воздуху и начал разговор без приветствий:

– Что решил?

– Думаю, поживу пока тут. Сытно, знаешь ли, богато. Уважение опять же. Мне нравится!

Я намеренно выводил его из себя. Не с какой-то конкретной целью – просто хотелось! Он меня сюда забросил, вот теперь пусть корчится ужом на сковородке!

– В смысле? – опешил двойник. И с угрозой сделал шаг вперед. – А не много о себе возомнил, безродный?

Я отреагировал на его тон спокойно. Даже удивительно было, насколько спокойно. Просто Будда на медитации в своей пещерке.

– А что ты мне сделаешь, двойник? Магии в моем мире нет, а значит, и силы у тебя нет. Во сны ко мне ходить станешь? Неприятно, я бы что-нибудь с девчонками посмотрел, но не смертельно. На одних астральных техниках, которым тебя Нарышкин научил, ты только и способен, что сны мне портить. Но и с этим, вероятно, можно как-то разобраться со временем. Так что не грози, если не можешь угрозы исполнить.

Теперь уже я сделал шаг вперед, а он – удивительное дело – отступил.

– Через месяц-два все сработает в обратную сторону... – В голосе его уверенности, однако, не было.

– Ой ли, Игорь? А что ты тогда так суетишься? Вторую ночь являешься, уговариваешь. Прямо змей-искуситель! Если все так, как ты говоришь, через месяц-другой я просто вернусь в свое тело и в свой мир. И ты мне тогда тем более не нужен!

– За это время я твою жизнь в сгоревший лес превратить могу!

– Свою, чувак! Свою! Тебе там жить эти два месяца. А может, и больше, если ты врешь или Нарышкин тебя обманул. И не забывай, что я тут тоже наvertеть могу, мало не покажется.

Он замолчал. Я тоже ничего больше не говорил, но смотрел на двойника с превосходством. Впервые за трое суток мне не было страшно. Это дорогого стоило!

– Твои предложения?

Все-таки мой двойник был игроком. И птицей высокого полета. Воспитание, опыт и все такое. Удар он принял так, как я бы не смог.

– У меня нет никаких предложений. Я буду разбираться. Ни тебе, ни Нарышкину я на слово верить не буду, прыгать наобум не стану. Сам все изучу, сколько бы времени это ни потребовало. И если получится, жизнь немного в порядок приведу. Твою и мою теперь. Меня творящийся сейчас бардак не устраивает категорически.

Он невесело усмехнулся.

– А по силам задача? Да и я ведь сиднем сидеть не стану, ты же понимаешь?

– Я попробую! Это в любом случае безопаснее, чем заключать сделки с таким, как ты. Человек, свою родню предавший, доверия не достоин!

– Как запел! С дядькой моим переобщался? Это он у нас на роду помешанный!

Двойник приблизился ко мне, между нашими лицами едва ладонь втиснуть можно было.

– Ты понимаешь, подменыш, что с этого разговора мы с тобой враги? – тихонько так спросил он, но гнев его почти физически опалил мне лицо.

– А мы что, были друзьями? У тебя вообще друзья были? Ты вообще знаешь, что такое дружба?

– А ты? Я как-то не вижу вокруг тебя преданных сторонников! Змеиное гнездо на службе, девки для постели после службы...

Тут он меня, конечно, уел. Потому что прав был. Но я нашел ответ.

– Здесь появились...

Сказал и понял – правда. Глеба, флегму эту очкастую, я считал другом. Дядь Ваню тоже. Не знаю, как так вышло, не знаю, кем они считали меня, но вот так! Наверное, потому что увидел, как люди себя вести могут. Как люди должны себя вести! Не только о своей шкуре заботиться, не только о материальном благополучии, набивании карманов и брюха. А другим помогать, через себя переступая ради дела, которое считают правильным. Так как-то.

Отступая назад, двойник едко усмехнулся.

– Ну-ну!

И исчез.

Я же открыл глаза в темноте вешного мира и только выдохнул с облегчением. Вроде получилось! Дал отпор! Блин, надо было ему еще про Пермское княжество рассказать. Вот бы он повертелся, ха-ха!

Вновь проваливаясь в сон, уже настоящий, без двойников, я поймал собственную ускользающую мысль – это было бы мелко.

Проспал я в кои-то веки почти до девяти часов. Никто не ждал меня утром на чашку чая, никто не требовал ответов и мгновенных решений. Никто не хотел убить, в конце концов! Огромный дом – номер в гостинице – был полон множества звуков, которые, складываясь вместе, рождали ту самую тишину, которой так жаждут городские жители. Чуть шумели на ветру ветви карагача за окном, едва доносились трели птах, слегка поскрипывал, будто дышал, сам деревянный дом. Не тишина. Но – тишина!

На душе было столь же покойно, как и вокруг. Будто вырвался из заколдованного круга, разомкнул его и теперь стоишь, назад смотришь и думаешь – а раньше что мешало? Суета ведь не вокруг, она в голове. Вот и выходило, что первые три дня я подгонял сам себя. Ну, обстоятельства, конечно, тоже. Но главным-то образом – сам. Своей реакцией, нежеланием принять свершившийся факт.

«На философию потянуло с утра пораньше?» – подколот я сам себя и решил, что пора бы и честь знать. Поднимать свою задницу и делать то, что пообещал двойнику, но больше себе самому: разбираться и наводить порядок.

В доме никого не было. Дядю Ваню я разглядел сквозь стеклянную стену: старик ослабленно сидел на траве, впитывая нежаркие солнечные лучи. Глеба же не было даже слышно. На всякий случай – капли же еще должны работать? – я произнес: «Самойлов, ты где?» Но ответа не получил. Уехал куда-то. На моей машине, небось! Точно. Он же сегодня должен был встречать инквизитора этого, из Милана! Как там его зовут? Беллони, кажется. Значит, должен скоро приехать. Ну, а я пока завтрак приготавливаю.

Мой «Москвич» скрипнул шинами у входа минут через двадцать, когда я уже доедал яичницу и подумывал о том, чтобы приготовить еще пару порций. Глеб выскочил из машины порывисто, будто был зол на весь свет. Гаишники его местные, что ли, оштрафовали?

Он бросил на меня резкий взгляд сквозь стеклянную стену и крикнул в сторону наставника:

– Дядя Ваня, зайди домой. Разговор есть.

Что-то мне говорило, что разговор будет неприятным. Скорее всего, даже очень неприятным. Я торопливо затолкал в рот остатки завтрака – не пропадать же еде! – и глотнул кофе.

– Я в аэропорт сейчас ездил, – начал говорить Глеб, едва наставник к нам присоединился.

До этого опальный следователь выдул половину моей кружки и терпеливо молчал. Я тоже не лез: видел, что человек на взводе.

– На оговоренном рейсе миланца не оказалось. Телефон выключен. Тогда я догадался в Сеть залезть. И вот что нашел.

Самойлов разблокировал экран новенького смартфона и пояснил, прежде чем начал читать:

– Это с новостной ленты «Вечернего вестника», миланской газеты.

Я отчего-то сразу понял, что это значит.

– «Сегодня в собственной квартире было обнаружено тело дознавателя второго ранга миланского отделения Европейской инквизиции Марио Беллони. Основная версия следствия – самоубийство. Тело дознавателя обнаружили коллеги, когда, обеспокоенные отсутствием того на службе, решили проведать его. “Он висел в петле прямо в центре комнаты. Рядом лежал откинутый стул. Скорее всего, Марио так и не смог оправиться после смерти своей супруги, которая была найдена мертвой четыре года назад”, – прокомментировал нашему корреспонденту начальник Беллони».

Самойлов оторвал глаза от экрана и по очереди оглядел нас.

– Потрошители... Алмаз же шифровал разговор! – Это почему-то первым слетело у меня с языка. Следом за словами сработала и мысль: – Ты ему уже звонил?

– Не отвечает. Может, на службе, совещание какое... – без особой уверенности протянул Глеб.

У меня в голове тут же мелькнули образы висящего в петле татарина, а вокруг – трупы всех его девочек. Нервный срыв, убил семью, покончил с собой!..

«Господи, Антошин, давай только без голливудских штампов! Еще надумай себе, что всех их похитили и тебе вот-вот позвонят и предложат сделку – их жизни на твою!»

Бред, конечно, но экран телефона я все же активировал и с облегчением убедился, что пропущенных звонков нет.

– Едем! – я вскочил на ноги. – Будет гадать! Сразу и его, и семью проверим!

Когда в машину вместе с нами кряхтя сел дядя Ваня, я даже не удивился.

Глава 16. Целитель

Удивительное дело – не знал человека, только голос его слышал один раз, а по сердцу резануло, будто сослуживца схоронил, с которым кабинет делил лет пять! И чувство вины зашкаливает, хотя логика и твердит, что конец инквизитора, при его-то одержимости потрошителями, был лишь вопросом времени. Не сегодня, так через неделю Марио Беллони отправился бы на встречу со своей убитой супругой, наш звонок лишь ускорил события. Не виноваты ни я, ни Глеб, ни тем более Алмаз, в его смерти! Отчего же так хреново на душе? Будто я сам ему веревку намыливал?

Алмаз еще! Вот в его смерти, если он погиб (не дай Господь!), точно буду виноват я, и никто другой. Потому что именно своей просьбой я разрушил спокойную жизнь этого смурного татарина. Жил себе, кофеи на работе гонял, с девчонками своими по вечерам обнимался да по выходным пиво с друзьями пил в контейнерном убежище. А появился я со своими проблемами – и все! Аллес! Еще же дочки его с женой! Вовек себе не прощу!

Глеб гнал так, что правильнее всего было сидеть с закрытыми глазами, что я и сделал. Пару раз услышал сирены дорожной жандармерии, сперва громкие, но почти сразу стихающие. Хотелось надеяться, что дорожникам известно, кому принадлежит морковного цвета «Москвич», и они не будут устраивать гонки по городу.

Каких-то семь минут – и, взвизгнув тормозами, мы остановились у управы. Но не у главного входа, а с торца, у невидимого почти подъезда. Глеб еще машину глушил, а я уже бежал к дверям, вспоминая фамилию Алмаза из вчерашней платежки.

– Юсупов на месте? – выдохнул я в сторону жандарма за стеклянной стойкой.

– Кто? Что? – подскочил от неожиданности служака.

– Алмаз Юсупов на месте? – уточнил догнавший меня Глеб. – Компьютерщик из девятого?

– Не было с утра...

– Адрес его домашний, живо! – включил я большого босса.

То ли узнал меня охранник, то ли рык магическое действие возымел, но он тут же стал листать специальный журнал с адресами всех служащих в управе.

– Тенистая, триста пятьдесят два, четвертая квартира...

Не сговариваясь, мы со следователем рванули к выходу.

– Если там... – заговорил было я уже в машине.

– Если там никого, то едем на контейнер! – отрезал Самойлов. И лихо вошел в поворот, меня аж на дверку кинуло.

Тут зазвонил мой телефон. Хорошо хоть я его в пиджак положил, а то из брюк в такой болтанке вряд ли бы достал. Глянул на экран – длинный рядок незнакомых цифр. С опаской нажал на прием, ожидая – грешен – звонка от похитителей.

– Да?

– Это Алмаз, – раздался сквозь изрядные помехи голос татарина.

– Жив?

– Да. В безопасности.

– Глеб, он живой! Тормози, пока мы тут сами не сдохли!

«Москвич» тут же нырнул на правую полосу и прижался к обочине. В тишине, опустившейся на салон авто, послышалось «Слава Господу!» от дяди Вани. Причем благодарил Создателя старик явно за прекращение безумной гонки, а не за то, что наш хакер оказался живым.

Я нажал на иконку громкой связи и приказал строгим голосом:

– Рассказывай!

– Я в бегах. Из города уехал. Куда – не скажу. Родных забрал, – тут же по-военному отчитался татарин. И добавил с недовольством: – Подставился я вчера! Идиот!

Вернувшись вчера домой, Алмаз не удержался и продолжил поиски в Сети. Очень его заинтересовала фигура «купца», о котором говорил итальянец. Для начала искал большим бреднем, предполагая, что человек этот должен быть богатым. Настолько, что обороты в сотни тысяч рублей никого не смогли бы удивить. Затем стал методично сжимать круг, первым делом исключив из него всех носителей дара выше мирского.

Этот аргумент я не очень понял, но Глеб, одобрительно кивнув, пояснил негромко специально для не местных:

– Доходы всех носителей боярского дара отслеживаются и проверяются княжеской управой по налогам.

«А мои, в смысле двойника моего, тогда почему не проверяли?» – хотел было спросить я, но Алмаз продолжал говорить, и я просто сделал себе зарубку в памяти. В самом деле, причина могла быть банальнее некуда – двойник мог состоять в этой управе.

Постепенно отсеивая неподходящих, по его мнению, фигурантов, Алмаз составил небольшой список подозреваемых, который вскорости собирался отправить на электронную почту. А затем, просто по неистребимой с юных лет привычке (вот уж действительно – параноики выживают!), написал маленький скрипт, который должен был известить его, если кто-то заинтересуется проводимыми им поисками.

Искать хакера стали уже минут через двадцать. Телефон методично сообщил о нескольких попытках проверить узлы входа, через которые он работал. И Алмаз, не всегда бывший, как я и подозревал, законопослушным поданным, моментально собрался, сгреб в охапку семью и бросился в бега, уже в пути узнав из Сети, что миланца убили потрошители, а стало быть, он поступил очень правильно и своевременно.

– Как окончательно устроюсь, сам на связь выйду, – сообщил он в завершение рассказа. – Меня не ищите, это виртуальный номер, позвонить на него не выйдет. Ждите файл. И прижмите мерзавцев! – Некоторое время в трубке еще шумели помехи, пока вновь не прозвучал веселый голос татарина: – Но бодрит-то как! Я думал, уже никогда так не будет! – После чего отключился окончательно.

С минуту мы просто молчали. Я почему-то думал о том, что прекрасно понимаю настроение Алмаза. Да, страшно. Опасно, смертельно опасно! Но вот чего не отнять – действительно бодрит! Никаких посторонних мыслей о жизни, и вообще, все подчинено только выживанию.

Дядя Ваня подал голос с заднего сиденья:

– Ну, если с парнем и семьей его все в порядке, поехали домой. Чего в машине-то сидеть? Там и почту от него дождемся, и новый план составим.

– Ага, – флегматично буркнул Глеб, будто не гнал пять минут назад с глазами навывкате. – И позавтракаем хоть!

Вот нехватка!

Почту от Алмаза открыли уже в гостинице, с ноутбука, хотя пришла она, пока мы еще ехали. Но на телефоне смотреть список не хотелось. После сумасшедшей гонки по городу напряжение понемногу отпускало, и я, вспомнив о сиренах, быстренько отстучал сообщение для Фочина, в котором извинялся за манеру вождения и просил отпустить во внеочередной отпуск оказывающего мне помощь Юсупова. Почему-то показалось, что именно так поступить будет правильно.

Список действительно был небольшим. Восемь фамилий с приложенными ссылками к каждой из них – вроде объективов. Первые три фамилии были помечены красным шрифтом. Приоритетные цели, надо полагать.

– О! Топляк! Никогда бы не подумал на него! – что-то уже жуя, подал голос Глеб, стоящий у меня за плечом.

Анджей Топляк. Крупный землевладелец, которому принадлежала пятая часть коммерческой недвижимости в Благовещенске и треть – по всему княжеству. Учредитель двух строительных компаний: «Русь» и «Городище». Меценат и благотворитель – полностью содержал три детских дома. Фанат истории – оплачивал археологические и палеонтологические экспедиции. Масса бизнес-проектов с азиатскими и европейскими странами. Отдельной ссылкой шла таблица с последними банковскими операциями, вызвавшими интерес хакера.

– Мужик мировой на самом деле, – прокомментировал Самойлов, читая информацию. – Он чуть ли не богаче князя, а держится просто и для разговора всегда открыт, не то что миллионщики обычно. Я как-то дело вел по краже из музея, так он чуть не ночевал со мной в кабинете. Неоценимую помощь оказал.

Ладно, пусть будет мировым мужиком. Но Алмаз его поставил на первое место не напрасно, тут я с ним был согласен. За ширмой простого в общении и готового всегда помочь богатея очень легко спрятать все что угодно. Хоть сексуальные девиации, хоть полный погреб женщин с мирским даром.

Следующим шел известный оперный певец и театральный артист Иван Пупкин. Серьезно? Я думал, что у богемы имена с фамилиями не в пример вычурнее должны быть. Иван Пупкин, ну надо же! А почему он в списке? Ого! Да он богач! Огромные гонорары, членство в престижных азиатских и европейских театральных клубах, постоянные разъезды по миру с гастролями. И живет в Благовещенске?.. Блин, опять категориями своего мира мыслю! Здесь же сливки общества не обязательно должны в Москве кучковаться.

А так – да, мог. Во-первых, популярный артист, у них от славы и любви миллионов часто крышу сносит. Во-вторых, поступления на его многочисленные банковские счета были с самых разных точек планеты. В-третьих, ну кто подумает на оперного певца, который общается с невероятным количеством людей. Даже Глеб важно изрек «вполне», читая объективку с экрана.

Третьим в списке главных подозреваемых шел целитель с мировым именем Айсен Тысыт. Чистокровный якут, невесть зачем покинувший родину и осевший в Благовещенском княжестве. Обладатель сильного мирского дара, личный друг князя, вхожий в дома высшего света по всему Дальнему Востоку. А еще владелец сети целительских центров «Оолох» и очень, очень богатый человек.

А вот этот фигурант мне показался неподходящим. То есть все признаки нашего «мерчантэ» он вроде имеет, но – сам мирянин! Как целитель может участвовать в похищении девочек и продаже их детей? Это же их природе целительской должно претить! С другой стороны – кому, как не ему, в предмете разбираться? Он же знает о мирском даре все, наверняка умеет из лекарей убийц делать. Но... Вряд ли. Как-то это... совсем неправильно, что ли!

Оставшиеся пять фамилий я пробежал мельком, даже не читая, что там на них накопал Алмаз. Промышленник, золотодобытчик, юрист, фермер и единственная женщина в списке – наставница. Хакер, конечно, мог ошибиться, но лучше начать отрабатывать список с тех, кого он пометил красным. А вот если не найдем ничего по ним, то возьмемся за оставшихся. Тут важно усилия сосредоточить на узком круге, не распыляться.

– Ну, что думаете? – двинув в сторону клавиатуру, спросил я у команды. – Топляк, Пупкин или этот... Тысыт? С кого начнем?

– Пупкин, – подал голос Самойлов. – Богема. Мутная вода.

Может, и так, конечно, но Топляка ты ведь явно сбросил со счетов. Не можешь поверить, что человек, с тобой работавший, оказался такой тварью. А вот на мой взгляд, он кандидатура просто идеальная.

– Топляк, – сказал дядя Ваня. Ничего не поясняя.

Итак, двое за мецената и любителя истории, один за оперного певца. Значит – лекарь.

– Начнем с якута, – высказал я мысль. – Никто из нас на него не подумал. Он наименее подозрителен, значит, отрабатываем сперва по нему.

Спорить со мной, что удивительно, никто не стал. Воодушевленный этим, я принялся распределять роли в расследовании.

– Глеб, на тебе движение средств. Лучше тебя никто не справится, да и наработки уже есть. Посмотри суммы, сравни с поступлениями по счетам Арцебашева, датами похищений. В общем, чего я тебя учу? И кстати, включи в список брачных аферистов, которых дядя Ваня раскопал.

Следователь серьезно кивнул, забрал у меня ноутбук и, ни слова не говоря, отправился к себе в комнату – работать.

– А мы, уважаемый наставник, поедem к якутскому лекарю. Пообщаемся. Ты у меня будешь детектором лжи – за аурой господина целителя следить.

– Толково, – похвалил меня дядя Ваня. – Только ты сперва узнай, в княжестве он вообще? А то выехал куда, а ты тут планов настроил.

М-да. Точно! Вот почему всегда так? Это же был пик триумфа лидера!

К счастью, лекарь Тыысыт оказался в городе. И согласился нас принять, стоило мне только представиться его секретарю. Даже вопросов не стал задавать.

Быстренько сверившись с навигатором, я выяснил, что медцентр находится довольно далеко по благовещенским меркам, километрах в двадцати от гостиницы. В моем мире это место именовалось поселком Моховая Падь.

По дороге я выпросил у наставника все, что он знал о мирянах и их даре, чтобы не лопухнуться в разговоре с целителем. Рассказ дяди Вани вышел коротким: каста была предельно открытой во всем, что касалось информации о внешней стороне дара, но скрытной, если речь шла о глубинных его проявлениях. То есть боярин моего уровня вполне мог себе позволить относительное невежество в данном вопросе.

– А эти, переделанные миряне? Которых потрошители делают? От них как-то защищаются? Ну, это же логично: если есть оружие, нужно задуматься и о защите.

– Методики потрошителей – тайна почище царского дара, – усмехнулся с заднего сиденья старик. – Никто не знает, как они делают то, что делают. А защита... Умелый целитель способен спасти от проклятия, но не всякого и только на начальной стадии. Правящие семьи минимум раз в неделю проверяются у доверенных лекарей. Других способов закрыться от удара просто нет.

Лекарь-якут оказался моложавым мужчиной среднего возраста. Невысокий, с круглым телом, круглым лицом и собранными в хвост на затылке черными волосами. Он лично встретил нас на крыльце утопающего в пламенеющей листве особняка и повел внутрь, по пути со сдержанной гордостью рассказывая, как тут у него все устроено и что за болезни здесь лечат. Я даже заслушался, словно и вправду был клиентом. И рак в начальной стадии? С гарантией? Да вы что!

Целитель, видать, решил, что рука князя приехал к нему как пациент. Той же причиной объяснил себе и сопровождение в виде престарелого наставника. Ну а что? И сильные мира сего подвержены простуде, несварению желудка и переутомлению! Все же люди – из костей и мяса, из детских комплексов и взрослых проблем. Просто одни могут огнем кидаться, а другие нет. Не стал я его разубеждать – так даже проще будет разговор построить.

Кабинет у целителя с мировым именем оказался большим, но простым до аскетичности. Гладкие стены приятного бежевого цвета, множество крохотных светильников под потолком, дающих рассеянный и мягкий свет, толстый ковер и большое окно, выходящее на пожелтевшую березу. Никаких полок с историями болезней, никаких портретов маститых лекарей прошлого. Массивный, темного дерева стол у окна, два удобных даже на вид кресла, диванчик в

дальнем углу – вот и вся обстановка. Видал я, скажем, кабинеты в медцентрах своего мира и побогаче.

Устроив нас с дядей Ваней в креслах, а сам сев за стол, владелец клиники выжидательно устался на нас. Давайте, мол, господа хорошие, рассказывайте, что за недуг привел вас ко мне?

– Прежде всего, уважаемый господин Тытысыт, прошу вас учесть, что данный разговор должен остаться исключительно между нами, – предупредил я. – Речь пойдет о здоровье членов правящего дома.

– Конечно, Игорь Сергеевич! – болванчиком закивал якут. – Иначе мы и не работаем!

– В таком случае скажите: приходилось ли вам работать с носителями царского дара?

Я зашел издалека – ну не лупить же ему в лоб словами «что ты знаешь про потрошителей?».

Целитель на миг засомневался, но ответил утвердительным кивком.

– Однажды. Еще на родине. Собственно, это и стало причиной моего переезда под руку князя Пояркова. Вы ведь наверняка и так знаете.

– Признаться, нет.

– Младший сын Олёнёка Тыгына был подвержен наследственному заболеванию – плохой свертываемости крови. Я его лечил... пытался излечить от этого недуга. Но безуспешно. Недуги вырождения плохо поддаются даже целителям. В итоге Тыгын разгневался, и мне пришлось бежать.

– А у мальчика к тому времени уже пробудился дар? Я к тому...

– Я понимаю, к чему вы задаете эти вопросы, Игорь Сергеевич. Вы пришли поговорить о вашем двоюродном брате, княжиче Антоне?

– М-м... Да.

Понятно, что это лишь уловка, чтобы начать разговор, но как быстро он сообразил! С другой стороны, светило медицины и должен быть умным и проницательным.

– Пробуждение дара проходит у него штатно. Я неделю назад осматривал его по приглашению Николая Олеговича. Все энергетические каналы раскрылись, нигде не видно закупорки. Вам князь ничего не говорил?

– У нас напряженные отношения последние несколько недель, – напустил я на себя расстроенный вид. – А я беспокоюсь за младшего.

– Понимаю. Но, как я уже сказал, с княжичем все в порядке. Вам не о чем волноваться, Игорь Сергеевич.

Целитель замолчал. Руки спокойно лежат на столе, на лице профессиональная доброжелательная улыбка, а в глазах интерес и ожидание. Всем своим видом Тытысыт показывал, что готов так хоть весь день сидеть, выслушивая вопросы гостя и давая на них ответы.

– Это хорошо! Скажу прямо, вы меня успокоили. Но я не только с целью справиться о здоровье брата приехал, как вы понимаете. У меня к вам еще один разговор, если вы располагаете временем.

– Я давал вашему роду присягу. Все мое время – ваше.

Ишь ты, как тут все устроено! Присяга! Понятно, что это лишь вежливый оборот речи, не более. Присяга княжескому роду, как я уже успел выяснить, не имеет под собой ничего средневекового. Скорее, это особые условия для деловых партнеров: предприниматель получает льготное налогообложение, но обязуется регистрировать бизнес-активы только на землях сюзерена. Однако... звучит красиво.

– Я сейчас занимаюсь потрошителями, господин Тытысыт. – Говоря это, я очень внимательно следил за эмоциями собеседника. – Это такая преступная группировка...

– Я знаю, кто это, – спокойно откликнулся целитель. Только что-то промелькнуло в глазах. Что-то, чего я не смог распознать.

– И меня очень интересует ваше мнение, как человека с мирским даром, относительно того, что собою представляют...

Тут я немного замешкался, пытаюсь подобрать определение для мирян, с младенчества обученных не лечить, а убивать. Наверняка ведь у них было какое-то название. Не хотелось бы в очередной раз попасть впросак.

– Ведьмаки? – закончил за меня якут. Тем же ровным тоном.

– М-м... Да. Ведьмаки. Видите ли, я предполагаю, что потрошители, чувствуя угрозу, могут нанести удар по мне или кому-то из моих близких. И мне бы хотелось быть готовым и отразить удар.

Целитель тут же поднялся, быстрым шагом обошел стол и приблизился ко мне. Со словами «вы позволите?» он движением священника, проводящего коронацию монарха, возложил мне на голову руки и закрыл глаза.

Я напрягся и чуть было не врубил щит – данное действие уже почти стало рефлексом на любой вид опасности. Якут мог увидеть, что я не оригинальная версия обер-секретаря? Или это только наставник способен распознать? Блин, не учел такого поворота в разговоре, надо было уточнить у дяди Вани.

Тысыт простоял так с минуту. Неподвижно и, кажется, даже не дыша. Я тоже старался не двигаться, замерев в кресле.

Наконец целитель открыл глаза и буднично произнес:

– Все в порядке. Никакого постороннего влияния не наблюдается. Однако есть признаки истощения, но это, я полагаю, результат переутомления.

– Это и есть единственный способ защититься? – пошутил я. Вроде как бы я и знал об этом, но никогда не придавал значения.

Лекарь вернулся за стол, занял ту же позу и кивнул.

– Вы ведь вряд ли много знаете о возможностях мирского дара, Игорь Сергеевич?

– Пожалуй, немного. Но буду благодарен, если вы меня просветите.

– Человеческое тело – это великолепнейшим образом сконструированная машина. – В ровном тоне целителя стали проявляться нотки искреннего воодушевления. Словно он восхищался этим неведомым конструктором. – Здоровое тело, не только физическое, но и энергетическое, способно самостоятельно исцеляться от большинства болезней. Мы, целители, лишь инструмент усиления тех возможностей, которыми изначально обладает сам человек. Ну, знаете – тут усилить, здесь ослабить!

Лекарь со смущенной улыбкой развел руками, демонстрируя, сколь незначителен он сам и его дар в процессе восстановления изначальных функций здорового организма.

– Ведьмаки действуют схожим образом, но извращая сами принципы целительства. Они каким-то неизвестным современной науке образом нарушают ход энергетических потоков жертвы, запуская процессы, которые и приводят к смертельным болезням. Это и есть то, что большинство людей зовут проклятием. Сделать такое непросто, Господь устроил наши тела весьма мудро и даже снабдил защитой от подобных воздействий. Ведьмак не способен разрушить потоки разом, как и целитель не способен наложением рук спасти пациента. На любое воздействие – целительное или разрушительное – требуется время. По известным мне данным, это занимает от трех до семи дней – тут все зависит от силы ведьмака. К примеру, будь я изломанным мирянином, то смог бы проклясть вас дня за три-четыре. И еще через четыре вы бы умерли от остановки сердца. Понимаете?

Я кивнул. Пока вроде все было ясно. Хотя...

– Ну, так вот и выходит, что еженедельная проверка, проводимая целителем, способным разглядеть источенные ведьмаком каналы, достаточная мера для защиты от воздействия. Но можно и чаще, я всегда к вашим услугам.

А Самойлов назвал их идеальными убийцами. Надо же! Оказывается, защититься от них легче легкого!

– К сожалению, целителей с даром, способных разглядеть нанесенные ведьмаком повреждения, очень мало, – тут же разрушил мои рассуждения якут. – Большая часть моих коллег на это не способна.

Ну, тогда да, выходит, Глеб прав. Идеальные убийцы. Ладно, не за этим пришли, в конце концов! Нас же интересует не это, а возможная причастность Тысыта к лагерю потрошителей. Пока то, что я вижу и слышу, говорит в пользу лекаря. Понятно, потом надо будет у дядь Вани спросить, как якут реагировал на вопросы на невидимом мне плане. Волновался? Беспокоился? Злился? А пока прощупаем его еще одним вопросом.

– А целитель способен наложить проклятие? – Вопрос, что называется, на дурака. – Я не очень этот момент понимаю. Просто вы и ведьмаки используете один дар. Принципиальное отличие только в сфере применения. В целях, так сказать.

Все-таки прощупывать якутов вопросами – сложное дело. Я это еще на встрече с банкиром понял. У них же лица словно созданы для игры в покер! Неподвижны лицевые мышцы, ничего не показывают черные глаза. Как такого прочитаешь?

– Может, – спокойно откликнулся лекарь.

– Так ведь говорят, что методики ведьмаков – тайна?

– И это верно. Когда я говорил о такой возможности, имел в виду не чистое проклятие ведьмака, а, как мы его называем, попустительское проклятие.

– Поподробнее, пожалуйста.

– В этом нет ничего тайного, Игорь Сергеевич. Несколько подобных случаев подробно описаны в медицинских журналах...

– Которых я не читаю, – улыбнулся я. – Расскажите, что это?

Лекарь некоторое время молча смотрел на меня. У меня даже создалось впечатление, что вопрос будет оставлен без ответа. Но он, видимо, подбирал слова.

– К примеру, на осмотре я обнаружу у вас искривление энергетических каналов. От перенапряжения, стресса или вредных привычек. Ничего страшного, это выправляется даже сельским целителем за минуту. Но в перспективе такой случай, при условии того, что вы его запустите, может привести к зарождению серьезной болезни. Следите за моей мыслью?

– Пока да.

– Либо же я могу не заметить искаженных каналов и лечение проведу так, что они пострадают еще больше. И вы умираете. Не сразу, но за три-четыре месяца вас сожрет рак.

Я откинулся на спинку стула. Ни фиги себе! И чем это отличается от действий ведьмаков?

– Это возможно сделать с умыслом?

– Не думаю. Это лекарская ошибка. Целитель не способен принять подобное решение сознательно.

– Почему? – Объяснение меня не удовлетворило. Не способен, ага! Ну чисто ангелы!

– Это противоречит природе дара, – пожал плечами якут. – Вы ведь знаете, что ведьмаки живут очень недолго? Самый большой долгожитель из известных сообществу умер в двадцать один год, выглядя при этом как столетний старик.

Нет, все же Тысыт этот ни при чем, как мне кажется. Стал бы он откровенничать на такие темы, будучи главой филиала потрошителей. Да и потом, руководить таким мерзким делом и исповедовать подобные принципы... Ну, не знаю! Или мне просто не хочется в это верить, потому что я симпатизирую маленькому якуту?

– А я могу задать вам вопрос, Игорь Сергеевич? – спросил глава медучреждения, видя, что я замолчал.

– Да, конечно.

– Потрошители, о которых вы упоминали... Они что же, действуют на территории нашего княжества?

Я почувствовал возбуждение охотника, вставшего на след зверя. Что это? Праздный интерес? Обычное человеческое любопытство? Или он пытается прощупать меня? Сколько мне известно и что я собираюсь делать? Если он искомый нами «купец», почуял ли он в моем визите опасность? Ох, как я хотел бы сейчас видеть «глазами» наставника!

– Почему вы спрашиваете? – тоном контрразведчика на допросе спросил я. И глаза сузил характерно.

– Мы, я имею в виду носителей дара, их потенциальные жертвы, – пояснил целитель невозмутимо. – У многих из нас есть дочери... Если есть опасность, я хотел бы предупредить сообщество.

Отговорка или нет? Ладно, позже у наставника уточню. Аура же не врет! Наверное.

– Мне бы не хотелось преждевременного распространения паники, господин Тытысыт, – дипломатично проговорил я. – Но здоровая бдительность никогда не помешает.

– Я... вас понял, Игорь Сергеевич. Чем еще могу вам помочь?

Пять минут спустя, распрощавшись с целителем, мы с дядей Ваней, сидя в машине, обсуждали разговор.

– Никакой паники, никакого страха, – сообщил наставник, едва я спросил его об ауре владельца центра. – Вообще никаких сильных эмоций. Его аура подобна медленнотекущей реке. Это, кстати говоря, всем лекарям свойственно. Сильные страсти, как говорят, ослабляют дар.

– То есть он не наш «купец»?

– Сам-то что думаешь?

– Вряд ли. Мне он тоже показался тем, кем его считают.

– Целитель, контролирующий торговлю людьми... Идея была абсурдна изначально.

– Зато никто бы и подумать не мог! – попытался я оправдать свой ход мыслей.

– Это уж точно! – хохотнул старик. – До такого додуматься мог только иномирец вроде тебя!

Для очистки совести и чтобы уже закончить с первым подозреваемым, я позвонил Самойлову и спросил, как у него продвигаются дела. Услышал в ответ, что он не финансовый аудитор, но насколько можно судить по бумагам, якутский лекарь был чист, как его аура. А вот у артиста он обнаружил парочку любопытных операций.

– Два перевода поступили на его счет из банка «Хырчи». Вроде ничего такого, гонорар за участие в мероприятии, где он был особым гостем. Но мы с Алмазом покопались – да, он уже вышел на связь – и обнаружили, что «Хырчибанк» был промежуточным звеном, а изначально деньги поступили из эфиопского банка.

– Африка?

– Ага. Свободная от законов зона. Потрошители там себя как дома чувствуют!

Чудесно! Надо проверить!

– Глеб, а ты мне с ним встречу не назначишь?

– А ты меня с секретаршей своей не перепутал? – проворчал следователь. И прежде чем я начал оправдываться, что я даже не знаю, как самому искать выходы на артиста, добавил: – Ладно. Сейчас.

Глава 17. Итальянцы в России

Пока суд да дело, я спокойно поехал по направлению к центру. Глеб перезвонил через несколько минут, когда я проезжал территорию, в моем мире носившую название Хлопка. Здесь никакой хлопкопрядильной фабрики не было, обычная окраина города, застроенная типовыми двухэтажными коттеджами, утопающими в тусклой зелени тополей.

По голосу следователя я понял, что он встревожен. Да и заговорил он не об Иване Пупкине.

– Тут Алмаз проверил рейс, на котором должен был прилететь наш инквизитор... Черт его знает, зачем он это сделал, говорит, следы зачищал. Не суть!.. Есть, в общем, странность одна. Борт прибыл из Москвы, а в списке пассажиров – два итальянца. Понимаешь?

– Из Милана, небось? – откликнулся я.

Почему-то я совершенно не удивился. Более того, подспудно я будто бы ждал чего-то подобного.

– Возможно. Алмаз сейчас собирает информацию.

– Как будет, сразу мне пересылай. Я жандармов подниму.

– Вот так сразу? Жандармов? – В голосе Самойлова появилось сомнение. – Может, не стоит так резко?

– А чего? – не понял я. – Они на нашей земле, я что, раскланиваться с ними должен? Если обычные туристы – ты сам-то в это веришь? – отпустят и извинятся. А если нет...

– А если там маги? Жандармов положат за минуту! Только не говори, что ты уже готов дэберов на задержание отправить.

Это, как говорится, был бы перебор. Отправлять магический спецназ на одних только подозрениях... Ничего не зная о прибывших... Такой поступок я, может, и могу себе позволить, но удар по репутации обер-секретаря, особенно если все пойдет не так, можно нанести серьезный. А это мое самое надежное пока оружие.

– Ну, тогда просто наблюдение за ними организовать. Ладно. Разберемся, как информация от хакера поступит. Что с Пупкиным?

– Не дозвонился еще. Жди.

Мастер лаконичности Самойлов изволили отключиться.

Я пересказал разговор дяде Ване и получил от него «одобрям-с» относительно привлечения жандармов. И задумался.

Поставим себя на место преступника, как говаривал комиссар Мегрэ. Или Пуаро? Не суть! Важно вот что – кто пожаловал в Благовещенск из Италии и по наши ли души? Поехали!

Вот глава миланского отделения потрошителей узнает, что его давний противник инквизитор Беллони связывается с русскими коллегами и, весьма вероятно, получает от них информацию. Что-то настолько серьезное, что готовится вылетать в Благовещенск. Допустим, я купец, мерчантэ, как его назвал дознаватель. Что бы я сделал? Правильно! Грохнул бы оборзевшего следака и выдал все за самоубийство. Тем более что там и придумывать ничего не надо – тоска по погибшей молодой жене замучила. Что и произошло. А дальше?

А дальше я бы попробовал выйти на того русского, с кем говорил Беллони. Или нет? Тут зависит от того, есть у меня связь с головным офисом или нет. Дознаватель говорил, что у потрошителей система законспирированных ячеек, как у революционного подполья. Вроде так. Значит, выйти на русского купца я не могу – он мне неизвестен. А на центр? Должна же быть связь с центром? Или не обязательно? Ох, Антошин, надо было больше слушать учителя истории и меньше пялиться на девочек!

Предположим, связь есть – как-то же центр с филиалами общается? Я выхожу на голову и сообщаю: так, мол, и так, у нас утечка информации имеется, а русские коллеги в ус не дуют.

Что мне на это скажет топ-менеджер потрошителей? Скорее всего – сидите, Карло, на попе ровно и занимайтесь миланскими вопросами. Порешили Беллони – молодцы, а дальше уже не ваша юрисдикция.

Что-то я, похоже, из потрошителей настоящих иллюминатов сделал. Нет, но с дознавателем они вон как быстро разобрались. С другой стороны, меньше суток прошло. Черта с два они бы так быстро с центром связались. А итальянцы прилетели. В Благовещенск. С какого, спрашивается?

Сколько я разбираюсь в местечковых начальниках, а я в них очень хорошо разбираюсь, никуда этот Карло не звонил и ни с каким головным офисом не связывался. Решил быстро обрубить концы – и на своей земле, и в России. А вот уже после этого и докладывать об успешно проведенной операции.

Что нам дают все эти размышлизмы без фактов? Две вещи. Первая – итальянские киллеры не имеют связи с местным отделением потрошителей, иначе они попросту не приехали бы, а доверили решать проблему местным. И второе – убийцы круты. Скорее всего, сильные маги. Иначе просто не сунулись бы на чужую землю, где своих хищников хватает. И пожалуй, третье. Если к нам приехали киллеры, то они планируют быстро нанести удар и убраться восвояси. И не по мне, а по единственному известному им фигуранту – Самойлову. До которого, если по навигатору, еще двенадцать минут такой вот неспешной езды.

– Глеб, – рыкнул я в трубку, едва абонент на другом конце линии ответил. – Забаррикадируйся в номере и никуда не выходи! Мы с дядей Ваней едем уже.

– Данных по итальянцам еще нет. И Пупкин трубку не берет, – одновременно со мной раздраженно проговорил следователь: я его отвлекал. Но все же услышал меня и спросил: – Что стряслось-то?

– Думаю, за тобой приехали миланцы, – ответил я.

И отключился. Не хотелось, чтобы Самойлов начал тыкать меня носом в дыры в моих рассуждениях.

Машина, спокойно шедшая шестьдесят километров в час, взревела движком, когда я утопил педаль до пола. Водил я, пожалуй, похуже Глеба, поэтому сразу же накрыл все авто щитом. На всякий случай. Дядя Ваня позади хмыкнул с нескрываемой иронией, заметив мои манипуляции с даром. Вот что я творю опять? Спецназ, блин! Маг-недоучка и слепой наставник спешат на помощь! Если она нужна, надо жандармам звонить, дэберам! И вообще, прекращать это любительское расследование и привлекать князя. Можно же просто рассказать ему о «подозрениях», как-то подвести к мысли...

Руки между тем уже сами набрали номер Фочина.

– Федор Георгиевич? День добрый. Опять твоя помощь нужна. Да, помню, обещал рассказать, но просто некогда было. Слушай, тут утренним рейсом из Москвы парочка итальянцев прилетела. Ты мог бы своих озадачить выяснить, кто это? Ага. И еще дэберов дежурных в «Албазин» отправь. Я, может, на воду дую, но лучше же перебдеть, да? Ха-ха! Спасибо. А потом сразу к тебе, с докладом. Без шуток! Давай!

Голос свой я будто бы слышал со стороны: истерично-веселый, возбужденный до крайности. Видать, поэтому Фочин даже для виду сопротивляться не стал, а сразу ответил согласием. Надо бы и правда к нему заскочить...

– Игореш, обороты сбавь, а! – взмолился с заднего сиденья наставник. – Второй раз за утро я этой болтанки не переживу. Девятый же десяток!

Медленнее, но все равно идя почти на девяносто км/ч, мы через семь минут добрались до въезда в «Албазин». Спокойнее прокатились по гравийке до административного корпуса, где уже стояла черная «Ладога» со спецназом. Я, не останавливаясь, высунул руку из окна, предлагая дэберам ехать следом за «Москвичом». И в этот момент встревоженно вскинулся дядя Ваня.

– Игорек, у нашего домика кто-то покров поставил.

Покров? Какой... Покров! Аспект, который мне еще не по зубам, старик про него вчера вечером говорил. Блин, а я ведь даже не уточнил, что это за хрень!

– Что это? – увеличивая скорость, спросил я.

В животе противно заныло.

– Защитный периметр. Отрезает участок от внешнего мира, не пропускает звуковые и световые волны. Защищает от магического поиска. Быстрее давай!

– Я его могу видеть?

Руль вправо.

Вместо ответа дед закрыл мне левый глаз птичьей ладошкой. От неожиданности я чуть не рванул баранку в сторону.

Видимый мир раздвоился. Правый глаз видел проселок дороги, деревья, кустарник, пост охраны, мимо которого мы проскочили, левый же наблюдал препятствие шагах в тридцати за поворотом.

Он едва заметно мерцал, этот бледно-голубой купол. Здоровенный, с трехэтажный дом, мыльный пузырь, не дающий рассмотреть, что находится за его обманчиво прозрачными стенками. Натурально декорация к фильмам про инопланетян, прилетевших на Землю за мозгами! Где я такой треш мог видеть?

– Вижу. Он нас не задержит?

Руль влево. Господи, зачем такие извилистые дороги-то делать?

– Это покров, а не полог! – очень «понятно» объяснил дядя Ваня. – Гони! И пульсар готовь!..

Надо было бы пропустить вперед «Ладогу» дэберов, даже остановиться и объяснить им, что нас ждет противник неизвестных сил – не Самойлов же покров поставил! Но я просто еще сильнее придавил педаль газа и вогнал машину в непроницаемую голубую стену. Услышав перед столкновением, как позади истерично засигналило авто спецназовцев – кто-то, наверное, разглядел препятствие. Клаксон умолк, когда я пересек линию аспекта.

На лужайке перед домом стоял человек. Просто человек, на такой скорости я ни фигуры его не разглядел, ни лица. Зато я увидел – правым глазом! – как он методично взмахивал руками и лупил по особняку длинными зелеными плетями. От толстенных бревен отлетали целые куски, будто куски масла, срезанные горячим ножом.

Услышав ревущий звук мотора, человек обернулся.

– А-а-а! – заорал я на кой-то черт и вжал педаль в пол, выцеливая массивным капотом противника.

Никакого замедления времени, описываемого в подобных ситуациях, не случилось. На бешеной скорости «Москвич» преодолел последние метры, человек подпрыгнул, и... машина пронеслась под ним. Инстинкты водителя все сделали сами: руль вправо, педаль в пол. Моя «морковка», по-моему, еще двигалась, а я уже толкал дверь.

Гудя что есть мочи, пронзив мыльный пузырь покрова, на лужайку влетел черный джип дэберов.

Я бросился к дому, ища глазами исчезнувшего противника. Справа!.. Вроде бы справа!..

Дядя Ваня выскочил из кроссовера, похожий на суматошного богомола, и сразу же прыгнул в сторону.

Из окна второго этажа в вихре разбитого стекла выскочил Глеб. Воздух возле его рук плавился и дрожал.

Справа что-то мелькнуло, и на черный капот упала зеленая плеть, развалив нос машине надвое вместе с движком.

Вторая плеть ударила в меня. Ударила бы, но столкнулась со щитом, безвольно обмякла, мгновенно истончилась и исчезла. Под кожей пронесся разряд электричества – отдача.

Самойлов оттолкнулся руками от земли и бросился в сторону от убийцы. Трое мужчин выскочили из «Ладоги» и прыгнули в разные стороны. От них в сторону нападавшего – вот он, к патио бежит – полетели ломаные черные линии.

Развалившаяся на фрагменты реальность стала понемногу собираться в целостную картину. И звуки – они вернулись. С момента, как я заорал, пытаясь протаранить убийцу «Москвичом», звук словно бы выключили. А теперь стало слышно, как щелкает металл разрезанного двигателя, как гудит воздух, разрезаемый зеленым кнутом. Как шумно дышу я сам. И как кричит дядя Ваня:

– Пу-у-ульса-ар!

Красный отозвался с готовностью. С угодливостью, я бы даже сказал. Стоило мне услышать крик наставника, стоило подумать об убийце, стоило отвести правую руку назад – и ладонь ощутила теплую тяжесть живого огня. И я метнул его в наглеца, посмеявшегося напасть на мой дом. На моего человека! На друга!

Выжигая по пути кислород, пульсар величиной с мою голову устремился к незнакомцу. Тот как раз уворачивался от черных молний спецназа и готовился сам ударить в ответ, но, почувствовав опасность, вскинул руку. Ту самую, что совсем недавно стала свободной от зеленой плети. Рукотворная комета ударила его в ладонь и стекла на землю, не нанеся ему никаких повреждений, даже ожога не оставив! Словно я в него тухлым яйцом бросил, а не сгустком пламени!

– Fiamme? Veramente? Mica siamo bambini!³ – с явной насмешкой выкрикнул убийца. И, глядя мне в глаза, ударил жгутом по ближайшему дэберу.

Как у меня это вышло, я не понял. Не иначе, память тела сработала. Но я моментально превратил защитный кокон вокруг себя в полусферу, метнул ее наперерез ядовитой зелени. Плеть столкнулась с ней и повторила судьбу первой.

– Cretino⁴! – вполне понятно отозвался незнакомец.

Он дернул руками, из которых тут же выскочили новые плети, и пошел на меня.

«А почему он один? – очень своевременно мелькнула мысль. – Двое же прилетели?»

За его спиной Глеб, до того бежавший прочь – ну правда, что он мог сделать с таким монстром? – изменил направление и помчался к убийце. Спасенный мной дэбер встал во весь рост и вытянул руки в сторону итальянца. Его коллеги встали за его спиной и закрыли глаза. Дядя Ваня кинул в убийцу камень, внося, как мог, свой вклад в сражение.

Я же боролся с паникой и пытался придумать, что мне делать. То есть щит-то я сразу соорудил вокруг себя, но что-то мне говорило – не очень он поможет. Нельзя выиграть битву, находясь в обороне.

«Подрежь-ка ему ноги!» – всплыло в памяти. Убегающий стрелок – не человек, а вихрь эмоций. Черный жгут силы, посылающий ему вдогонку протуберанец. «На ненависти легче всего получается». Этого добра у меня сейчас вагон и маленькая тележка!

Убийца взмахнул плетями. Не ударил, а просто взмахнул.

– Siete pronti al giudizio universale?⁵ – спросил он, кривя губы в злой улыбке.

Он был уверен в себе. Настолько, что не считал всех нас способными нанести ему хоть какой-то вред. У него, наверное, были причины так думать. Матерый маг, убийца.

– По-русски говори, сука! – выдохнул я, отправляя черный («распад?») сгусток ему в грудь.

³ Пламя? Seriously? Мы же не дети! (итал.).

⁴ Кретин (итал.).

⁵ Готовы ли вы отправиться на Страшный Суд? (итал.).

В этот раз убийцу задело. Он вздрогнул. Остановился. Сделал шаг назад. Я еще раз швырнул в него кляксу ненависти, как бы она ни называлась. Не руками, просто желанием. А потом я понял, что к такой реакции привели вовсе не мои действия.

Ударили дэберы. От рук стоящего первым спецназовца к груди противника пролегла дрожащая черная полоса. Широкая, с локоть где-то, она и толкала итальянца назад. Двое магов отдавали свои силы своему коллеге и выглядели при этом очень напряженно. А убийца держался. И даже собирался вновь ударить!

Самойлов добежал и взмахнул рукой – Логан недоделанный! Убийца изящно, практически танцевальным движением, ушел от удара. Одна плеть приняла на себя невидимые клинки следователя – того будто током ударило и отшвырнуло на пару метров. Но и плеть истаяла в воздухе, правда, убийца тут же отрастил новую. Вторая же взлетела крестьянской косой и обрубила полосу дэберов. Итальянец повел плечами, рисуясь.

Что-то щелкнуло у меня в голове. Так бывает, когда целыми днями пытаешься найти ответ на вопрос и никак не можешь этого сделать. А потом вдруг – бац! – озарение. Простое решение, лежащее, казалось бы, на поверхности и донельзя очевидное.

Голубой – воздух и эфир. Зеленый – страх и тлен. Если метафорически – жизнь и смерть. А тут все метафорически с этой магией! Значит, антагонисты. Вот почему зеленый разрушается, когда сталкивается с голубым...

Додумать эту светлую мысль я не успел: итальянец атаковал сдвоенным ударом кнутов. Один шел в ноги, параллельно земле, второй – наискось сверху вниз. Уйти я мог только от одного, но не стал даже и пытаться. Вместо этого левая рука обзавелась сияющим голубым щитом, если приглядываться, очень похожим на римский skutum, а во второй образовался длинный и широкий меч анимешного персонажа. Да, я смотрел аниме пару раз!.. И что? Само вышло!

Щит принял на себя удар в ноги, а меч – легонький, чего таким не махать? – обрубил плеть в метре от руки миланского мага. Под кожей вновь пробежала дрожь электрического разряда, но я, вероятно, был сильнее Глеба и почти спокойно его выдержал. И пока убийца не отрастил новых орудий, я – почему нет? – швырнул в него голубой клинок.

Мэл Гибсон в «Храбром сердце» метал двуручный меч, и тот неизменно втыкался в грудь или живот врагу. Но то Гибсон, он вообще красавчик! Мой же меч, широченная полоса в две ладони и длиной метра в три, ударил колдуна плашмя. Но ему хватило и этого. Раздался треск, который можно услышать, если к оголенным проводам приложить лезвие ножа. Меч исчез в сине-зеленой вспышке, итальянец отлетел назад и совершенно неуклюже приземлился на землю задницей. Самоуверенность сползла с его лица краской, на которую плеснули растворителем. В глазах впервые появилось замешательство.

Я тут же обзавелся новым мечом, длинным, как и первый, но теперь похожим на катану. И кинулся добивать врага. Не знаю, как тут принято магией управлять, дар просить или еще как, но я, кажется, нашупал свой стиль. И он мне нравился! Пульсары, пологи, щиты – визуализировать надо! Вот так...

Из рук итальянца вырвались с десяток зеленых змей. Я едва успел скорчиться за skutumом, когда головы ядовитых гадин врезались в щит и проделали со мной то же самое, что я пару мгновений раньше с колдуном. Треск рассерженного электричества, судорога по всему телу и короткий полет, закончившийся падением на спину. Копчик отозвался вспышкой боли, угодив ровно на небольшой камень, оставленный специально для меня.

К счастью, колдун не стал завершать атаку. Из неудобного своего положения я увидел, как он подпрыгнул метров, наверное, на пять и в сторону. Я успел метнуть ему вслед пульсар, но он легко отмахнулся от него. Опустился на землю у самой границы покрова, повернулся в нашу сторону и насмешливо поклонился. После чего скрылся за аспектом покрова.

Кривясь от боли в заднице, я поднялся и оглядел поле боя. Дымил джип спецназа, сами дэберы тяжело дышали, упираясь руками в землю. Дядя Ваня семенил к Самойлову, который кряхтя только начал подниматься на ноги. Хорошо его приложило.

– Как же вы вовремя! – сообщил Глеб, кивая мне в знак то ли приветствия, то ли благодарности – разбери его.

– Это кто такой? – подал голос старший дэбер, глядя в ту сторону, куда скрылся миланец.

– Живы все?

Дядя Ваня доковылял до следователя и повел руками по его голове, проверяя степень повреждений.

«А если бы их было двое?» – подумалось мне. Вспомнились зеленые плети, голубые мечи и черные молнии. Прыгающие люди. ... Не в силах больше сдерживать напряжение, я опустился на землю и захохотал. Совершенно не заботясь о том, как это будет понято окружающими.

– Господи, какой же бред!

Моя команда посмотрела на меня с пониманием. Им было ясно, что сознание пришельца в их мир просто подломилось под обилием впечатлений. А вот спецназ глядел с недоумением. И у них явно были вопросы к моей нестандартной реакции. Одно хорошо: люди они были служивые и практичные, поэтому быстро вернулись к вопросам насущным.

– Ерофеич? – обратился один из дэберов к начальнику. Тому, кто лупил с их поддержкой черным лучом. – Мы что, его преследовать не будем?

– Не по зубам он нам, Алеша, – откликнулся тот. – Если б не рука князя – полегли бы все! Вызывай-ка подкрепление.

Я заржал еще громче.

– Ты как это сделал? – спросил меня дядя Ваня.

Полог уже истаял, лужайка возле изувеченного особняка была полна людей из ведомства Фочина, а я с друзьями сидел на земле возле «Москвича» и мечтал о сигарете. Отчетливо при этом понимая, что если мне кто-то ее предложит, я откажусь. Да, я бакалавр логики и последовательности!

Проходящие мимо жандармы и дэберы старались даже глазами не задевать нашу троицу, но любопытство родилось раньше человека. И я иногда все же ловил их полные опасливого уважения взгляды. Которые меня, как ни странно, совершенно не трогали.

– Сделал что?

– Применил защитный аспект как атакующий, – пояснил наставник.

Его ветровка была испачкана землей и травяным соком, на лице алели несколько мелких царапин, но в целом старикан выглядел бодрее меня. Я же себя чувствовал так, будто в одиночку разгрузил баржу с углем. Хреново то есть. Из носа нет-нет да и срывалась капелька крови.

– Ты же сам говорил, что можно? – не понял я. – У Глеба вон...

– Ты швырнул защиту, Игорь! Отделил от себя щит и прикрыл дружинника! А потом меч кинул в убийцу!

– И что?

Я все еще не понимал.

– Защитные аспекты привязаны к узлу и не работают в отрыве от него, вот что! – пояснил наставник. И быстро перешел на более понятный мне язык: – А ты будто брал синий, представлял его красным и швырялся им, как пульсаром.

– А так нельзя было?

Не, ну работало же!

– Раньше ни у кого не получалось... – развел руками старик.

– Это от недостатка воображения, – вымученно улыбнулся я.

Ну не рассказывать же ему про Гибсона с двуручником и Корпус Зеленых Фонарей. Они и так мой мир считают странным местом, чего масло в огонь лить?

Но я задумался. Ни у кого не получалось, значит? А они, судя по всему, пробовали? Но не получалось. А у меня получилось. Почему?

– И как ты сообразил-то с тленом именно эфиром бороться? – продолжал пытаться меня слепец.

Ему было жутко интересно. Понять-то можно, он все-таки наставник, а тут – чуть ли не рождение новой школы.

– Не сразу. Меня током ударило, потом Глеба откинуло. Каждый раз, когда голубой с зеленым взаимодействовал, такая реакция была. Ну, я и решил, что они антагонисты: жизнь и смерть. Хотя по радуге рядышком...

Обсуждение пришлось срочно сворачивать, поскольку на многострадальную полянку вышло новое действующее лицо – светлейший князь Николай Олегович Поярков. За его спиной маячил Мишико и как две капли воды похожий на него абрек. Оба с детским любопытством осматривали место сражения. В бросаемых друг на друга взглядах читалось явное сожаление о пропущенной драке.

Я запаниковал. Не знаю почему, но я был убежден, что князь из своего терема вообще не выходит. То есть я его не видел нигде больше, и... Наверное, выходит. Это же ненормально, когда владыка окрестных лесов, полей и рек сиднем сидит в четырех стенах. Но это вообще безопасно, вот так вот по улицам шляться? А в городе убийца и все такое!

– Николай Олегович?

На ноги я поднялся не без труда, но сумев сдержать рвущиеся наружу стоны. Болела каждая мышца тела, будто оно принадлежало не тренированному воину, а офисному планктону, сходявшему в спортзал. Изгибы сознания, чтоб их!

– Хорошее было место... – без выражения протянул князь. – Мы сюда, бывало, на шашлыки выбирались. Михаил, помнишь?

– Как не помнить, княже! – откликнулся Мишико.

Я стоял перед дядей, подобно провинившемуся школьнику. И думал: вот сейчас он спросит – что тут происходит? И мне надо будет ему что-то сказать. А я не знаю, что говорить. Впервые, наверное, в жизни не могу придумать правдоподобной истории для своего начальства.

– Ну, расскажешь, что тут происходит?

Прибыла еще одна машина. Из черного джипа выбрался шкафообразный Арцебашев. И в голове появились первые слова, которые надлежало сказать князю.

Глава 18. Слепок ауры

– Потрошители удар нанесли, – произнес я, чуть пожав плечами.

Мол, очевидно же, чего спрашивать?

– Что-то, я смотрю, они совсем связь с реальностью потеряли. – Голос князя был по-прежнему спокоен, но холодом от него дохнуло арктическим. – Толком рассказывай.

Арцебашев был уже шагах в пяти от нас. Я окончательно принял решение и приблизился к князю.

– Николай Олегович, давайте не здесь? – понизив голос, сказал я.

Дядька чуть удивленно прищурил глаза, но не стал задавать вопросы.

– Пойдем в машину.

– И в резиденцию сразу. И чтобы Михайлы Генриховича с нами не было.

Хмыкнув, князь развернулся и направился к своему джипу, по пути бросив воеводе:

– Михайло Генрихович, тут останься. Перерой все до суглинка и через час доложи, почему твои дружинники втроем одного варлорда осилить не смогли.

Арцебашев покраснел, что при его габаритах выглядело весьма комично, но кивнул и пошел устраивать разнос дэберам. Я не сразу, но сообразил, что боевые маги находились в его подчинении, а Фочину лишь выдавались на дежурство.

И вот еще, кстати, вопрос. Отчего-то мне этот спецназ крутым не показался. То есть магичить-то они магичили, или как это правильно называется, но не сказать чтобы с большим успехом. Я как-то иначе представлял действия дружины быстрого реагирования. Эффектнее, что ли. И эффективнее. А они и правда втроем едва ли что-то противнику сделать могли. Я, получается, недоучкой куда лучше выступил.

Евсеев – тот, к примеру, мне куда опаснее показался, чем его коллеги, сегодня дежурившие. Может, они просто слабее? Как вариант, кстати. Магов мало, и они вырождаются, как мне наставник говорил. Вот и берут в ДБР тех, кто хоть что-то может сделать. Надо полагать, против обычных людей они круты, как Гималайский хребет, шайку наркоторговцев разогнать им ничего не стоит. А с действительно серьезным противником – тут, видимо, такие, как мой двойник, потребны.

Вопросы, вопросы, вопросы. Когда же на них ответы будут? Некогда даже с дядей Ваней поговорить! Спросить, например, что за зеленые плети и почему мой «распад» и пульсар не пробивали миланца? Даже подумать про второго прибывшего итальянца времени нет!

Перед отъездом я дал знак своей команде садиться в «Москвич» и ехать за княжеской машиной. Дядя Ваня порывался что-то сказать, но я взмахом руки сообщил – не сейчас!

Уселся на заднее сидение «Ладоги» и прикрыл глаза. Поярков сел рядом, а берсы заняли передние кресла.

– Ну? – поторопил меня дядька, едва джип мягко тронулся.

– Давайте у вас в кабинете, Николай Олегович, – попросил я.

– Ох, эта мне твоя любовь к напусканию тумана! – не скрывая раздражения, буркнул князь и откинулся на спинку. – Ладно, бес с тобой, потерплю ужю. Сам-то как? Цел?

– Вполне. Но противник серьезный был.

До резиденции ехали в полном молчании. Иногда князь начинал шумно дышать, будто собираясь разразиться гневной речью, но потом вспоминал, что в машине кроме него и меня есть еще два берсерка, и, не желая терять лица, успокаивался. Я же оттачивал свое будущее перед ним выступление и рассеянно созерцал виды города, пролетающие за окном джипа.

Хороший город. Чистый, яркий, компактный. Зелени много. Здесь можно жить. Все славно устроено, кроме того, что меня постоянно пытаются убить. Но и я, как выясняется, уже

не бычок на заклание. Могу и сдачи дать. Еще бы разобраться во всем окончательно... Блин, кто же второй итальянец? Был он тут, нет? Как бы узнать?

Наконец мы остановились у парадного подъезда терема. Князь, пребывая в нетерпении, сразу же выскочил из машины и быстрым шагом направился к дверям. Я чуть задержался и попросил Мишико встретить Самойлова с дядей Ваней и передать им, чтобы топали в приемную. Грузин кивнул, но не произнес ни слова. Было видно, что ему чертовски интересно, но он сдерживает вопросы, блюдя табель о рангах.

– Ну? – повторил князь, когда я затворил за собой дверь его кабинета.

В этот раз вопрос вышел грозным – ожидание далось князю нелегко.

Я прошел за стол для совещаний, устало рухнул в кресло и начал плести историю в своем любимом жанре – смешивая правду и правдоподобный вымысел в правильных пропорциях.

– Как я уже говорил, удар нанесли потрошители. Но они в этой истории не главные фигуры...

Начал я без прелюдий – с Арцебашева. Вывалил все, что мне рассказал Самойлов: начиная от его допроса мамок и заканчивая нашим с ним соглашением. Вплел в историю татарина-хакера, появление которого обосновал нежеланием привлекать внимание к предмету расследования. Наставника, исполняющего у меня функцию детектора лжи. Упомянул и миланского дознавателя, вчера «покончившего с собой».

– Начали проверять связь Арцебашева с потрошителями и вышли на след москвичей. Уверенности не было, поэтому я ничего не говорил. Ну, сам подумай, прихожу я к тебе и вываливаю, что за всем воевода наш стоит. Стал бы ты меня слушать? Без доказательств – вряд ли!

– А сейчас они есть? – тихо спросил князь.

Ему было больно слышать о предательстве человека из ближнего круга, но он держал лицо. Глава государства и политик, что тут скажешь!

– Косвенные. Самойлов и Юсупов проверили его счета, всех его родственников и нашли большое количество поступлений денежных средств. Основная часть шла через якутский «Хырчибанк». Там, кстати, тоже какая-то афера с землей элеватора, но я еще не разобрался. Как бы не землю на себя якуты пытаются перевести. Но главное вот что. Почти все зачисления на счет воеводы по времени совпадают с фактами похищения женщин с мирским даром.

Это была самая слабая часть моего рассказа. Я ведь так и не успел поговорить с Глебом относительно полученной им информации. Нашел он подтверждение моим словам или нет? Да и вообще, примет ли князь такую связь потрошителей и Арцебашева, как совпадающие временные промежутки? А больше-то у меня на него ничего и нет.

– Потом с Беллони этим связались, от него узнали, что ячейкой потрошителей два человека рулят: один прикрывает – наш воевода, второй – финансами и продажами ведает. Ну и решили всех скопом брать, чтобы сразу всю организацию в княжестве обезглавить. Но они удар первыми нанесли: дознавателя убили, а к нам киллера послали.

– Кого? – уточнил дядька.

– Наемного убийцу, – пояснил я. И, выкручиваясь, как бы извиняясь, добавил: – От Беллони подцепил в разговоре.

Да, словечко не итальянского происхождения, но ведь можно предположить, что оно сленгом ходит по всей Европе?

– Да какой он наемник? – Князь вскинул руками. – Аристократ древнего рода! Только этим можно объяснить, что он натворил в гостинице. Раскидать трех дружинников, мою руку и скрыться! Я даже не думал, что в Европе остались варлорды с таким уровнем дара!

– Серьезный противник, – согласился я. – Но справились же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.